Конан и расколотый идол

Северо Валад

Annotation

Кто мог знать, что пытаясь украсть очередное сокровище, лучший вор Шадизара попадет в сеть интриг и колдовства, центром которых является статуэтка божества — магический идол…Как киммериец избавится от растущей власти магии?..

- Гидеон Эйлат
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII

Гидеон Эйлат

Расколотый идол

(Сага о Конане — 32)

Глава I
«Сыщик, ловец, жонглер»

Весь Шадизар знал о том, что Ахамур Байса Саламбен Давгаль Умбрия Лучимия по прозвищу Пузо держит в кулаке все южные кварталы и добрую половину восточных.

И весь Шадизар уважал его за это и завидовал, как говорится, доброй завистью.

Ибо Шадизар испокон века благожелательно относился к мерзавцам.

— И все-таки, почтенный Ахамур, — говорил ему хромой горбатый гость душным вечером в просторной беседке посреди роскошного сада, — я никак не возьму в толк, почему тебя устраивает только… гм… волевое решение. Почему нельзя просто взять и договориться?

Пузо крякнул и почесал макушку, под которой вдруг зашевелилось нечто наподобие мысли. Но если это и была мысль, она не спешила продраться к голосовым связкам сквозь напластования жира.

— На твоем месте, — продолжал ростовщик по имени Паквид Губар, не менее одиозная личность в Шадизаре, чем Пузо, — я бы не спешил рубить сплеча.

Пузо выковырнул из зубов волоконце копченого мяса. Он давно уже мог позволить себе самые дорогие и изысканные яства, но суровая молодость, отданная беспощадной борьбе за выживание, привила ему вкус к сытной и простой пище. Впрочем, для гостей он всегда приказывал ставить гол деликатесные блюда. Но если кто-нибудь к этим блюдам притрагивался, Ахамур, сам о том не подозревая менялся в лице.

Паквид Губар давно это подметил и, являясь к Пузу с визитом, ел то же, что и хозяин.

— Послушай меня, ростовщик. — Ахамур наклонился в сторону собеседника, огромный живот, словно только и ждал этого момента, растекся к столу и целиком накрыл миску с копченым кроликом и соусом. — В моем деле «договориться» значит вовсе не то же самое, что в твоем. Ежели я нынче решаю с кем-нибудь договориться, то завтра ищи его за городскими воротами, во рву с мертвяками.

Губар слегка побледнел и поспешил уступчиво кивнуть.

— Да, я, конечно, не это имел в виду.

При этом он подумал:

«Хвала богам, что у нас с тобой разные сферы интересов. Не надо ничего делить, а значит, «договариваться». Из тебя никогда не получится ростовщик, и ты сам прекрасно это знаешь. Ты не способен дождаться, когда деньги, пущенные в дело, начнут давать прибыль. Если утром дашь кому-нибудь под процент, то уже вечером твои громилы побегут выколачивать долг и походя перережут должнику глотку. Ты живешь сегодняшним днем, все, что добываешь, тут же пускаешь на ветер. А из меня никогда не получился бы такой авторитетный главарь банды, как ты, хотя связей с мошенниками у меня не меньше, чем у тебя. Все дело в том, что воры ценят первобытную силу и лихость, а вовсе не мозги».

Кожа на широком лбу Ахамура сложилась в толстые складки. Он думал. В муках рождал мысль.

— Я дожил до преклонных лет, — заговорил он наконец, — и добился своего положения только потому, что ни разу не нарушил три закона моей жизни. — С этими словами он поднял палец. — Закон первый: никогда никому уступай. — Рядом с указательным пальцем выпрямился средний. — Закон второй: не уступай никому никогда. И, наконец, третий

закон. — Выпрямился и безымянный палец. — Ежели кому-нибудь уступишь, цена тебе — кусок дерьма.

Чтобы следовать этим правилам, нужна поистине железная воля, — льстиво подтвердил Губар, — но ведь речь идет о совершенно особом случае…

Ахамур потупился и раздраженно пожевал губами. Он слыл человеком необычайно вспыльчивым и жестоким, и под его неотрывным взглядом Губар обеспокоенно заерзал.

Видимо, снова придя к какому-то решению, Пузо откинулся на спинку кресла и хлопнул в ладоши. Бесшумно и стремительно, как летучая мышь, появился мажордом самого что ни на есть злодейского вида.

— Этого сюда, как его…

— Качвара, твоя светлость?

— Ага, его. Вот память, чтоб ее!

«Твоя светлость, — мысленно усмехнулся Паквид Губар. — Герцог он у ворья, ни больше, ни меньше. Тоже мне, иерархия». Он вспомнил герб на карете Пуза — лубочная золотая канарейка на ажурном поле — и похолодел. Ему конец, если хоть один мускул на лице дрогнет. Пузо очень легко обижается и никому не прощает обиды. Но беспокоился ростовщик напрасно — лицо его не выдало. Оно давно само по себе научилось хранить каменную безмятежность.

«Может, и за себя похлопотать? — подумал Губар. — Пусть воры и мне присвоят какой-нибудь титул, я ведь им не чужой все-таки. Ну да, держи карман… В преступном мире, как ни удивительно, деньги значат гораздо меньше, чем в нем свете. Проще купить самый обыкновенный баронский титул у короля. А здесь важнее всего авторитет».

— Как рука? — поинтересовался Пузо.

Паквид благодарно улыбнулся, поднял правую руку, сжал кулак, растопырил короткие пальцы. На запястье багровели два рубца (он совсем недавно снял повязку), но кисть действовала исправно.

— Хорошие лекари способны творить чудеса. — За хорошие деньги.

Пузо кивнул. Было непонятно, порадовала его эта новость или нет.

Двое рослых слуг, волосатых, как гориллы, привели беседку Качвара. Насмерть перепуганный штафирка вил упасть на колени и бессвязно молил о пощаде. Гориллам приходилось то и дело хватать его за шиворот и ставить на ноги. Пузо равнодушно посмотрел на него и перевел взгляд на гостя.

— Ты любишь смотреть, как подыхают презренные собаки? — спросил он.

— Я нахожу это зрелище весьма увлекательным, — тактично отозвался ростовщик.

Этот пес вряд ли околеет привлекательно. Он просто трусливая мразь. — Пузо посмотрел на горилл. — Выпустите ему потроха. Но сначала подставьте таз, я не люблю ужинать в свинарнике.

Под вопли умирающего Качвара он отдал должное великолепно приготовленному мясу, свежей пшеничной лепешке с медом и терпкому красному вину. Губар с такой жадностью поглощал те же яства, чем привел хозяина дома в миролюбивое расположение духа.

— Никто не мешал этой размазне, — пояснил он, когда гориллы уволокли мертвеца, — быть хорошим и живым слугой.

От него всего-то требовалось — исполнить мое поручение. Не спорю, кому-то оно могло показаться сложным Так ведь Качвар даже палец о палец не ударил! Сразу отказаться не посмел — дрожал за свою шкуру. Предпочел клятвенно обещать, что живо обтяпает

дельце, даже заявил, что ему это раз плюнуть. И вульгарно попытался сбежать. Знаешь, как я его нашел?

Паквид изобразил на лице живой интерес.

— Явился мой приятель и все рассказал, — проворчал Пузо. — И при этом он так мерзко хихикал! Пока ты науськиваешь на меня таких шавок, сказал он, я не поставлю на твою шкуру и ломаного гроша. Спокойной ночи и новых неприятностей. — Он скрипнул зубами и вымол будто харкнул: — Ненавижу!

Паквид понимающе кивнул и пригубил вина. И можно смаковать эту дешевую гадость?

— Если бы Качвар сделал то, что от него требовалось, — вдумчиво говорил Ахамур, — он бы сейчас сидел во главе стола на знатной пирушке. Я бы исполнял все его желания, точно сказочный волшебник из Пещеры Сбывшихся Чаяний. Денег надо? На тебе деньги. На бабу потянуло? Да на здоровье, вот тебе хоть дюжина. Дворянских кровей шлюху добудем, только попроси. Вина? Пей, хоть залейся. Я хорошего не забываю. Помнишь, Паквид, как ты мне услугу оказал? Я что, в долгу остался?

— Нет. — Губар торопливо помотал головой. — Ты меня потом озолотил. Хотя было бы за что…

— Было за что! Я Паквида попросил: окажи услугу. И Паквид оказал. Головой, может, рисковал, а мне помог.

«А если б не помог, — уныло подумал Губар, — если б не спрятал у себя в доме твоих подельников, зарезавших на темной улице пьяного вельможу, — пришил бы ты Паквида».

— Качвара я ведь тоже просил об услуге. Просил, не приказывал. Вот чего я, Паквид, не люблю, так это когда честно врут в глаза.

«Посмел бы он отказаться!» Конечно, вслух ростовщик этого не произнёс.

— И ведь не он первый. Э-эх, пород пошел… — Пузо махнул перепачканной соусом рукой.

«Ого! — воскликнул про себя Паквид. — Выходит, ты не одному Качвару показал его собственные кишки? Видно, тебя и впрямь допек бывший приятель?»

— Ты вот сидишь, Паквид и, наверное, голову ломаешь: «Чего это меня Ахамур позвал?» Ломаешь, верно?

Губар неопределенно пожал плечами.

— Угу, — утвердился в своей догадке Пузо. — Ребятки мои волнуются, вот какое дело. Не понимают меня ребятки.

— Если бы я мог чем-нибудь помочь… — уклончиво начал Паквид.

— То-то и оно, что можешь, — перебил Пузо.

— О, боги! — беззвучно взмолился Паквид. — Спасите!»

— Почту за честь, — сказал он.

По всей видимости, не всякая бессовестная ложь, вызывала у Пуза отрицательные эмоции.

— Ты мне тут как-то про одного ушлого рассказывал, как бишь его… Тьфу, память! Ну, который тебе метку на лапе оставил.

— Конан! — Внешнее спокойствие не выдержало натиска ненависти и злобы. Лицо Паквида пошло красными пятнами.

— Во, точно. Ты тогда ни о чем не просил, а я ничего не обещал, но все-таки намотал на ус твою историю и велел присмотреть за молодцом. Ежели, думаю, опять от Губара помощь потребуется, будет потом чем расплатиться. — Он с ухмылкой поглядел ростовщику в глаза.

«Жирная свинья! — выругался тот про себя. — Мои люди с ног сбились, разыскивая Конана, а ты все время знал, что он прячется, но даже не намекнул. Может быть, он отсиживался где-нибудь в твоих кварталах, под твоим покровительством».

— Вот этого бы паренька на мое дельце подрядить, — медленно проговорил Пузо, словно спрашивал у Губара совета. — Он бы, может, и справился.

Ростовщик промолчал. Он старался взять себя в руки и боялся, что выдержка изменит ему.

— Не могу я больше своих ребяток дергать, — сказал Пузо. — Не понимают они меня. Думают, я их зазря гроблю ради собственного удовольствия. Будто я тиран какой или деспот. А задарма подыхать никому не хочется, правильно я говорю?

С этим Губар согласился совершенно искренно. Он все еще не понимал, чего от него хочет Пузо. Но злость его присмирела. Растеклась по тайникам души.

— Вот и Качвара наверняка жалеть будут, — продолжал Пузо, ковыряя в нижней челюсти заостренной лучинкой в палец длиной — целая жменя ее сестренок стояла перед ним на столе в глазурованном глиняном горшочке. — А меня, понятное дело, корить. В глаза упрекнуть никто не посмеет, ну, да мне от этого не легче. Я ведь не полено бесчувственное, переживаю.

Все мы люди, — дипломатично подтвердил Губар. Так вот, Паквид, — ласково проговорил Пузо, — нужна от тебя услуга. Сумеешь помочь — о чем хочешь проси…

«А не сумеешь — валяться тебе за воротами в канаве с гниющими трупами, — мысленно договорил за него Паквид выругался, опять же мысленно: — У-у, лицемер проклятый!»

— А не сумеешь, обиды держать не буду…

«Конечно, не будешь — после того, как глотку перережешь».

— Приведи ко мне того молодца.

— Конана? — Паквид не поверил собственным ушам.

— Его. Знаю, ты на него по сей день зуб точишь. Но будь другом, смири гнев и разыщи его. И не убивай, пока у меня в нем нужда не отпадет.

— Где разыскать? — произнес ростовщик вмиг севшим голосом.

— Да хоть под землей, ежели он там схоронился. Потеряли его мои оболтусы. Он ведь особо не скрытничал — пьянствовал вовсю, куролесил, подвигами своими хвастался. Ну, они и расслабились маленько. Никуда, думали, не денется. А он, шельма, взял, да и пятки салом мазанул. В самый момент, когда мне понадобился.

— А если его нет в городе?

— Ежели его нет в городе, ищи за городом. Где ты его найдешь, мне, сказать по правде, нелюбопытно. Расходы оплачу до последнего гроша. Я ж почему к тебе обращаюсь, как ты думаешь? Да потому, что ты на этом деле собаку съел. Вечно тебе должников приходится разыскивать, которые когти норовят рвануть с твоими денежками. И с теми, кто расплатиться но может. По части сыска в этом городе тебе равных нет.

«Во всей Заморе мне равных нет, — с гордостью подумал Губар. — Везде у меня прочные связи, в каждом городе. Бывало, из другой страны должника привозили, связанного и в мешке. Вот только Конан, подлец, ушел. Недалеко, правда, — к Ахамуру под крылышко. Надежнее укрытия в Шадизаре найти невозможно. Но раз Конан и от Пуза сбежал… То теперь он мой».

— Так мы с тобой друг дружку поняли, — сказал Пузо, — Конан мне нужен целым и

невредимым. И чем скорее приведешь, тем лучше.

— Приведу, — со вздохом обещал Губар. — Только ты больше никого об этом не проси, ладно? Не хочу, чтобы под ногами путались.

На самом деле он не хотел, чтобы кто-нибудь разыскал Конана раньше него. Просьба Ахамура равносильна приказу, если ты ее не выполнил — не важно, по какой причине, — тебе несдобровать.

— А когда он свое дело сделает, — сказал Пузо, — я тебе его подарю. Клянусь честью герцога.

— Гнилуха говорит, сейчас тут буча начнется, — говорил Конану лупоглазый беспризорник. — Тебе лучше когти рвануть.

Конан сплюнул в сердцах. Он уйму времени угробил, расхваливая перед богатым аквилонским путешественником свой товар — пышный ковер иранистанской работы. Жалко было упускать такого покупателя. Но предупреждению Гнилухи верить стоило. Вожак шайки нищих, которые днем подворовывали, а по ночам спали на этом базаре, слов на ветер не бросал.

— Кто на этот раз? — зло спросил он оборванца. На прошлой неделе побоище устроили хауранские торговцы — возмутились, когда местные бандиты обложили и. непомерным «налогом». Крови пролилось немало, не обошлось и без полудесятка убитых с обеих сторон. Конан в той потасовке не участвовал — никто не догадался его нанять.

— По твою душу, — с чисто детским злорадством ответил вестник. — Гнилуха говорит, двадцать или двадцать пять жлобов, все при мечах или дубинах. Я сам двоих а морды — что твой прилавок.

— Кажется, у тебя проблемы? — язвительно поинтересовался аквилонец. — Для хорошего торговца в базарный день личные заботы — непозволительная роскошь. — Он погрузил холеные длинные пальцы в пышный ворс ковра. — Ты уверен, что это шерсть горного козленка, а не заурядная овчина? И краски не ярковаты ли для настоящей иранистанской работы? Уважающие себя ткачи год, а то и два, выдерживают свое изделие на солнце, прежде чем выставить его на продажу.

Аквилонец был высок, хорошо сложен и держался очень самоуверенно. На его боку висела длинная шпага с усыпанной каменьями гардой, рядом с ней — стилет в изящных серебряных ножнах. Одет он был тоже во все дорогое, но излишняя кичливость наряда выдавала недворянское проведение путешественника. Всего вероятнее, он просто завидовал прославленным аквилонским рыцарям и старался подражать им в одежде и манерах.

— Ты на что намекаешь, почтенный? — вежливо поинтересовался Конан, обеспокоенно косясь по сторонам.

— На то, что ты, почтенный — самый настоящий жулик, — весело ответствовал аквилонец.

Рядом с ним стояли двое рослых телохранителей приученных не снимать ладони с рукояти меча. Богатырского сложения киммерийца с тяжелым клинком на боку они поглядывали с явным недружелюбием, но вызывающий тон не послужил для них сигналом изготовиться к бою, и это вмиг насторожило Конана. «Они уже готовы напасть, — подумал он. — Внезапно и неуловимо, как кобры».

— А поскольку я на дух не переношу жуликов, — буднично добавил покупатель, — я намерен отдать тебя в руки стражи. Вжикнула сталь, и в грудь Конана уперлись три клинка.

— Еще Гнилуха велел тебе сказать, — ухмыляясь, проговорил малец, который с откровенным наслаждением следил за развитием ситуации, — что тех жлобов на базар привел какой-то аквилонский петух.

— Ах ты, щенок! — хором вскричали Конан и аквилонец.

Мальчишка с хохотом шмыгнул под прилавок — только его и видели. Аквилонский путешественник, судя по всему, был вспыльчив, но умел моментально успокаиваться.

— Странные у тебя друзья, почтенный торговец, — улыбаясь одной стороной рта, проговорил он.

С этим Конан не был согласен. Ничего тут странного нет. Конечно, Гнилуха мог бы предупредить его гораздо раньше, едва заметил опасность. И тогда бы Конан скрылся по-тихому — мало ли заранее продуманных путей бегства? Заплати любому мусорщику два-три золотых, будет рад вывезти тебя под кучей гнилья на своей повозке со вторым дном, социально для таких «торговцев» как Конан, и предназначенной (на базарах облавы не редкость). Но за кем тогда погонятся ловцы, опрокидывая лотки и рассыпая по земле снедь, которую вечером бродяги соберут, поделят и съедят за милую душу? Гнилуха неплохо относится к Конану, даже устроил приказчиком к торговцу поддельными иранистанскими коврами, — но он вырос и состарился среди городского отребья и привык выше всего ставить собственный шкурный интерес. Вот и послал мальчишку к Конану за миг до того, как тот сам обнаружил опасность. Теперь у Гнилухи совесть чиста, да к тому же он услугу оказал — предупредил, что, помимо аквилонского хлыща с двумя телохранителями, тут целая толпа недругов киммерийца.

— Медленно выходи из-за прилавка, улыбаясь, говорил лже-покупатель, — и не притрагивайся к мечу. (Сопротивляться нет смысла, ты сам слышал — тут кругом люди.

— Тебя кто нанял? — хмуро спросил Конан, не трогаясь с места.

— Ну, что тебе ответить, Конан? Тот, кто достаточно богат, чтобы нанимать настоящих профессионалов, платит не за болтовню, а за работу. Прикуси язык и делай, что говорю. Еще одно слово, и я в тебе проковыряю дырку. А ну, выходи! — рявкнул он. — Считаю до…

Он не успел договорить. Он не успел даже заметить, как меч Конана покинул ножны и метнулся вперед и вверх. Он не успел даже осознать свою смерть.

Аквилонец рухнул на колени, вцепился левой рукой в поддельный ковер из овечьей шерсти и, заваливаясь на бок, потянул его на себя. Телохранители обладали прекрасной реакцией, но она в этот раз подчинилась инстинкту самосохранения, а не здравому смыслу. Вместо того чтобы просто ткнуть мечами вперед и пронзить Конана, оба отпрянули от удара, который предназначался не им. Они тотчас опомнились и с ревом бросились на киммерийца, но тот уже успел изо всех сил толкнуть на них прилавок с тяжелыми коврами, развернулся и бросился наутек.

Кто-то кинулся ему под ноги. Конан подпрыгнул изо всех сил, развернулся в прыжке и рубанул мечом. Мимо. С ревом налетел крепыш в кожаных доспехах, но кистень — не самое лучшее оружие для поединка с искусным бойцом на мечах. Не сносить бы глупцу бритой головы, если бы к нему на помощь не спешили двое телохранителей аквилонца и еще несколько охотников на человека.

В такой ситуации Конану оставалось только спасаться бегством. Он припустил со всех ног, отшвыривая и сбивая встречных, рассыпая штабеля товаров; вслед ему летели поили преследователей и разъяренных торговцев. Еще один бритоголовый попытался загородить дорогу, он так неожиданно выпрыгнул из-за телеги, что Конан не успел его зарубить. Он

облапил Конана, заорал: «Вот он! Держу!» — и получил по макушке рукоятью меча.

«А ведь они хотят меня поймать, а не прикончить, — вообразил Конан. — Чьи это люди?» И тут он вспомнил, где видел точно таких же бритоголовых битюгов — в загородном особняке Паквида Губара. В недалеком прошлом Конан мог стать одним из них — если бы прошел испытание до конца, если бы уничтожил несколько таких же, как он сам, солдат удачи, которые польстились на легкую работу и хорошую плату.

Сразу двое слуг Губара прыгнули на него с торгового ряда. Мимо одного Конан проскочил, другого серьезно ранил, и тот со стоном провалился в щель между прилавком и двуколкой с яблоками.

Киммериец оглянулся на бегу. За ним гналась толпа человек в тридцать, из них не больше четверти были вооружены. Остальные — обычные посетители базара — приняли его за вора и решили развлечься погоней. Коими и позавидовал бы тому из них, кто сумел бы первым настичь. Но не им было тягаться в беге с киммерийцем, которому доводилось преследовать оленей на горных тропах.

Базар был обнесен стеной из виноградных лоз, не то чтобы очень высокой, но перепрыгнуть невозможно даже с разбегу. Встречные шарахались в стороны перед бегущим рослым варваром с окровавленным мечом; возможно, их пугал не столько меч, сколько звериный оскал киммерийца. Ближайшие ворота были на запоре, их стерегли четверо, в том числе один бритоголовый.

Пегая лошадь, сонно жевавшая овес, взвилась па дыбы, когда Конан плашмя огрел ее по крупу мечом и дико заорал в ухо. В следующее мгновение она галопом неслась вперед, телега, накрытая кожаным тентом, оглуши только загремела по булыжной мостовой. Конан, успевший спрятать меч в ножны, перескочил через задний борт телеги, выпрямился, повернулся кругом, ухватился обеим руками за медную дугу, подпрыгнул и сделал кувырок назад.

И вот он на крыше фургончика. Трясло немилосердно, в любой момент он мог сорваться и шлепнуться на мостовую; тогда бы его, оглушенного падением, непременно настигли преследователи. Конан сомневался, что люди Губара расправятся с ним; скорее всего, бритоголовые будут защищать его от вошедшей в раж толпы бездельников. Но это была всего лишь догадка, и Конану очень хотелось, чтобы она догадкой и осталась. Стоя на полусогнутых ногах, балансируя раскинутыми руками, он ждал, когда повозка приблизится к забору на улочке, кольцом обнимающей торговые ряды. И вот — момент, который не повторится!

Под негодующий хоровой возглас толпы он изо всех сил оттолкнулся ногами от тента и, кошкой изворачиваясь в воздухе, перемахнул через ограду. Та содрогнулась под ударом его тела; руками Конан успел накрепко вцепиться в колья из корявых стволов винограда. За оградой громыхала телега; топот множества ног зазвучал громче. Едва Конан отпрянул от изгороди, несколько человек подпрыгнули, схватились за колья и стали карабкаться с другой стороны, а кто-то особенно сметливый просунул в щель руку с кривым ножом, пытаясь достать Конана.

Ворота распахнулись, четверо с мечами выбежали на улицу. Но Конан уже не боялся, что его догонят. Налегке, да и на короткой дистанции, он бы не уступил и скаковой.

Рев погони затих вдали. Конан перешел на шаг. Он лишь слегка запыхался да разгорелись щеки. Ему было весело. Почти сразу он спохватился, что радоваться нет причин.

«Где теперь прятаться? — подумал он, — Если даже на базаре нашли, узнали под

личиной торговца… Стоило ли красить хной волосы, отращивать и завивать на восточный манер бороду?»

Он сворачивал из переулка в переулок, пересекал проходные дворы, пока не решил, что слуги Губара безнадежно потеряли его. Вот и улица Срезанных Кошельков, в двух шагах отсюда — Ярмарочная площадь.

Ид краю площади Конан вошел в знакомый кабачок. Здесь всегда было относительно чисто и уютно, и здесь, он знал, долго ему не просидеть. Если люди Губара решат обыскать город, рано или поздно обязательно заглянут сюда. Он заказал жареной солонины с луком и мозговым горошком и большую кружку вина.

Сидя у окна, он неторопливо ел и глядел на площадь. Там всегда работал цирк и два-три балагана, а по вечерам столько гуляк собиралось, что яблоку было негде упасть.

На этой ярмарке он несколько раз встречал одного своего знакомого. В свое время они с этим человеком нашли общий язык, и Конану показалось, что в случае чего можно будет обратиться к нему за помощью.

Уже не раз обстоятельства побуждали его сделать это. По всякий раз его что-то останавливало, подворачивался ой способ решить свои проблемы. И только теперь он отважился.

Зазывалы Фефима обладали поистине лужеными глотками, однако им не приходилось надрываться. В цирк на Ярмарочной площади публика и так валила валом. С тех пор как талантливый жонглер внезапно разбогател и купил огромный шелковый шатер у нечистого на руку, вечно пьяного хоарезмийца Маагра, цирк перестал славиться оргиями и кровавыми побоищами и приобрел славу вполне приличного заведения, куда можно безбоязненно прийти даже с детьми. На его арене уже не крушили друг другу черепа добрые молодцы из разных бандитских шаек, что не так давно стало чуть ли не ритуалом, а также главным источником доходов хоарезмийца. В Шадизаре было несколько десятков крупных и мелких воровских щи они постоянно боролись за влияние, и поножовщина была делом совершенно обычным. Городские власти смотрели на это сквозь пальцы, если только конфликтующие стороны не нарушали «приличий», то есть не устраивали побоищ в людных местах, где могла пролиться кровь ни и чем повинных зевак.

Маагр, дневавший и ночевавший в таверне напротив цирка, локти кусал от досады. Деньги, выручение за продажу цирка, быстро таяли, — не только вино и шлюхи, но и азартные игры постоянно требовали финансовых жертв. К тому же его дважды крупно обокрали, как он подозревал, по наводке хозяина таверны. Правда, несколько десятков золотых монет еще осталось в укромном местечке, но они вызывали слезы, напоминая Маагру об упущенном им богатстве.

Впрочем, жгучая злоба быстро сушила слезы, когда Маагр поглядывал из окна или дверного проема таверны на свое бывшее имущество. Эх, дурак он, дурак! А ведь какие счастливые денечки! Совсем недавно под этим куполом объявлялись огромные ставки, и под вой обезумевших от запаха крови рядов победители с хохотом вздымали и кулаки, а служители хватали за ноги и уволакивали с арены побежденных. Да, при Маагре это стало чуть ли не ритуалом, доброй традицией — воры не резали друг друга в подворотнях, а красиво и достойно выставляли на арену своих бойцов. И тот главарь, чьи люди выходили из боя живыми, получал все. А Маагру доставалась плата за билеты и кое-что от щедрот счастливого победителя.

Сидя на грязной деревянной скамье, он смотрел, как последний прохожий, зачарованный музыкой флейт и цимбал, прельщенный голосами зазывал, платит три медные монеты и входит в цирк, как мальчишки в пестрых нарядах задергивают белый шелковый полог. Начинается представление, уныло подумал Маагр. Сначала плясуны и акробаты заведут народ, потом удалые казаки-запорожцы покажут чудеса джигитовки, будут и жонглеры, и толстопузые клоуны-чревоугодники — под шуточки и кривлянье целого быка сожрут в антракте. Фокус, конечно, — жратву незаметно скинут в подпол. Но как на публику действует…

Маагр скрипнул зубами. При нем в цирке не было фокусников. Клоуны были и акробаты, и жонглеры, а вот фокусов он не терпел. При нем все было по-настоящему. Даже медвежьи бои. Это сейчас на здоровенного мужика напяливают медвежью шкуру, и он топчется, мотает башкой и ревет — изображает косолапого. А добрый молодец охаживает его бутафорской дубиной и хохмит, потешает зрителей. Нет, Маагру чуть ли не еженедельно приходилось покупать медведя и еще чаще — нанимать нового бойца взамен безвременно ушедшего. Зато у него был цирк, а не балаган. Тьфу, мерзость!

И тут его взгляд привлек атлетически сложенный человек, подошедший к одному из скучающих зазывал. У него была черная с рыжим отливом борода и тронутые сединой длинные волосы, но Маагр весь свой век скоротал в цирке и чуть ли не с материнским молоком впитал умение распознавать трюки. Грим, сразу сообразил он. Седина и наведенные морщины на лице изрядно старили незнакомца, но прямая осанка, тигриная поступь и, вообще, уверенность, сквозившая в каждом движении, выдавали его истинный возраст. Не больше двадцати. На нем был полосатый халат, подпоясанный алым кушаком, шелковые шаровары и замшевые сапожки с загнутыми носками, но одежда восточного торговца шла ему, как журавлю ряса. Гораздо проще было бы представить его в неброских и надежных доспехах воина-северянина. Эту догадку подтверждал и длинный меч в потертых ножнах, висевший на боку загримированного. Да, меч плохо соответствовал наряду, но вполне подходил к телосложению владельца.

Маагр не мог слышать, о чем говорит незнакомец с лузгающим тыквенные семечки зазывалой, но любопытство взыграло и без того. Буркнув хозяину таверны: «Не убирай, приду — долакаю», он оставил на столе полупустой кувшин дешевого вина и вышел на площадь.

Человек в полосатом халате кивнул зазывале и направился к входу. Служитель цирка нагнулся и спрятал монету в башмак, а не в кошелек на поясе, где лежали деньги за билеты. Мальчишка у входа приподнял и сразу опусти перед незнакомцем полог. Будь Маагр по-прежнему хозяином заведения, он бы голову оторвал обоим. Даже для опоздавших на представление вход только по билетам, это железное правило. Странно, раньше он не замечал за ними такие вольности, у Фефима народ вышколенный. Разве что…

Разве что незнакомец заплатил не за вход в цирк. Его бы и так пустили. Просто он хотел что-то узнать, ответ его устроил, вот он и отблагодарил зазывалу монеткой.

Подойдя к молодому служителю, Маагр спросил первое, что пришло в голову:

— Фефим у себя?

Парень неторопливо раскусил семечку, сплюнул ним на мостовую и ухмыльнулся.

— У себя-то у себя, но ему не до тебя.

Маагр раздраженно поджал губы. Его в этом цирка уже не считали своим. О, времена!

— Мне надо с ним потолковать.

— Что, время некуда девать? — улыбался зазывала.

«Рифмач доморощенный! — мысленно выругался Маагр. — Будь я твоим хозяином…»

— У меня к нему срочное дело.

— Так плати и ступай себе смело, — не полез в карман за словом зазывала. — Заплатика за билет, без билета ходу нет.

Задушив в глотке проклятие, Маагр расстался с тремя медными монетами и взамен получил клочок белого холста с красным штампом — изображением бараньей головы. Билет тут же пришлось отдать мальчишке, который с явной неохотой отодвинул перед Маагром полог.

Вход закрылся, и бывший владелец цирка оказался в полумраке, в праздничном гуле аплодисментов, музыки, смеха и возбужденных голосов. Он повернулся, сделал три шага, прижался ухом к стенке шатра как раз напротив зазывалы, другое ухо закрыл ладонью и услышал то, что хотел услышать.

— Этому Фефим нужен, тому Фефим нужен, — ворчал зазывала. — Всем сегодня Фефим нужен.

— Маагр этот — сволочь, каких поискать, — громко произнес мальчишка у полога. — Ты-то у нас новенький, а вот мне довелось тут еще при нем поработать. Мишек в зверинце кормил, навоз из-под них выносил. Так он меня, гад, хотел под Пузо положить.

— Под пузо? — недоуменно переспросил зазывала, — Ты что, и Пузо не знаешь? Ну, деревня! Он в нашем славном Шадизаре первейший бандюга. Выродок, каких спет не видывал. Спасибо Фефиму — предупредил. Ну, я и чесанул отсюда, понятное дело. А потом вернулся, когда Фефим у сводника дерьмового дело откупил…

Маагр поморщился и выпрямился. «Так-так, детки, — думал он с укором, пробираясь в темноте под ярусами скамеек, — А я-то о вас заботился. Кормил, поил, одевал, заработать давал, а теперь, выходит, я сволочь, каких поискать? Вот и жди от людей благодарности».

Комнату Фефима он разыскал без труда — еще бы, ведь когда-то это были его собственные покои. Здесь он считал прибыль, развлекался с молоденькими актрисами, за кувшином вина договаривался с вожаками местного жулья о предстоящих «спектаклях». Здесь он был уважаемым человеком.

Вот и она — знакомая тисовая дверь в «святая святых». Она чуть приотворена, из комнаты доносятся голоса. Неторопливая, рассудительная речь Фефима и резкий, властный голос незнакомца. Ладонь Маагра привычно легла на дверную филенку… и застыла. Он пришел не за тем, чтобы говорить с Фефимом. Он пришел, чтобы слушать.

— Говорю тебе, здесь опасно, — убеждал гостя по хозяин цирка, — Только что тут побывали двое бритых, тебя ищут по всему городу.

— Угрожали? — спросил гость.

— Ну, что ты. Я же теперь не просто ярмарочный жонглер. Я — видная персона. У меня есть деньги, и это — самое главное. Всем плевать, как я ими обзавелся, важно, что они у меня есть. Паквид Губар вовсе не забыл меня, просто теперь он считает, что мы с ним одного поля ягоды. Таких врагов, как я, он отправляет на Серые Равнины только при удобном случае. Слишком уж много нас, что! каждому посылать шайку головорезов. И вдобавок мы начеку — тех двух бандитов я велел обезоружить и связать, прежде чем позволил им раскрыть рты. Так что утро они не осмелились.

— И чего он ко мне прицепился? — задумчиво произнес гость. — Не понимаю.

— А что тут непонятного? — сказал Фефим. — За тобой ведь никто не стоит. Пока тебя прикрывал Пузо, Губар не посмел бы тебя пальцем тронуть, а теперь Пузо сам и

интересуется, куда ты запропастился.

— А ты откуда знаешь? — настороженно спросил гость.

— Город у нас не шибко велик, слухам тесно. Мне сказали, что Пузо тебе помогал и рассчитывал на ответную услугу. А ты ответил черной неблагодарностью, то попросту сбежал. Пузо очень обиделся. А когда он на кого-то обижается, этот «кто-то», можно сказать, больше не жилец.

— Да он меня замучил, как клещ на мошонке, — сердито проговорил «восточный торговец». — Каждый день подсылал холуев, они твердили, что скоро от меня потребуется какая-то услуга.

— Да, это на него похоже, — со смехом сказал Фефим. — Если он ради тебя хоть пальцем шевельнул, значит, ты его должник до гробовой доски. Самое неприятное, что он и сам в это верит.

За дверью сидел на корточках красноносый неряшливый старик и внимал с замиранием сердца. Не важно, кто этот незнакомец. Важно, что Фефим, судя по тону, вот-вот согласится ему помочь.

— Ты у меня в руках, — торжествующе подумал Маагр. — Ты — мой шанс оказать услугу Пузу и Паквиду Губару. За это мне дадут денег, и я куплю этот цирк. Паквид и Пузо не откажут, ведь они хорошо помнят славные былые денечки, бои свирепых гладиаторов и любовные оргии на кровавой арене. Им нужен прежний Маагр. Не такой, как сейчас. На худой конец, кто-нибудь из них сам купит цирк, а меня назначит управляющим».

— Ну, ладно.

Маагр услышал, как незнакомец встает, и сам испуганно поднялся.

— Я у тебя время отнял. Извини, Фефим. Ты ведь мне ничего не должен, я просто так зашел, дай, думаю, проведаю знакомого. Пойду, пожалуй.

— Постой, — буркнул Фефим. — Сядь. Разве я сказал «нет»?

— Ты сказал, тут опасно. Зачем тебе рисковать?

— Сядь, говорю. И послушай, что я придумал, пока мы тобой языки чесали…

Глава II
«Доносчик, охотник, дичь»

До особняка Губара Маагр добрался почти к полуночи. Сначала он сунулся в старый городской дом, но служанка сказала, что ростовщик отправился в родную резиденцию и намерен провести там дня три, ни меньше, а в город будет приезжать по делам, — если Маагр хочет с ним встретиться, пусть наймет паланкин или повозку, и его отвезут. Надо было внять совету, но Маагр вздумал торговаться с носильщиками паланкинов, а потом с возчиками, и всякий раз цена ему (ему, проматывающему целое состояние!) казалась непомерной. И он побрел пешком, хоть и знал, что завтра, быть может, прокутит с девками больше денег, чем стоит любой из этих возков. Скаредность — это болезнь, размышлял он. Стоит ею обзавестись и потом очень трудно избавиться. И бедных она, как ми странно, одолевает чаще, чем богатых. Хотя, казалось бы, что терять бедняку? Но он дорожит последним грошом, чтобы выронить его через дырку в кармане.

Он дал себе слово не скопидомничать, когда вновь разбогатеет. Цирк всегда покроет любые расходы. Надо на широкую ногу, чтобы каждый день приносил радость. Ведь их, этих деньков, осталось не так уж много. Старик морщился от боли, медленно переставляя варикозные ноги.

Быстро таял день, с востока, с далеких отрогов Кезанкийских гор, дул холодный ветер. Маагр стучал зубами и держался за саднящую поясницу. Кому-то придется заплатить за его муки. Вспомнился мальчишка у входа в цирк, назвавший его сволочью. Старик приподнял верхнюю губу, оскалил редкие и острые, как у ласки, зубы. «Ты еще не знаешь, малыш, какая я сволочь. Погоди, щенок, ты будешь в ногах у меня валяться, умолять о заступничестве… когда я расскажу Пузу о твоем побеге». Пузо ничего не забывает, подумал он. Ни плохого, ни хорошего. Этим он и знаменит.

Дворец нависал над ним во мраке, и холодом дышали его стены, как будто не рады были ночному гостю. На стук Маагра ворота ответили надменным молчанием. Напрасно Маагр вертел головой, высматривая над каменной оградой головы сторожей. «Неужели все спят?» — растерянно подумал старик. Вряд ли. Он знал Паквида Губара. Куда бы ни шел ростовщик, на небольшом отдалении за ним следовала группа вооруженных и бдительных телохранителей. Они ни миг не упускали хозяина из виду. И всегда молчали.

«Сторожа здесь, — подумал Маагр. Смотрят на меня. И молчат». Он снова взялся за тяжелое бронзовое кольцо, свисающее из тигриной пасти, и постучал громче. Потом закричал:

— Меня зовут Маагр, я хочу поговорить с Паквидом Губаром. Это очень важно.

— Не кричи, Маагр, и брось оружие, если оно у тебя есть, — негромко сказали ему сзади. Что-то острое кольнуло в затылок, на подбородок легла сильная пятерня.

— Хорошо, хорошо, — сказал Маагр с улыбкой. Он нисколько не испугался. Бдительность — дело святое. — Он двумя пальцами вытянул из ножен кинжал с тонким лезвием и уронил на землю.

Пятерня быстро обшарила его, а потом стражник спросил, дыша в ухо жареным луком:

— Ты хочешь просить денег или отдать долг?

— Ни то, ни другое, — надменно ответил Маагр. — Я…

— Ты похож на оборванца. — В голосе стражника послышался упрек. — Клиенты моего господина — люди солидные. Какие у тебя рекомендации?

— Зачем нужны рекомендации, — вспылил Маагр, — я не собираюсь просить денег в долг? У меня к Паквиду дело совсем иного свойства…

— Я все понял, — перебил любитель жареного лука. — Извини, что задаю лишние вопросы.

С этими словами он повернул Маагра спиной к воротам, отступил на шаг и дал крепкого пинка. Старик с визгом растянулся на краю подъемного моста, едва не свалился в ров.

Пока он садился и тер ушибы, стражник отошел довольно далеко вдоль стены — видимо, ему вменялось в обязанности патрулировать вокруг особняка и спрашивать ночных гостей о цели визита.

«Надо было сказать ему, что хочу просить об отсрочке, платежа», — досадуя на себя, подумал Маагр. И крикнул вслед бритоголовому крепышу:

— Я хочу поговорить о киммерийце по имени Конан.

Слуга Губара резко повернулся кругом, подошел к воротам и ударил бронзовым кольцом два раза слабо и раза погромче.

— Сегодняшний условный стук, — пояснил он Маагру. — Ничего страшного, если ты запомнишь. Завтра он будет совсем другой.

— Я уже третий сон досматривал, — упрекнул Губар, протирая глаза. — А тебе какого демона не спится?

«Переигрываешь, — мысленно сказал ему Маагр. — Ты еще не ложился. У тебя кожа на морде дряблая, нездоровая, если бы спал, обязательно бы пролежни остались. Кого обдурить хочешь? Старого циркача?» Он пожал плечами.

— Я подумал, что завтра утром могу тебя здесь встретить, — сказал он, — а Конан может не дождаться, когда состоится наш разговор.

— Так ты его выследил?

Маагр кивнул.

— Твоя цена? — сухо поинтересовался ростовщик. Маагр назвал свою цену. И Губар, разумеется, счел ее слишком высокой.

— Мы не будем торговаться, — твердо обещал Маагр. — Или мы сейчас ударим по рукам, или я уйду. К Пулу

Сам о том не подозревая, он наступил Губару на больную мозоль.

— Ну допустим, я соглашусь, — моментально уступил ростовщик. Однако он бы не был Паквидом Губаром, если бы не выдвинул встречное условие: — Но половина прибыли от твоего цирка — мне.

— Треть, — проворчал Маагр. — Еще одну треть придется уступить Пузу.

— Боги! — Паквид сокрушенно вздохнул, и на сей раз не притворялся. — Ну, откуда ты, пьянь подзаборная, все знаешь?

Маагр многозначительно усмехнулся. Он бы не сказал, что знает все. Но он о многом догадывался.

— Этот город добром не кончит, — уверенно предрек Губар. — Ладно, твоя взяла. Выкладывай.

— Деньги вперед, — проявил Маагр вполне обоснованную осторожность.

Лишь когда сухие старческие руки прижали к животу тяжелый мешочек золота, Маагр

пересказал беседу, которую подслушал в цирке.

— И это все? — Паквид изобразил разочарование. — И за это мне пришлось расстаться с полутысячей золотых монеток?

— Они скоро вернутся, — поспешил его ободрить Маагр. — И каждая приведет ласковую миловидную подружку, а то и двух. Мой цирк — выгодное предприятие.

— Сегодня Конан ушел от двух десятков моих отборных людей, — сказал Паквид, — Он стоял на рынке за прилавком. Мои орлы перекрыли ворота, и Конан оказался в ловушке. Но он все равно сбежал, да еще заколол лучшего фехтовальщика в городе, аквилонского дворянина, который учил моих людей владеть мечом.

— А Конан знал, что твой аквилонец — лучший фехтовальщик в городе? — невинно осведомился Маагр.

— Наверное, он и сейчас об этом не знает, — невозмутимо ответил Паквид, — но дело не в этом. Что рынок, что цирк — никакой разницы. Много народу, много суеты. А наружу выскочить еще проще, чем на рынке, ведь там не стены, а одна видимость. Понимаешь, к чему я клоню? Если даже там будет целая сотня моих людей, у него все равно останется шанс.

Старик ухмыльнулся, нежно поглаживая мешок с лотом.

— Не останется, — сказал он, — если все сделаешь, как я скажу.

Он изложил свой план. Паквид выслушал, не перебивая, а потом удовлетворенно кивнул.

— Похоже на дело. Ладно, рискнем. Да не прижимай ты так деньги, селезенку раздавишь. А она тебе еще пригодится. Не бойся, не отниму. Цирк твой. Только с чего ты взял, что Фефим его тебе уступит?

— Фефим? — Маагр хитро улыбнулся. — А разве я сказал, что собираюсь покупать цирк у Фефима?

— У кого же тогда?

— Конечно, у его наследника.

Паквид хлопнул себя по ляжкам и расхохотался.

— А мне нравится этот шустрый старичок! Ладно, Маагр, если спровадишь Фефима на Серые Равнины, я не буду претендовать на долю прибыли от цирка. Так ты говоришь, он полагает, будто я попытаюсь его прикончить только при удобном случае? Что ж, пожалуй, он прав. Вот и будем считать, что настал удобный случай. Моя доля в прибыли — цена его головы.

Он повернулся к дверному проему и крикнул:

— Слуга!

Появился бритоголовый рослый мужчина средних лет свободной одежде.

— Приготовь для моего гостя комнату, он сегодня заночует здесь. Дай ему все, что попросит. И обязательно хорошего вина. — Он посмотрел на старика. — Ты ведь соскучился по хорошему вину, правда, Маагр?

При жизни это был необычайно крупный и, судя по громадным клыкам и когтям, свирепый экземпляр пещерного медведя. По словам Фефима, он задавил двух звероловов, когда его пытались взять живьем в Кезанкийских юрах. Остальным пришлось его убить, и теперь в его шкуре клоун — рослый, тяжелорукий и кривоногий мужчина — потешает на арене зрителей.

Киммериец заплатил клоуну за вынужденный простой, и тот, кланяясь и бормоча

благодарности, удалился в кабак. Теперь Конану предстояло ходить в медвежьей шкуре — не только на арене, но и между представлениями. Надежный человек из служителей цирка будет носить ему пищу и чистить его клетку. Конан несколько дней поживет под звериной личиной, а после, когда поулягутся страсти, найдет себе в городе другую безопасную «берлогу».

Опытный портной потрудился на славу — швы были «совершенно незаметны, остались только три отверстия: под хвостом, чтобы справлять нужду, и на запястьях, чтобы просовывать кисти, ну и, разумеется, смотровое, то бишь грозная зубастая пасть. Довольно сложный механизм позволял раскрывать и закрывать ее, сгибая и разгибая в локте левую руку.

— А ну-ка, порычи, — велел Конану Фефим.

Хлипкие стены комнаты затряслись от дикого, полного первобытной ярости рева.

— Походи на задних лапах.

Конан опустился на четвереньки и, виляя задом, прошелся взад-вперед.

— Потрясающе! — восхитился Фефим. — Да у тебя природный дар! Но все-таки надо немного потренироваться.

«Медведь» встал на задние лапы, растопырил передние и, мотая косматой башкой, с рычанием двинулся на Фефима.

— Ну-ну, полегче, — рассмеялся владелец цирка. — А то укротителей позову.

Мне большое зеркало нужно, — сказал Конан.

— Велю принести. Сегодня вечером тебе на арену, а пока тут побудь. Нет, ну надо же, до чего похож! Еще бы чуть-чуть вжиться в образ и можно настоящего мишку изобразить. Вот был бы номер, а? Чуточку бутафорской крови…

— До вечера вживусь, — уверенно пообещал Конан.

— Ну, это вряд ли потребуется, — улыбнулся Фефим. Ты ведь у нас всего на несколько дней. Хотя… Скажи-ка, ты твердо знаешь, что твое призвание — не цирк?

— Просто я вырос в горах и часто охотился на медведей, — объяснил Конан. — Изучил все их повадки. А иначе бы ноги с голодухи протянул.

Владелец цирка понимающе покивал. Ему явно нравилась идея насчет медведя, неотличимого от настоящего. Он помнил представления Маагра, помнил, какой бурей восторга публика встречала жестокие ристалища людей и зверей. На место нынешнего «косолапого» взять артиста потолковее, природным талантом, как у Конана. Поработать над шкурой, чтобы облегала тело, а не болталась, как на пугале. Ватой, что ли, подбить? Отшлифовать все движения. И пускай «мишка» выступает трижды в день, утром и вечером на арене, а днем в клетке, как украшение зверинца. Будет рычать из-за решетки и кидаться на посетителей, как настоящий. Даже лучше настоящего — ведь это будет его работа.

В дверь постучали. Конан быстро отошел в дальний угол, спрятался за вешалками с цирковыми костюмами Фефим отворил дверь. За ней стоял мальчик в пестром наряде, помощник зазывалы.

— Неприятности, хозяин.

Фефим насторожился. Недаром почуяло его сердце беду как только в цирке появился Конан.

— В чем дело?

— Охотнику нашему ногу сломали. Так что заменить надо номер с медведем. И афишу снимать…

— Постой, — перебил Фефим, — Как это — сломали? Как сломал? За что? И где он сейчас?

— У себя в фургончике валяется, гимнастки ему шины ставят. Говорит, в переулке нищий старикашка милостыни попросил, ну, парнишка наш его и послал куда подальше. А нищий возьми да как тресни его посохом по колену! тут, откуда ни возьмись, целая толпа бродяг. Ободрали е как липку, побили ногами и палками и ушли с песнями. Нога в двух местах сломана, ребро вроде тоже. И насчет черепа у него сомнения.

— Что ж это он, — расстроено спросил Фефим, — гроши для нищего пожалел? Эх, дурак, дурак!

— Да он бы не пожалел, кабы тот по-человечески попросил. Не в хамской манере.

Фефим тяжко вздохнул.

— Ну вот… Гвоздь программы псу под хвост.

— Так уж сразу и гвоздь, — Мальчик ободряюще улыбнулся. — А ты сам выступи. Тряхни стариной. Хочешь, я постою с яблоком на голове, а ты в него ножики помечешь?

Фефим запустил пальцы в мальчишеский чуб, дружески потеребил.

— Для этого мне упражняться надо каждый день, а не большого господина из себя корчить. Ты лучше вот что сделай… Помнишь, сегодня утром к нам один силач наведывался, спрашивал, нет ли для него какой работенки? Якфик его зовут, он у Маагра гладиатором был, вернее, бойцом с медведями.

— Помню, конечно. Покрутился тут и ушел несолоно хлебавши.

А куда ушел, не знаешь?

— Знаю, конечно. В кабак. Он там вино лакает с Маагром наперегонки. Вспоминает счастливые прежние денечки.

При упоминании о Маагре Фефим недовольно поморщился.

— Много ли Якфик видел тех счастливых деньков? — раздраженно произнес он. — Он ведь у Маагра и недели не прослужил, а со мной не захотел остаться. Скучно, говорит, без риска.

— Ага, помню я тех рисковых, — с ухмылочкой сказал мальчик. — Одного за другим с арены уволакивали. А потом я с совочком приходил, кишки подбирал.

— Якфик вроде не из дураков, — задумчиво проговорил Фефим. — Соображает быстро и на язык боек. Выучит несколько расхожих шуточек, и готов охотник.

— Лютый он, — мрачно сказал мальчик. — Костолом. Все они, гладиаторы, бешеные.

Фефим снова поморщился.

— Жалко номер снимать, — сказал он. — Зови Якфика.

Охотник был под стать зверю — широкоплеч, волосат и грозен. Массивные челюсти выступали далеко вперед, надбровные дуги сходились над переносицей, образуя рельефный вал. Шея, казалось, отсутствовала вовсе. Якфик грузен, но проворен, как кошка, — об этом говорило каждое его движение. Конан сразу понял, что под толстым слоям сала прячется мощная мускулатура.

— Это твой партнер, — сказал ему Фефим. — Ты уж с ним поосторожней.

Якфик угрюмо кивнул и окинул медведя оценивающим взглядом, как мясник осматривает предназначенную к разделке тушу.

— Не забывай ни на миг, что это клоунада, — обеспокоенно добавил Фефим. — На этот раз ставок на твою жизнь не будет.

Якфик снова кивнул.

— Твоя задача публику развеселить.

— Это мы запросто, — обещал Якфик на удивление ясным и бодрым голосом.

— Дубину мы тебе дадим бутафорскую…

Это еще почему? — возмущенно перебил он хозяин цирка.

— На всякий случай.

— Да что ты, Фефим, — обиженно махнул рукой охот ник. — За кого ты меня принимаешь? Бутафорскую дубину публика сразу отличит. Давай я выйду с настоящей, он, — Якфик указал подбородком на Конана, — сразу ее вырвет, мы начнем бороться, и я его одолею. Все будет, как в жизни. Да не бойся ты за него, я же все-таки артист.

— Без году неделя, — проворчал Фефим. Но было видно: ему и самому хочется, чтобы все было, как в жизни. — Ладно, будь по-твоему. Но смотри у меня, если что.

Под нарастающий рокот барабанов исполинский медведь выбежал на арену. Свирепо рыча и мотая головой оставляя позади на песке следы когтистых лап, он двинулся на бесстрашного юношу из дикого горного племени.

— Вы только взгляните на них, почтеннейшая публика! — говорил во весь голос облаченный в черное с золотыми блестками Фефим. — Совсем недавно они решили поохотиться и покинули свои пещеры. Много дней подстерегали они дичь в родных горах, и наконец спустились на равнину и встретились здесь, в этом цирке. Но что это? Кажется, наши дорогие гости совсем не прочь закусить друг дружкой?

Зрители рассмеялись и сразу умолкли. Медведь запрокинул голову и огласил купол душераздирающим рыком, а дикарь, потрясая тяжелой узловатой дубиной, нечленораздельно выкрикнул боевой клич своего племени.

— Ну, зачем же так сердиться? — с упреком произнес Фефим. — Разве нельзя разойтись по-хорошему?

Якфик оскалил зубы и потряс кулаком, медведь вскинулся на дыбы и сразу опустился на четвереньки.

— Вот ведь упрямцы! — Фефим укоризненно покачал головой, — Может, все-таки помиритесь? Я тогда обоим поставлю выпивку, даю слово.

Всем своим видом «упрямцы» демонстрировали неуемную ярость, и наиболее легковерным зрителям уже начало казаться, что на арене — самые настоящие медведь и дикарь.

— А может быть, вы, дражайшая публика, — обратился Фефим к зрителям, — попросите их уладить дело миром?

Цирк ответил гробовым молчанием. Шадизарцы не для того платили за вход по три монеты, чтобы мирить гладиаторов, пусть даже липовых. Тем более, что многие зрители помнили «настоящий цирк» Маагра.

— Понятно, — Фефим сокрушенно вздохнул. — Что ж, видимо здравомыслие должно отступить под натиском первобытных инстинктов, И то сказать: не нам с вами, любезные господа, учить этих детей природы, кого и когда им есть. Пускай победит сильнейший! — торжественно возгласил он, и цирк ответил шквалом аплодисментов.

Медведь снова поднялся на задние лапы и утробно рычал. Якфик с хохотом выставил перед собой дубину.

— Я вижу решение по крайней мере половины моих проблем, — обратился он к

зрителям. — Большую и толстую шкуру, с которой не страшны любые холода, а под ней — довольно много жилистого, но вполне съедобного мяса.

Медведь двинулся на него, махая страшными лапами.

— Когти тоже пригодятся — сделаю ожерелье для моей возлюбленной.

Зверю эта идея явно не понравилась. Он взревел разинутой пасти потекла слюна. Для этого Конану пришлось раздавить зубами рыбий пузырь, заполненный оливковым маслом.

— А голову подарю шаману племени, — рассуждал прагматичный дикарь. — Взамен он будет отгонять от моего очага злых духов.

На скамейках уже плакали испуганные дети. Взрослые заворожено смотрели. «Сегодня они еще не верят, что медведь настоящий, — подумал Фефим, — но завтра-послезавтра поверят обязательно. Конан — настоящий талант. Где еще такого отыщешь, когда он уйдет?»

— Что ж ты, братец, такой тощий? — осведомился Якфик у медведя. — Кожа да кости. Будь ты пожирнее, я бы натопил медвежьего сала. В наших горах это лучшее средство от всех болезней.

Конан упал на четвереньки и бросился на зубоскала. Тот с хохотом отскочил и перебежал на край арены.

— Тощий, зато проворный! Но не надейся, братец, растолстеть за мой счет.

— Прошу делать ставки! — раздался вдруг визгливый старческий голос. — Два к одному на дикаря!

Фефим оглянулся на кричавшего. Маагр! Ах ты, старый неисправимый прохвост!

— Никаких ставок! — громко заявил он. — У нас приличное заведение.

Но к Маагру уже пробирались между рядами скамеек несколько человек, на ходу доставали из кошельков деньги. Старик азартно сверкал глазами и хихикал, подставляя шапку.

— Господин в третьем ряду, — сказал, глядя на него, Фефим, — немедленно прекратите. Иначе я распоряжусь, чтобы вас вывели.

Маагр будто не слышал. Он вскочил на скамью и затряс над головой шапкой с деньгами, крича: «Ставки! Ставки!» Зрители шумели, к старику подходили все новые люди. Но хватало и тех, кто возмущенно кричал. Фефим тихонько выругался.

Тем временем медведь снова кинулся на охотника. На сой раз тот не отступил, а широко размахнулся дубиной и ударил зверя по лапе. Он бил вполсилы, и все же Конан одна не взвыл от боли; своевременно вспомнил, что ему полагается рычать.

Он приподнял голову и сквозь клыкастую пасть посмотрел на противника. Якфик ухмыльнулся и подмигнул, а затем поманил его свободной рукой. Конан двинулся к нему — на сей раз осторожнее — и получил не менее болезненный удар по левому бедру.

— Ты что, олух? — спросил он, не боясь, что его услышат на зрительских скамейках. — Поосторожнее нельзя?

Якфик осклабился, загукал, завертел дубиной над головой и ринулся в атаку. Конан получил дубиной в грудь, затем охотник метко пнул его в живот и кулаком, точно молотом, саданул по уху. Драться он умел и, судя по всему, любил.

Конан основательно разозлился и следующий натиск встретил ударом лапы наотмашь — разумеется, тыльной стороной ладони, чтобы не поранить противника когтями. От крепкой затрещины тот свалился на песок, но ничуть не образумился, лишь стал вести себя осмотрительнее. Он подставил дубину, словно позволял, как было условлено, вырвать ее, но в последний момент резко ткнул ею вперед, и у Конана свет померк перед глазами от

сильного удара по лбу.

Обморок длился всего мгновение, и киммериец даже сумел устоять на ногах, но, придя в себя, обнаружил, что ничего не видит — Якфик в прыжке попал ногой по медвежьему носу, и пасть, она же смотровое отверстие, сдвинулась вбок. Конан ударил по ней лапой, чтобы поправить, и с неуместной досадой подумал, что столь тщательно созданный образ трещит по швам. Теперь даже младенцам ясно, что в шкуре пещерного хищника прячется человек.

— Скотина, — тихо обругал он Якфика.

— Кто скотина? — переспросил тот во весь голос. — Ты кого назвал скотиной, косматое чучело?

Сокрушительный удар по голове поверг Конана на песок арены. Якфик отшвырнул дубину и стал пинать Конана ногами, а потом бросился на него сверху и замолотил громадными, как тыквы, кулачищами. Киммериец не чувствовал боли; сознание быстро покидало его. Собрав последние силы, он успел только раз ткнуть наугад, точно вилами, когтистой лапой и услышал болезненный возглас.

— Да разнимите же их! — раздался испуганный голос какого-то зрителя.

Ставки! Ставки! — заполошно вопил старик в третьем ряду.

— Проклятье! — воскликнул Фефим.

И Конан утонул во мраке.

— Дышит, — с облегчением произнес Фефим. Он поднялся с колен и обвел взглядом взволнованную толпу зрителей и своих людей.

— Посторонних прошу разойтись. — И добавил гром че: — Представление окончено. Это был последний номер. Он поманил пальцем троих служителей. — Надо его перенести ко мне.

Служители кивнули и взялись за дело. Фефим поглядел на Якфика — тот сидел на песке и зажимал окровавленной ладонью пробитую шею. Взгляд его мутнел, было видно, что он вот-вот потеряет сознание.

— Помогите этому дураку! — распорядился Фефим. — Лекаря позовите!

Кто-то из мальчишек бегом бросился за лекарем. Или делец цирка отыскал взглядом Маагра. Старик потрясал шапкой с деньгами и возбужденно подпрыгивал на скамейке.

Фефим стиснул кулаки и поднялся к нему, перешагивая через скамьи.

— Старая свинья! Это ты его подговорил? Маагр расхохотался.

— Тебе понравилось, Фефим? Это был настоящий цирк, правда? Кровь на арене. Смерть на арене. Как в добрые старые времена. Ставки! — выкрикнул он и встряхнул шапку. — Дражайшая публика, ваше удовольствие — наше удовольствие! Делайте ставки!

— Вышвырните вон мерзавца! — кипя от ярости, приказал Фефим. — А если еще раз посмеет сунуться в мой цирк, хорошенько отдубасьте палками. Если даже прикончите, я с удовольствием заплачу штраф в суде.

Двое крепких служителей заломили Маагру руки. Тот брыкался и визгливо хохотал, брызгая слюной.

— Скоро все вернется! — разносился его крик под куполом цирка. — Скоро все вернется!

Словно из-под земли рядом с Фефимом выросли несколько бритоголовых в неброской одежде. Крепкие буковые дубинки обрушились на головы служителей цирка, и те как подкошенные рухнули поперек скамьи. Маагр сразу успокоился и с хрустом покрутил

плечами — вправил суставы.

— Что это значит?! — воскликнул Фефим.

Сзади кто-то схватил его за волосы, двое бритоголовых вцепились в руки. Красноносый старше усмехнулся.

— Это значит, мой мальчик, что ты нам оказал неоценимую услугу. Но больше от тебя никаких услуг не потребуется.

«Конан!» — с тревогой подумал хозяин цирка.

Краем глаза он уловил блеск. Из шапки с деньгами вынырнул костлявый и прозрачный, точно вощеным шелком обтянутый, кулак. В нем уже успела согреться рукоятка кинжале с коротким и тонким лезвием.

Глава III
«Медведь, юнга, капитан»

В стальной клетке зашевелился зверь. Медленно поднялся на четыре лапы, пошатнулся, встряхнул косматой головой и взвыл человеческим голосом. Затем выругался. Лапы разъехались, и медведь плюхнулся на живот.

Присные Ахамура, сидевшие вокруг клетки на скамей и просто на земле под фруктовыми и декоративными деревьями, дружно захохотали. Им вторил визгливый, захлебывающийся смех Маагра. Паквид Губар выразил свое весели кривой улыбкой. Только Пузо остался серьезен. Он угрюмо смотрел на клетку, полагая, что радоваться преждевременно.

Из бурых запястий зверя высунулись две загорелые человеческие кисти, схватились за прутья решетки. Рывками перемещая руки вверх, медведь кое-как поднялся на задние лапы. Потом ухватил себя за шкуру на животе, рванул изо всех сил. Затрещали нитки, образовалась широкая прореха, В несколько резких, яростных движений Конан освободился от шкуры и пинком отправил ее в угол.

Люди Пуза — весьма живописное сборище шадизарских бандитов, с малолетства привыкших не страшиться ни зверей, ни людей и почитать лишь закон кулака и ножа, — потешались вовсю. Они сделали свое дело — дождались, когда люди Губара выволокут из цирка клетку с оглушенным «медведем», помогли им отбиться от разъяренных артистов и служителей цирка и перенесли пленника в надежные стены «резиденции» Пуза. Здесь они не боялись ни городской стражи.

(да если на то пошло, они вообще ее не боялись), ни циркачей, жаждущих отомстить за кровь хозяина. Они заслужили выпивку, еду и потеху. Выпивку и еду они уже получили — каждому был выдан вместительный кубок или оплетенная бутыль, и в сад вынесли несколько больших корзин съестного, а потехой будет скорая расправа над отступником, каковым бандиты считали Конана.

Но их главарь строил иные планы. Глядя в перекошенное злостью лицо киммерийца, на огромную лиловую шишку посередине лба, Пузо улыбнулся, как ему самому казачин, дружелюбно и ободряюще.

— Остынь, кипяток, — сказал он, — Здесь тебе не цирк, если так охота корчить из себя пещерное чудовище, зачем было шкуру сбрасывать?

Шайка заржала.

— А у него линька началась, — хихикая, пояснил Маагр. — И к тому же блохи заели.

— Ты, Конан, правда, расслабься, — посоветовал Ахамур еще добродушнее. — Разговор нам с тобой серьезный предстоит. Присядь, успокойся. Может, хочешь горло промочить? — Он щелкнул пальцами. — Вина гостю!

Один из приспешников подскочил к клетке, просунул между прутьями кубок с вином. Он был осторожен, но все-таки не учел тигриной ловкости и стремительности пленника.

Конан наступил ему на предплечье, опустился на корточки, аккуратно, чтобы не разлить вино, забрал кубок у верещавшего от боли бандита и оглушил его ударом огромного кулака по макушке.

Только после этого он последовал совету Пуза — сел и успокоился.

А ты и впрямь шустрый, — удовлетворенно заметил Пузо.

— Хочешь мне что-то предложить, — сообразил Конан. Глотнув вина, он спросил: — Работенку?

— Точно. — Ахамур сузил глаза. — И догадливый.

— Тут любой дурак догадается. Слыхал я, что ты меня ищешь, да решил, посчитаться хочешь. Выходит, ошибся я. Если б ты на меня зуб держал, просто подослал бы убийцу, и дело с концом. Все знают, Пузо — дядька крутой, пустого риска не любит. Нет, раз уж ты за меня так серьезно взялся, раз велел холуям отбить меня и через полгорода на себе тащить, — значит, нужен я тебе.

Пузо согласно кивнул. Ему нравился этот юноша, приглянулся, когда, сбежав от Губара, попросил у него убежища. Только независимый нрав киммерийца помешал сразу взять его к себе телохранителем. Главарь бандит решил хорошенько присмотреться к чужестранцу. Приказал своим людям оберегать его и все разумные просьбы выполнять. «Если не подойдет он мне, — решил он тог, выдам Губару». Но Конан вскоре сбежал, так и оставшись для него загадкой.

— Вот и хорошо, что не надо нам ходить вокруг около. Поговорим о деле.

— А вот так не пойдет, — заупрямился Конан. — Не будет никаких разговоров о деле, пока ты меня из клетки не выпустишь.

— Выпущу, непременно выпущу, — пообещал Пузо, как только мы с тобой поладим. А и не поладим, все равно выпущу. Отвезут тебя за ворота и в ров скинут. Мертвого конечно. На что ты мне, живой, будешь нужен?

Конан предпочел ответить угрюмым молчанием. Сочтя его за признание довода неопровержимым, Ахамур хлопну в ладоши.

— Все — кыш! Хватайте жратву и бегом отсюда! Паквид, Маагр, это и вас касается…

Маагр подобострастно закивал и рысью кинулся к выходу из сада, Губар встал и удалился неторопливо, степенно, пряча от взора Ахамура перекошенное гневом лицо. Ему нисколько не понравилось, что Пузо явно причислил его к своим холуям.

— Эй! — крикнул Пузо вслед приспешникам. — А это мне выносить прикажете?

Четверо поспешили назад, ухватили за руки и за ноги все еще не пришедшего в себя товарища и бегом вынесли из сада. Ахамур проводил их безучастным взглядом и повернулся к Конану.

— Вот что я тебе скажу, голубок. Мы с тобою не первый день знакомы. В этом вонючем городишке меня каждая собака знает и подтвердит мои слова, если вдруг усомнишься. Есть у меня два главных правила, я им с малолетства следую. Наверное, я их с молоком матери впитал, за что буду до гроба благодарен шлюхе, которая меня родила. Никому не уступай и ничего не забывай. Вот такие нехитрые правила. Смекаешь, к чему я клоню?

Конан, разумеется, отрицательно покачал головой. — Знаешь, бывают в жизни случаи, когда тебя припрут к стенке и даже не рыпнуться. Кажется, пиши пропало. Выпало с тобой такое?

Киммериец кивнул.

— Ну, и как же ты выкручивался? — поинтересовался Пузо.

— Да по-разному, — уклончиво ответил Конан.

— Выслушивал, наверное, претензии, а потом бил недруга по башке, как сегодня моего недоумка, и уходил преспокойненько, верно?

— Бывало и так.

— Вот то-то и оно. — Пузо с глубокомысленным видом поднял толстый волосатый палец. — Не бывает безвыходных положений. И не бывает единственного выхода, этакой мышиной норки, в которую тебе дадут протиснуться, если по-быстрому скинешь жир. Знал бы ты, парень, сколько раз всякие друзья-приятели приставляли ножик к моему горлу и говорили: ну давай, Ахамур, худей. А то больно у тебя живот велик, ты им чуть ли не полгорода накрыл. Выбирай: или ты покойник, или отдай нам все, что нажил праведно и неправедно, а потом забейся в норку и сопи себе на здоровье, только носа не кажи. Много их было, ой, много! И где они все? А я — вот он, винцо попиваю, девочек щупаю и половиной шадизарской сволочи помыкаю. И с тобой имею честь беседовать. И никто никогда, — назидательно заключил Пузо, — не заставлял и не заставит меня пойти наперекор моей совести.

«Было б чему идти наперекор», — усмехнулся про себя Конан.

— Вот и сейчас нашелся приятель, — сказал Ахамур, — который меня припер к стенке. Правда, этот не требует, чтобы я с ним поделился деньгами и властью. Ни то, ни другое ему не нужно. Странный тип, не правда ли, Комли?

По некотором размышлении киммериец сказал:

— Пожалуй.

— Ты когда-нибудь встречал человека, которому нужны деньги и власть?

Конан снова был вынужден задуматься. На своем коротком веку он встречал самых разных людей.

— Нет такого человека, — уверенно заявил Пузо. — Нет не было и не родится никогда.

— А твой приятель? — удивленно спросил Конан.

— Разве я сказал, что он человек?

Пузо умолк, чтобы вволю насладиться замешательство собеседника. Потом снисходительно пояснил:

— Мой приятель — идол племени юэтши, островитян моря Вилайет. Вернее, дух, обитавший в каменной статуэтке. До недавнего времени он был моим верным помощником. Когда-то, в романтической юности, довелось мне ходить по морю на купеческом судне…

Он проклинал свою мать — за то, что родила его на свет и бросила, когда ему не исполнилось и пяти. Он проклинал своего приемного отца — вора-домушника, который его лазать по ночам в чужие окна и отпирать двери, а в тринадцать лет продал его капитану торгового судна. Он проклинал своего «опекуна» — потому, что не выносил произвола над собой.

С тех пор, как на купеческом корабле «Воля ветров» появился юнга, у капитана и команды не было лучше развлечения, чем издеваться над ним. «Ахамур, нож в зубы и бегом на мачту — ты сегодня еще не соскребал с топа помет чаек». «Ахамур, мне не нравится, что ты толстеешь. На море лучший способ похудеть — меньше жрать и больше работать. А ну, живо драить палубу!» «Молодец, Ахамур. Ты хорошо потрудился и заслуживаешь награду. Дарю тебе гальюн — он твой до конца плавания. И чтоб ни пятнышка, понял?»

«Когда я буду капитаном, — мысленно говорил мальчик жестокосердным морским бродягам, тая за угодливой улыбкой кипучую ярость, — вы у меня будете чистить гальюн языком».

Но он понимал, что никогда не станет капитаном. Он ненавидел море и совершенно не выносил качку. Ежеутренне сгоняя с топа и рей наглых чаек, так и норовящих загадить

оснастку, он едва не терял сознание от страха высоты. Уже будучи взрослым, Ахамур чуть ли не каждую ночь возвращался во сне в те годы, полные невыразимых мучений и безумного страха — вот он болтается в вышине, под нежными голубыми разводами облаков, и вот сейчас легонько дунет ветерок, и он, точно капля белого птичьего помета, разобьется о палубу под хохот безжалостных матросов.

Он мечтал о твердой почве под ногами. И чтобы ни единой наглой рожи, ни единой подлой души поблизости. Забиться бы, как мышь, в норку…

— Ахамур, — сказал ему однажды капитан, вонзая в плечо крепкие просмоленные пальцы, — видишь остров прямо по курсу?

Мальчик заслонил пухлой ладошкой глаза от солнца, посмотрел на северо-восток и увидел впереди тонкую дымчатую полоску.

— Остров Каменных Истуканов, — сказал капитан, — древнее капище язычников юэтши. Он не так велик и знаменит, как остров Железных Идолов, это просто клочок безжизненной суши. Ходят слухи, что здесь иногда отсиживаются пираты, но ведь с таким удальцом, как ты, нам никакие разбойники не страшны, верно я говорю?

Ахамур съежился — он давно привык к тому, что капитанская похвала неразлучна с гнусными шутками. Вот и сейчас седой шкипер оправдал худшие ожидания мальчика.

— Нам нужна питьевая вода, — сказал бывалый мореход. — Так нужна, что ради трех паршивых бочонков я готов рискнуть старой шлюпкой и одним дармоедом. Постарайся высадиться в укромном местечке, чтобы пираты или дикари, если они сейчас на острове, тебя не заметили. Мы простоим ночь на якоре, но под парусом — чтобы в случае чего удрать. Это нелегкая работенка, Ахамур, ветерок свежеет, нас будет сильно сносить, и никому из всей команды не удастся сомкнуть глаз. Понял, к чему я клоню, дружок? Если к утру не воротишься, мы уйдем. А вернешься без воды — пеняй на себя.

— А если там вообще нет воды? — одеревенелым от страха языком спросил мальчик.

Капитан пожал широкими плечами.

— Тогда можешь считать, что судьба плюет тебе в рожу.

Судьба и впрямь не слишком благоволила несчастному юнге. Шестивесельная шлюпка, ведомая одной парой маленьких неопытных рук, у самого берега была подхвачена сильным прибоем и застряла между острыми рифами, которые торчали из воды, точно окаменелые челюсти исполинской древней акулы, одной из тех, что во времена незапамятные рыскали в этом море.

Мальчик чуть не разрыдался в голос, когда обнаружил, что уровень прилива сейчас на верхнем пределе и море уже вызволит шлюпку из ловушки. Для этого нужны по меньшей мере двое сильных мужчин.

Перенося бочонок на берег, он сорвался с рифа и вымок до нитки. А когда выполз на сушу, сообразил, что выбрал не слишком удачное место для высадки. Здесь прямо и тонкой полоской каменистого пляжа вздымалась труднoодолимая круча, и не было видно пути в обход. Подыскивая, по совету капитана, укромное местечко, он начисто позабыл о том, что надо подобраться с бочонками к источнику питьевой воды, а потом еще и переправить их, уже наполненные, к шлюпке. В каждый бочонок, по его прикидкам, должно было вместиться не меньше пяти ведер воды. Как, спрашивается, не расколоть их, скатывая с такой крутизны?

«А может быть, капитан просто решил отделаться от меня? — с тоской подумал Ахамур. — Понял, что моряк из меня никогда не получится, вот и придумал высадить на

необитаемый остров».

Предположение казалось настолько обоснованным, что мальчик задрожал от страха.

А вдруг корабль так и не встал на якорь? Вдруг он уже ушел?

Ахамур повернулся к морю, но ничего не разглядел в незаметно подкравшихся сумерках.

Он открыл рот, чтобы выругаться, — и прикусил язык. Остров не был необитаемым. Откуда-то из-за обрыва ветер донес взрыв нечеловеческого, неописуемо дикого хохота.

«Он чужой, — говорили голоса. — Он не молится нам. Он не юэтши».

Вздрагивая и озираясь на каждом шагу, при любом шорохе падая ничком и замирая, Ахамур пробирался в глубь острова, к каменному сооружению посреди столовидной горы, каковую представлял собой остров Каменных Истуканов.

«Зачем он пришел? — вопрошали голоса. — Мы его не ввали».

Никогда в жизни он не видел, чтобы луна и звезды светили так ярко. Словно задались целью лишить его малейшего укрытия. Но он не замечал и своих недоброжелателей — тех, кому принадлежали голоса. Хотя им тоже негде было спрятаться.

Впрочем, это его нисколько не успокаивало. Он уже понял, что голоса звучат у него в голове.

«Капище, — вспомнил он, снова поглядев на каменное сооружение. — На этом острове язычники поклоняются своим богам или демонам. Наверное, это и есть демоны».

— Он нас не любит, — обиженно заявил кто-то.

— А сам-то ты себя любишь, Яшмовый? — язвительно поинтересовался другой. — Только и знаешь, что ныть и жаловаться на судьбу. Забыл золотое правило: «уважай себя сам, тогда и другие тебя зауважают».

— Все бы тебе морали читать, Халцедоновый, — проворчал третий невидимый островитянин. — А ты бы лучше поинтересовался у нашего гостя, зачем он сюда явился нежданно-негаданно.

— Ну, уж коли ты, Ониксовый, просишь, — насмешливо откликнулся Халцедоновый. — Как я посмею тебе отказать! Эй ты, недолговечный, что за нелегкая тебя принесла? Лучше отвечай правдиво, мы шуток шутить не любим.

— Я моряк, — хрипло ответил Ахамур. — Мне ну питьевая вода. Там мой корабль. — В этом он вовсе не был уверен, но на всякий случай показал рукой назад.

— Мне нужна питьевая вода! — зло передразнил Яшмовый. — Ему нужна наша питьевая вода. Все они, люди, из одного камня тесаны. Являются незваными-непрошеными и говорят: было ваше, стало наше. А известно ли тебе, недолговечный, что ты идешь не по земле, а по костям бесчисленных любителей чужой питьевой воды?

Мальчик этого, разумеется, не знал.

— Они тоже не знали, — уверил его Халцедоновый. Ты не подумай о нас плохо, дружок. Мы не изверги какие-нибудь, чтобы убивать из-за пустяка. Просто мы свято блюдем свои принципы, которые сами же на досуга выдумываем. А досуга у нас хоть отбавляй, мы же не скитаемся по морям и чужим странам, как некоторые смертные бездельники.

— А я бы поскитался. — В голосе Ониксового мальчику почудился тоскливый вздох.

— Ониксовый, не знаю, как Яшмового, а меня ты замучил своей романтикой дальних странствий. Честное слово, если найдется дурак, который согласится забрать тебя отсюда вместе со всеми твоими причудами, — ноги ему облобызаю.

— Так вот, моряк, — обратился к Ахамуру Яшмовый, — воду мы бесплатно не раздаем.

Что в мире смертных, что в мире духов закон один — услуга за услугу. Ты на нашем острове человек новый, а вот будь на твоем месте юэтши, он бы сразу все понял. Мы можем дать тебе все, о чем ни попросишь, — но не «за так». Понял?

«За так» мы готовы поделиться с тобой только свободным временем, все равно его некуда девать, — подхватил Халцедоновый. — Но уж тогда не взыщи, что перед смертью небо с овчинку покажется. На развлечения мы горазды. Для того и созданы, как нам кажется.

— А мне надоели здешние развлечения, — посетовал Ониксовый. — Все одно и то же. Убили, зажарили, поплясали вокруг костра, съели. Не мы, конечно. Юэтши, наши приверженцы.

Халцедоновый хихикнул.

— Ониксовый у нас привереда. Но когда ему мажут лоб свежей кровью, он почему-то не брюзжит.

— Мне обрыдло однообразие, — пожаловался Ониксовый, как решил мальчик, не своим собратьям, а ему.

— Ты сам разрабатывал ритуал, — напомнил Яшмовый. — Да и чего еще требовать от скудоумных, неизобретательных дикарей? Все их таланты без остатка отданы ловле рыбы.

— Но ведь мы посылаем богатый улов, — возразил Ониксовый, — всякий раз, когда они просят.

— И что, наши дары идут впрок? — Халцедоновый был явно не из тех, кто лезет за словом в карман, если так можно выразиться о бестелесном, а потому бескарманном духе. — Юэтши всякий раз пожирают только часть рыбы, остальное благополучно тухнет. И снова им приходится голодать, пока в их руки не попадает какой-нибудь купец или пират, или просто бродяга, которого можно принести нам в жертву.

— Вот я и говорю, скучища, — Ониксовый отчетливо вздохнул. — Порочный круг.

— В этом море водятся пираты, — неохотно произнес Яшмовый. — Давайте как-нибудь попробуем с ними договориться. Может, ты и прав, Ониксовый, — насчет того, что нам пора обновить паству.

Ониксовый возмущенно фыркнул.

— Кто бы говорил?! Или ты забыл, кто однажды вас убеждал попробовать с пиратами? Не прошло и полвека, и ты выдаешь мои слова за свои. А чем дело кончилось в тот раз? Вы с Халцедоновым довели их до умопомрачения, они передрались, а затем попрыгали с обрыва и разбились, и море унесло их трупы. Наверное, кто-то все-таки остался жив, и когда вновь обрел рассудок, обо всем рассказал другим морским разбойникам. С тех пор пиратские суда обходят наш уютный островок стороной.

Мальчик слушал потусторонних спорщиков, замирал от страха. Какая там вода — унести бы ноги! Добраться моря и прыгнуть в волны, как те безумные пираты, а там будь, что будет. Ни о чем другом он уже не мечтал. Ни видимо, островные боги (или демоны?) отчетливо улавливали страх юнги. Но никто ему не сочувствовал. Кроме разве что сущности по имени Ониксовый.

— Может, все-таки отпустим ребенка? — спросил он своих товарищей.

— Так вот сразу возьмем и отпустим? — проворчал Яшмовый. У него был неприятный, кашляюще-дре-безжащий голос. Если б Ахамур не знал почти наверняка, что голос принадлежит бесплотному духу, он бы вообразил его обладателя дряхлым капризным старикашкой, у которого вечно болит и не разгибается спина и который любит устраивать окрестной детворе мелкие пакости. — А он потом на все море раструбит, что Каменные

Истуканы растрескались от скуки и церемонятся с нахлебниками. Этак через неделю сюда целая толпа набежит за нашей питьевой водой.

Сам того не желая, он подал Ониксовому идею, и поспешил за нее ухватиться.

— Вот именно, Яшмовый! Он расскажет обо всем сородичам, и у нас будет новая паства. Больше мы никого отсюда не выпустим. Пускай они нас боготворят, пусть молятся, выдумывают разные обряды и ритуалы. Нам только этого и надо, верно?

— А жертвы? — вмешался Халцедоновый. — Откуда возьмутся жертвы, если их не отпускать с острова? Да и хорошего в том, что они день-деньской будут нам мозолим, глаза? Я, конечно, люблю компанию, но и к уединению успел привыкнуть.

Наступило молчание. С замиранием сердца, готовый вот упасть в обморок, мальчик ждал решения своей участи. Похоже, Яшмовый и Халцедоновый всерьез обдумывали идею Ониксового, а тот напряженно искал новый довод и свою пользу.

— Чем хороши дикари? — проговорил Яшмовый. — Приплыли — уплыли. Никаких неудобств.

— Ну да, никаких неудобств, — согласился Ониксовый. — Кроме скуки и, как следствие, вечной грызни между собой. Мы до смерти надоели друг другу, неужели вы этого еще не поняли? Мы перестаем цапаться, только когда находим себе иное развлечение. То есть, когда на нашем острове появляется люди. Друзья мои, я же не требую принять решение раз и навсегда. Давайте только попробуем. Дадим цивилизованным людям поселиться на острове, а если они будут нам докучать, долго ли от них избавиться? Между прочим, мы сможем даже устраивать между собой войны, и люди будут нашими солдатами. Все, как у больших богов.

— А вот эта идея мне уже нравится, — неохотно признал Халцедоновый. — Я бы хотел иметь собственную армию религиозных фанатиков. И даже распространить свое влияние на ближайшие острова.

— А потом тебе захочется покорить весь мир смертных, — насмешливо произнес Яшмовый. — Вот уж правду говорят, аппетит приходит во время еды.

— А что? — сердито спросил Халцедоновый. — Чем я хуже других? Почему я должен прозябать на заброшенном островке, когда остальные боги купаются в людском обожании?

— Точно за такие же речи, — сказал Ониксовый, — вы меня называете неисправимым мечтателем и безнадежным романтиком. Ах, друзья мои, до чего же вы непоследовательны!

— Ладно, я за то, чтобы попробовать. — Упрек явно задел Халцедонового за живое. — Но что от этого меняется? Яшмовый все равно ни за что не согласится, а без него мы не…

— Отчего же? (Мальчик услышал кашляюще-дребезжащий смех). Я согласен попробовать. Давайте отпустим ребенка. Моряк, ты уверен, что на корабле ждут твоего возвращения с питьевой водой?

— Нет. — Ахамур облизал пересохшие губы. — Боюсь, что корабль ушел. Меня просто бросили.

Яшмовый снова захихикал.

— Возможно, твои подозрения не лишены оснований, маленький мореплаватель. Но ты все-таки рискнешь, верно? Наберешь питьевой воды, сядешь в лодку и поплывешь на поиски корабля. А иначе тебе придется жить на острове. Впрочем, мы тебя не гоним. Оставайся, если хочешь, и будь нашим священнослужителем.

Ахамур встретил это предложение без всякого восторга.

— Я бы предпочел вернуться, — хрипло произнес он. — Но мне не хватит сил

перенести бочки с водой в шлюпку. А если я вернусь без воды, меня изобьют до смерти и сбросят ид борт. К тому же моя шлюпка застряла между камнями…

— Насчет этого не волнуйся, — сказал Ониксовый. — К тому времени, как ты вернешься на берег, все будет устроено. Плыви спокойно и ничего не бойся. На корабле тебя и пальцем никто тронуть не посмеет. Ибо теперь, — в его голосе зазвучала торжественная нотка, — ты — под моим личным покровительством.

— Э, э! — возмутился Яшмовый. — С какой это стати — под твоим? У нас на него прав не меньше, чем у тебя.

— Да, верно, — поддержал его Халцедоновый.

— Этот недолговечный — мой! — твердо заявил Ониксовый. — Если б не мое заступничество, вы бы его уже умертвили из-за паршивого глотка питьевой воды.

— Ты нарушаешь закон, который придумывал вместе с нами, — раздраженно произнес Яшмовый. — Все, что на этом острове находится, принадлежит всем нам. Личного имущества здесь нет и быть не может.

— Я беру ребенка, а вы всех, кого он приведет, — предложил Ониксовый. — А закон предлагаю сейчас же и отменить. Или вы забыли, что мы собрались воевать между собой? А воевать боги могут только руками смертных, это непреложный принцип мироздания. Не мы его устанавливали, не нам и отменять. Войска придется делить, и я готов уступить свою долю. Ради мальчика.

— На что он тебе?

— Отныне он под моей опекой до тех пор, пока не прогневает меня. Я хочу покинуть этот постылый остров и повидать другие страны. Теперь этот мальчик принадлежит мне, как и мое каменное тело. Считайте его моим средством передвижения. — Гораздо более ласковым тоном он обратился к Ахамуру: — Не бойся меня, малыш. И никого не бойся. Никто тебя не обидит, пока я тебе покровительствую.

На баке старого купеческого судна «Воля ветров» капитан и лоцман то переглядывались друг с другом, то снова устремляли на север изумленные взоры. Вся команда выбилась из сил за бессонную ночь, сражаясь с налетевшим нежданно-негаданно шквалом, а на рассвете корабль напоролся на риф и получил пробоину в левом борту. В трюм хлынула круто посоленная вилайетская вода. Пробоину можно было легко заткнуть товарами, которыми был под завязку набит трюм, но тут капитан допустил непростительную промашку: не желая портить тюки с шелком и атласом, он распорядился перенести из другого трюма запасной парус и с его помощью устранить течь. С этой задачей команда справилась, однако нижние штуки тканей пострадали. И тут, как назло, снова налетел ураганный ветер и растерзал в клочья самый большой прямой парус на единственной мачте.

Поистине, воля ветров в этот день была злой. Капитан торгового судна клял себя за неосмотрительность, матросы глядели на него с упреком. Все понимали, что парус-затычку теперь придется вынимать, и уйма товара будет безнадежно испорчена.

Но не эти горькие мысли заставляли капитана изумленно смотреть вдаль. Толстый неуклюжий мальчишка — бесполезный рот, никогда не упускающий случая заблевать палубу, — возвращался. Греб против сильного течения, которое вопреки все той же воле ветров принесло корабль обратно к острову.

Капитан, высаживая Ахамура на клочок суши, о котором среди моряков ходила дурная слава, нисколько не сомневался, что видит сопляка в последний раз в жизни. И вот он

плывет обратно.

— Но ведь вчера, — оторопело произнес кривоногий плешивый лоцман, — тут не было никакого течения.

— И откуда берется ветер? — Капитан указал на кудрявые облака. — Взгляни, они не движутся! Чудеса, да и только!

Средняя пара весел поднималась и опускалась, словно по собственной воле. Но мальчик, хоть и греб против невероятно сильного течения, вовсе не выглядел изнуренным. Словно провел ночь на пуховой перине, а не выбивался из сил на чужом, возможно таящем опасности, острове.

— Боги, смилуйтесь над нами, — пролепетал лоцман. — Он везет воду!

Лодка заметно оседала на корму, где лежали три вместительных бочонка.

— Этого не может быть, — пробасил капитан.

— А что, если ему помогли? — предположил кто-то из матросов. — Дали воды и отпустили с миром?

Капитан недоверчиво покачал головой.

— Об этом острове такие страсти рассказывают…

Шлюпка ткнулась носом в борт судна. Раздался гнусавый голос Ахамура:

— Капитан! Капитан! Я привез воду! Капитан и лоцман снова переглянулись.

— Шлюпку на борт, — буркнул капитан.

К борту кинулось полдюжины крепких матросов. Ахамур поднялся сам по веревочному трапу, его круглая физиономия сияла торжеством. Матросы вынули из шлюпки бочонки и поставили на палубу.

— А вот этот легкий! — воскликнул один из матросов, прижав бочонок к животу и стуча по нему ладонью.

— Пустой, что ли? — В глазах капитана сверкнула злоба, — Ахамур! Я, кажется, велел привезти три бочонка воды!

Улыбка сгинула без следа, лицо мальчика исказилось страхом и недоумением.

— Он не пустой, — сказал матрос. — В нем чегой-то брякает. — Он легонько встряхнул бочонок, внутри громыхнуло.

— Открой, — велел ему капитан. И обратился к Ахамуру: — Кто тебе помог? Юэтши?

— Нет. — Мальчик энергично замотал головой. — Там сейчас нет юэтши. Мне помогли их покровители.

— Ух ты! — воскликнул матрос.

К нему бросились его товарищи. Руки матроса утонули в бочонке, а затем на свет появилось каменное изваяние.

— Красотища! — восхитился лоцман.

Скорее всего, похвала относилась не к чертам истукана, а к материалу, из которого он был изготовлен. Просвечивающий камень в бледных лучистых прожилках сразу чем-то пленял взгляд. Матовый отлив поверхности смягчал ядовитую желтизну, которая, казалось, кипела в глубине. Камень наводил на мысль о застывшем ведьмином вареве.

— Это дорогой камень, — тоном знатока произнес капитан. — Медовый оникс называется.

— А работа какая тонкая! — сказал, разглядывая идола, лоцман.

Резец скульптора показал малейшие детали, буквально каждый волосок на теле.

Вместе с тем истукан был невероятно уродлив, походил на помесь дикого кабана с

обезьяной, увенчанной рваными собачьими ушами. Глаза были огромны и начисто вылезли из орбит — два мутно-желтых шарика, прикрепленных к черепу чуть ли не на висках. Широкий скошенный лоб был в бурых пятнах — матросы безошибочно узнали засохшую кровь.

— В Хоарезме за него большие деньги можно выручить, — проговорил капитан, подсчитывая в уме, на какую сумму уже испорчено товара и сколько его еще подмокнет, когда из пробоины вынут парус. Пожалуй, этот идол покроет львиную долю убытков. А что, если на острове есть и другие сокровища? Капитан повернулся к Ахамуру. — Украл?

— Нет. — Мальчик настороженно зыркнул на него. — Это подарок.

Матросы встретили эту наглую ложь оглушительным хохотом.

— И кто же тот щедрый человек, — поинтересовался капитан, — который дарит такие дорогие вещи никчемным ленивым мальчишкам?

— Это не человек, — признался мальчик, и в тот же миг у нем в голове цыкнул Ониксовый: «Молчи, Ахамур. Говорить с ними буду я». — Это не человек, — повторил юнга, удивленно вслушиваясь в собственный голос, — это два человека, щедрее которых не найти в целом мире. Они давным-давно поселились на острове Каменных Истуканов; один взял себе имя Яшмовый, другой — Халцедоновый. Их жизнь однообразии и скучна, а потому они неописуемо рады каждому гостю, и единственное их стремление — угодить. Меня там ждал поистине царский прием, я был обласкан, накормлен, развлечен и вдобавок получил вот этот великолепный подарок. И еще мне дали питьевой воды и ничего не потребовали взамен.

— Он как-то странно говорит, — заметил лоцман. — Точно по писаному. И где это видано, чтобы за питьевую воду с моряка брали плату?

Тут вообще чересчур много странного. — Капитан насупился. — Странный ветер, странное течение. Идол тоже загадочный. Там есть еще такие? — спросил он Ахамура.

— По меньшей мере, два, — честно ответил мальчик.

— Гм… — Капитан взглянул на лоцмана. — В этом плавании у нас большие убытки. Может, рискнем, а? Посмотрим, что делается на острове? Что это за отшельники, и с чего вдруг такая щедрость?

— Плохие слухи об этой земле ходят, ой, плохие. — Лоцман с сомнением поскреб щетинистый подбородок и поглядел на желтого идола.

— Но три драгоценных истукана… — Капитан криво улыбнулся. — По-моему, овчинка стоит выделки.

— Там есть и другие сокровища, — подал голос мальчик. И уточнил: — Так утверждают гостеприимные отшельники. Они откопали пиратский клад и теперь не знают, куда его девать.

Ни один уважающий себя вилайетский моряк, будь ж» трезв или пьян, не станет всерьез говорить о пиратских кладах, ибо в тавернах Хоарезма, Аграпура и других портовых городов на восточном берегу моря Вилайет эта темп давным-давно набила оскомину. Но здесь, рядом с загадочным островом, при виде драгоценного изваяния, прибывшего на борт «Воли ветров» в пустом бочонке для воды, лица моряков зажглись золотой лихорадкой.

— А вдруг это западня? — высказал лоцман закономерное подозрение.

— Но ведь юнга вернулся живым и здоровым, — логично возразил капитан. — Будь на острове юэтши, нашего жирного гусенка попросту насадили бы на вертел. На коварный сговор с ним у этих дикарей не хватило бы мозгов. К тому же они не знают нашего языка.

— А вдруг там пираты? — спросил один из матросов. — Они народ хитрый, запросто

могли подговорить мальчишку.

— Пираты? — Капитан рассмеялся. — Я знаю несколько пиратских шкиперов, у них при одном упоминании об острове Каменных Истуканов волосы встают дыбом, а зубы от тряски вылетают из десен. Пиратов туда никакими посулами не заманишь. Но кто-то из них рассказывал мне, что на этом острове действительно стоят три жутких идола, им поклоняются дикие рыбаки-людоеды. Похоже, эта желтая обезьянка — один из тех идолов. По мне, так он выглядит вполне симпатично.

— Пираты, — поддержал капитана старый матрос, — не додумались бы положить в бочку каменного болвана. Это слишком ненадежная приманка для морских купцов. Нет, пираты бы насыпали золота или серебра.

— Все-таки, думается мне, надо побывать на острове, — сказал капитан. — Познакомиться с добрыми отшельниками. Может быть, даже заключить с ними сделку. Наверняка их одежда давно превратилась в лохмотья… а у нас есть несколько штук ткани, которые все равно сгниют, пока мы их довезем до Акита. Да и вообще, стоянка не помешает — рею надо заменить, парус новый поставить. Все, решено. Но сначала подойдем к острову на шлюпках — разведаем, пройдет ли судно между рифами. Малыш, — обратился он к Ахамуру, и впервые мальчик не увидел в его улыбке плохо скрытой угрозы, — мы сейчас бросим якорь и высадимся на остров. Поглядим на твоих щедрых отшельников. А ты жди нас здесь.

Едва гребцы по команде капитана оттолкнулись веслами от борта корабля, сильное течение подхватило обе шлюпки и быстро понесло их к острову. Точно такое же течение совсем недавно несло одну из этих шлюпок и противоположном направлении, помогая Ахамуру добраться до судна.

Поистине этот остров был щедр на чудеса. Мальчик, опираясь на планшир, провожал команду странным взглядом. У его ног на палубе «купца» стоял открытый бочонок, в нем матово сияла в косых лучах утреннего солнца уродливая голова Ониксового.

— Один я не так силен, как в компании моих друзей, — проговорил в мозгу Ахамура голос идола, — но кое на что способен. Ахамур, я помогу тебе, если ты поможешь мне. От тебя требуется лишь немного уважения, которого я, как божество, несомненно, заслуживаю. Кроме того, ты должен брать меня с собой, куда бы ни направлялся. Ну и, разумеется, изредка приносить человечески жертвы. Не то, чтобы я остро нуждался в них, но зачем бросать многолетнюю привычку? Скажи, мальчик, ты способен убить человека?

Ахамур пожал плечами и ответил вслух:

— Не знаю.

— Зато я знаю. Ты только что обрек на верную смерть целую дюжину человеческих существ. Конечно, их нельзя назвать твоими друзьями, ведь они обращались с тобой очень плохо, но тем не менее ты сделал это с завидным хладнокровием.

— Но твои братья, — произнес мальчик, — говорили, что пока не собираются их убивать.

— Мои братья, — возразил Ониксовый, — создания очень капризные и непредсказуемые. Но одно несомненно: рано или поздно твои приятели начнут их раздражать, и тогда с ними будет покончено, а на остров вернутся примитивные и покорные юэтши.

Глава IV
«Заказчик, танцовщица, жрица»

Пузо надолго замолк, потом исподлобья взглянул на Конана, взял с тарелки заостренную щепку и принялся ковыряться в зубах.

— Ты мне его найдешь, — произнес он угрюмо.

— Что, у тебя стянули идола? — недоверчиво спросил Конан. — Да неужели сыскался такой смельчак, который обокрал грозного вожака шадизарских воров и грабителей?

— Поглядел бы я на того, кто осмелится стащить у меня хоть ломаный грош, — проворчал Пузо. — Впрочем, надо признаться, такие безумцы находились — воровская порода неисправима. Чем недосягаемее цель, тем больше охотников сломать себе шею на пути к ней. Однако существование Ониксового я хранил в сугубой тайне — он стоял в моей личной молельне, потайной комнате, куда вел потайной ход. Когда у меня возникали проблемы, я приходил к нему сам, когда ему от меня что-то нужно было, я слышал его голос вот здесь. — Он стукнул себя по виску испачканным жиром пальцем.

— И часто, — поинтересовался Конан, — он тебя звал?

Пузо пожал плечами.

— Довольно часто. Божок оказался довольно капризен — то требовал вынести его на прогулку, то ему не нравилась человеческая жертва, и он приказывал ее заменить, то хотел, чтобы его постамент инкрустировали драгоценными камнями. И я заставлял слуг выносить его на улицу в занавешенном паланкине, покупал на рынке дорогих рабов на заклание, платил огромные деньги жадным ювелирам. Сказать по правде, мы с Ониксовым всегда находили общий язык, и я не совсем понимаю, что на него нашло…

— Так он сбежал? — предположил Конан.

Ахамур тяжело вздохнул.

— Он прожил у меня — если так можно выразиться о каменном истукане — двадцать с лишним лет и ни в чем не знал отказа. Но зато и мне здорово помог. Своим преуспеванием я не так обязан собственным талантам, сколько помощи этого сверхъестественного существа. По сути, он и сделало меня тем, кто я есть. Ониксовый предупреждал о кознях недругов, подсказывал, как побольше выгадать том или ином деле, помогал ладить с властями и находи лазейки в законе. Вряд ли без него я бы добился свое нынешнего положения.

— По-моему, ты себя недооцениваешь. — Было непонятно, всерьез это сказано, или Конан посмеивается про себя. Удалец, который еще мальчишкой в одиночку привел судно в порт…

— Забавляешься? — Пузо насупился. — Я тоже всласть позабавлюсь, когда найду воров. В том, что найду, я ни сколько не сомневаюсь. Если ты мне в этом не поможешь подниму на ноги всех жуликов Шадизара. От них в это городе нигде не укроешься, это все равно что в муравейнике прятаться от муравьев. — Его щеки побагровели от гнева, пальцы до белизны в суставах сжались в кулаки.

Конан благоразумно решил на время сменить тему.

— Расскажи, как ты добрался до берега.

Пузо скривился — должно быть, воспоминания были не из приятных.

— Ониксовый — довольно сильный божок, но мореход из него никудышный. В борту у

нас была изрядная пробоина, заделать ее и поставить парус даже с помощью идола было невозможно. Оставалось лишь надеяться, что течение и ветер донесут нас до берега, прежде чем мы пойдем ко дну. Все это я ему доходчиво объяснил, а он в ответ рас смеялся и произнес какую-то тарабарщину, не иначе, заклинание. И тут я едва не спятил от страха. Кажется, он завихрил течение, создал что-то вроде смерча из воды и ветра; тот вздыбился над морем и понес «Волю ветров» к берегу. Меня крутило вместе с кораблем так жестоко, что я дал себе клятву на тысячу полетов стрелы не приближаться к морю, если останусь жив. Мы довольно быстро долетели до реки Ильбарс и двинулись вверх по течению, пугая тамошний люд; возле города Акит смерч унялся, и мы рухнули на мелководье. Со всех сторон набежала толпа портового отребья. Не увидев на борту экипажа, эти негодяи пришли в восторг и в один миг очистили наши трюмы, Я им не препятствовал, наоборот, прикинулся одним из них и унес на берег бочонок с Ониксовым. И с тех пор мы с ним жили душа в душу…

Он скривил губы и потер виски, словно его беспокоила мигрень.

Я знаю прохвостов, которые его украли, но ты их не ищи. Ими займутся другие. Я бы не стал с тобою связываться ради троих жалких негодяев, которым жить осталось не больше суток. Если только о них еще не позаботился наш общий друг. — Пузо ухмыльнулся, а в следующий миг скривился от боли и схватился за голову.

— О-о-о, проклятый идол…

Он со стоном прислонился к решетке, не замечая, что оказался в опасной близости от Конана. Но тот не собирался нападать, по крайней мере, до тех пор, пока не услышит подробности. История Пуза заинтриговала его. Подумать только, главарь бандитов, при одном воспоминании о котором у тысяч шадизарцев стынет кровь в жилах, почти всю жизнь пронянчился с каменной куклой. И все его везение целиком зависело от ее благосклонности.

«Хотелось бы мне взглянуть на храбрецов, — подумал Конан, — бросивших вызов самому Пузу!»

В этот момент Пузо пришел в себя и отпрянул от решетки. Лицо его стало серым, скулы обострились, во взоре поубавилось самоуверенности.

— Прежде чем взяться за твой заказ, — сказал Конан беззаботным тоном, — я должен узнать все подробности. А также условия нашего договора. Но я согласен их обсуждать только в более подходящей обстановке.

— Эй, лодыри тупые! — оглушительно прокричал Пузо.

На его зов сбежались охранники. — Свяжите ему руки. Надеюсь, он будет вести себя хорошо, а нет — пускай пеняет на себя. Мы продолжим беседу в моем кабинете.

Охранники боязливо выполнили приказ, отвели Конана в роскошный кабинет и толкнули к мягкому креслу. Конан держался с ангельским спокойствием. За его спиной по знаку Пуза встал слуга — чтобы прислуживать за столом. Точнее, чтобы кормить связанного с ложки.

Ахамур, громко пыхтя, уселся напротив Конана, аккуратно расположил живот на коленях. По его лицу струился пот.

— И кто же те наглые прохвосты, которых везде ищут? — спросил Конан.

Девка сказала, что ее зовут Дана. Но имя наверняка не настоящее. Красотка, каких поискать. Волосы — длинные и светлые, немного вьются. Настоящая блондинка, а это в Шадизаре такая же редкость, как раскаявшийся вор. Она меня совсем с ума свела — такие коленца выкидывала, что я на стенку готов был лезть. «Зингарские любовные танцы» — вот как называется, да еще она при этом баллады под бубен пела и раздевалась помаленьку. Не

девка, а лесной пожар.

— А в постели небось еще горячее, чем в танце, — предположил Конан.

— Врать не буду, — ответил Пузо, — не знаю. Говорю тебе, совсем она меня охмурила. Я, конечно, мог ее силой взять, так нет же, захотел добром поладить. И так и сяк пробовал, да у нее всегда отговорки находились. Мол, куда спешить, сладенький мой, я и так твоя, сама ни о чем другом не мечтаю, без тебя мне свет не мил и все такое прочее. Короче говоря, всякий вечер оставался я не солоно хлебавши, одними обещаниями сыт.

— Зингарские плясуньи, — кивнул Конан, — свое дело туго знают. Будут тебя за нос водить и завтраками кормить, пока все денежки не выудят. Их этому специально учат.

— Ониксовый ее сразу невзлюбил — почуял беду. Каждый день требовал, чтобы я ее в жертву принес, на худой конец, просто выгнал в шею. Да мне жалко было, я все чего-то ждал, надеялся… — Пузо горестно вздохнул. — Вот и дождался.

Он с силой потер виски.

— Да, девочка что надо, я в них знаю толк. Фигурка превосходная, грация врожденная. Наверняка она и сейчас где-нибудь отплясывает. Ничего, в каждом злачном местечке кто-нибудь из моих ребят пасется, так что рано или поздно вернется ко мне беглянка. И уж тогда ей не отвертеться от моих ласк, — зловеще добавил Ахамур.

— Как же ей удалось твою тайную кумирню найти и идола стянуть?

— Тут я сам дал маху. Впервые за двадцать лет показал Ониксового чужому человеку. До того дня ни одна живая душа о покровителе моем не ведала, кроме самых надежных слуг. Я, конечно, Дане ничего не объяснял, просто упомянул между делом, что истукан — вещь древняя и дорогая. Уж очень хотелось похвастаться. Само собой, в одиночку Дана это дельце провернуть не могла, а потому нашла себе дружков-соучастников. Я тебя с ними обязательно познакомлю — слово герцога. Один моих охранников оглушил — видать, силищи он неимоверной, а другой в дом через крошечное слуховое оконце проник, все хитроумные замки одолел, схватил идола и был таков. И как он в оконце протиснулся — ума не приложу. Ничего, у меня руки длинные, дотянутся и до этого пролазы.

«Пролаза? — завертелось в голове у Конана. — Что-то знакомое». Конан напряг память. Ну, конечно! Есть у него знакомый вор, которому по заслугам досталась кличка Пролаза. Вместе с ним Конан попал в передрягу у Паквида Губара, вместе с ним едва ноги унес из загородного дома подлого ростовщика. Вполне возможно, кража истукана — его рук дело. А девица по описанию очень уж смахивает на Сабу, авантюристку, каких поискать. Но кто же тот, третий? Конан вновь прислушался к речи Пуза. Тот говорил неторопливо, сильно растягивая гласные, и при этом выпячивал подбородок.

Я-то в это время с девчонкой был. Неделю она меня в черном теле держала, а потом говорит: «Ну вот, жеребчик мой ненаглядный, теперь я вся твоя. Только прикажи слугам отсюда выйти, я их стесняюсь». Я, как последний дурак, обрадовался и велел холуям убираться вон. Дана мне своими руками вина подала, чмокнула в лысину и в пляс пустилась — чтобы меня распалить и самой для любви разогреться. Вот уж не думал, что я, старый сом, когда-нибудь на такой простенький крючок попадусь. А Ониксовый на помощь меня звал, когда его уносили. Так кричал, что у меня сердце разрывалось. Но я в то время уже на полу валялся, шевельнуться не мог. Дана, стерва этакая, даже не подождала, пока на меня снотворное подействует. «Пойду, — говорит, — губы подмалюю». Только ее и видели.

— Да, ловко тебя провели, — усмехнулся Конан. — Только я не пойму, что ты так волнуешься. Ониксовый — не простой идол, такого украсть легче, чем спрятать. Наверняка

он тебя позовет, ты найдешь его, и дело с концом.

— Э, брат, не все так просто. Когда слуги наткнулись во дворе на оглушенных стражников, прибежали ко мне и мало-мальски привели в чувство, я их сразу по следу идола пустил. И вот что они у ограды подобрали. — Пузо достал из кармана круглый бледно-желтый камешек. — Это его глаз. Видать, когда воры через ограду лезли, выронили они Ониксового и разбили. И теперь его дух где-то бродит или прячется. И злится на меня. Не дает мне покоя, твердит, как попугай: «О, мое прекрасное желтое тело! Ахамур, я доверил тебе хранить мое драгоценное тело, а ты его не сберег! Не будет тебе прощения!» Я эти слова наизусть уже выучил. И каждый раз — точно булавой по черепу; сил моих больше нет терпеть. Найди его, Конан! Что хочешь с ним сделай, но только избавь меня от этой проклятой напасти. И тогда ступай на все четыре стороны. Никто тебя пальцем тронуть не посмеет во всем Шадизаре, клянусь честью герцога, век добычи не видать!

— И это вся твоя благодарность? — с ухмылочкой спросил Конан. — А мне говорили, что ты умеешь платить по счетам.

— Умею, умею, но кто тут у кого в долгу? — Пузо скривился и прижал ладони к вискам. — Не перегибай палку, Конан, тебе ведь жизнь отыгрывать. И не вздумай еще раз мни! обмануть. Удерешь — пеняй на себя. А проболтаешься…

Хозяину дома вдруг стало не до угроз — в его голове снова зазвучал голос смертельно обиженного покровителя. Обхватив голову руками, Пузо взвыл:

— Слуги! Где вы, чтоб вас демоны заживо сожрали?! Компресс!

Теряясь в догадках и сомнениях, Конан шагал по грязным кривым улочкам Шадизара. По тем же улочкам навстречу ему с востока, с пыльных отрогов Кезанкийских гор, затекала ночная мгла.

Чудеса, размышлял Конан. Он достаточно долго прожил под крылышком Пуза, чтобы разобраться в его характере. Но сегодня этот безжалостный головорез, обладатель непреклонной воли и потрясающего везения, изрядно его удивил. Подумать только, всеми своими успехами Пузо обязан каменному изваянию с безвестного вилайетского островка! И теперь идол прогневался на него и решил наказать за небрежение. О примирении не может быть и речи — Пузо всегда любой ценой избавляется от недоброжелателей, это для него дело чести. Видимо, об этом знает и Ониксовый и на пощаду не рассчитывает. А значит, они теперь смертельные враги. Кто кого.

«И меня, — подумал Конан, — Пузо выбрал своим орудием. Я должен убить бога, ни больше, ни меньше. Неважно, кто он, Ониксовый, — бог или демон, все равно это бесплотный дух. Как же его одолеть? — Он невесело ухмыльнулся. — Работенка в самый раз для смертного. Не проще ли сбежать из города? Здесь от подручных Ахамура и Губара уже не спрячешься… Или все-таки рискнуть, вдруг удастся найти Ониксового и как-нибудь договорится с ним, чтобы оставил Пузо в покое? Задобрить его, предложить новое тело или собрать по кусочкам, склеить старое. Подружиться с ним, чтобы помогал мне, как раньше Пузу…»

Бесплодные мечты, подумал Конан. Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Просто бред какой-то.

Ноги будто сами по себе несли его в западные кварталы — должно быть, мысли о Пролазе бродили где-то в недрах сознания. «Если это и не он постарался, — размышлял Конан, — то наверняка подскажет, кого мне искать. Таких ловких домушников, как он, даже в

славном Шадизаре пальцам пересчитать».

Он вступил в жуткие трущобы. Под ногами чавкали нечистоты, от кабаков несло рвотой и тухлятиной. Конан знал, что он уже почти у цели. Он не забыл слова Пролазы о том, где его следует искать, если понадобится помощь. Прощаясь с Конаном за воротами особняка Паквида Губара, тот сказал, что нередко заглядывает в таверну «Все радости рая».

Наконец Конан остановился на каменном крыльцо, вероятно, оно давно лелеяло мечту познакомиться с метлой и скребком. Над покосившейся дверью покачивалась я ржавых цепях вывеска с изображением скрещенных окорока и бутылки. Конан потянул дверь на себя. Под радостями рая, видимо, в первую очередь подразумевались невыносимый смрад, мощные напластования грязи и громкий крысиный писк.

Прежде чем войти в таверну, Конан оглянулся — нет ли «хвоста»? Пузо вполне мог послать своих людей, чтоб присматривали за киммерийцем. Но улица была безлюдна если не считать пьянчуги, чьи босые ноги торчали из высохшей сточной канавы. Конан переступил порог и направился к хозяину таверны.

— Пролаза здесь? — спросил он без обиняков, протягивая на ладони серебряную монету. Грузный шадизарец поднял косматые брови — видимо, это означало, что сам он за Пролазу не дал бы и ломаного медяка.

— Последняя дверь справа по коридору. — Он указал наверх. — Твой Пролаза уже третьи сутки не просыхает. Так недолго и ноги протянуть — при его-то телосложении.

Поднявшись по скрипучей лестнице, Конан увидел пять дверей. Последняя была чуть приоткрыта. На соломенном матрасе валялся пьяный в стельку Пролаза, на его скуле красовался свежий синяк, из раскрытого рта высовывался обложенный язык.

— Эй, приятель. — Конан пнул его в бедро. — А я-то считал тебя человеком приличным.

— Отстань… желтое тело… — пробормотал Пролаза. «А вот это уже интересно». Конан спустился на первый этаж и распорядился:

— Приготовь для моего друга ванну.

На этот раз у хозяина таверны не только брови полезли на лоб, но и глаза едва не выскочили из орбит. Но он кивнул, как только оправился от изумления.

— Ванна на заднем дворе. Правда, вода не очень теплая, зато благовоний хоть отбавляй.

Конан криво улыбнулся и снова направился к лестнице. Вскоре он вернулся, неся под мышкой тщедушного Пролазу, и вышел через черный ход. Несколько погружений в бочку с холодной вонючей водой сделали свое дело — Пролаза открыл глаза.

Верните мое тело… мое прекрасное желтое тело… — Он захныкал.

Успокойся, красавчик, твое тело никому не нужно, — проворчал Конан. — Разве что Пузу…

Услышав последнее слово, Пролаза начал необратимо трезветь.

— Кто? Что? — Мутный настороженный взгляд остановился на Конане. — При чем тут Пузо? — Пролаза слегка заикался.

Конан ласково улыбнулся.

— При том, что он тебя ищет по всему Шадизару.

— Меня?

Конан кивнул. Пролаза охнул и с головой ушел в воду. Л когда вынырнул, спросил:

— А ты кто такой?

— Тебе что, память отшибло? — Конан с силой встряхнул Пролазу за плечи. — У-у,

пьянь!

— А-а… — На лице вора появилось осмысленное выражение. — Лунная Льдинка. — Ты — Конан из Киммерии. Помню. Я сам тебе сказал, где меня искать. И теперь ты… нанялся к Пузу? — От страха у него затрясся подбородок.

— Пошли. — Конан вытащил его из бочки и, крепко держа за шиворот, повел в таверну. Они поднялись но лестнице, оставив на ступеньках мокрые следы. Наверху, в коридоре, Пролаза снова захныкал.

— Похоже, на этот раз ты влип крепко, — сказал Кошт, усаживаясь в комнате на стул. — Рассказывай.

Пролаза бессильно опустился на матрас, обхватил колони тощими руками. Из матраса с возмущенным писком выскочил крысенок и скрылся за кучей хлама в углу.

— Что рассказывать?

— Все, что знаешь о краже идола из медового оникса. Учти, кое-что я уже и сам знаю. Поймаю тебя на лжи — отведу к Пузу.

— Конан, ты ведь этого не сделаешь, правда? — Пролаза подобострастно заглянул киммерийцу в глаза. — В прошлый раз ты себя вел как настоящий рыцарь.

— В прошлый раз, — проворчал Конан, — один мой знакомый тоже держался, как подобает мужчине, а нынче он просто пьяный и вонючий отброс. Давай, Пролаза, выкладывай все, что знаешь. Некогда мне с тобой сюсюкать.

— А если я все расскажу, ты мне поможешь? — робко спросил вор.

— Посмотрим. Пока ничего не обещаю.

Пролаза тяжело вздохнул и вдруг с криком схватило! за голову.

— Ладно, ладно! Я все расскажу, лишь бы этот желтый ублюдок у меня в голове наконец заткнулся. Сил моих больше нет!

Конан ждал, поражаясь собственной выдержке. Оплеуху, что ли, отвесить Пролазе?

— Это меня Саба подговорила, — сказал вор. — Помнишь Сабу? Нахальная такая, белобрысая.

— Помню.

— Так вот, сперли мы у Пуза какого-то желтого болвана, и не знаю, как Саба, а я большей глупости в жизни своей не делал. Подцепил я от этого идола страшную хворь, и нет мне теперь покоя ни днем, ни ночью… — Пролаза закатил глаза.

— Это тебе наука. Что с идолом? Продали?

— Хотели продать и деньги поделить, да вот случилась по дороге неприятность. Я его держал, вроде крепко, да он такой скользкий, камень-то шлифованный… Упал, когда мы через ограду лезли. Ты ведь знаешь, какая у Пуза ограда высоченная. Упал и — вдребезги. Поделили мы обломки на двоих, да и разошлись. Вот и весь сказ.

— На троих, — сказал Конан.

— Чего? — Пролаза изобразил недоумение.

— На троих вы его поделили, — произнес Конан уверенно. — Трое вас там было. Ты, Саба и еще какой-то силач. Саба о хозяине дома позаботилась, силач — о стражниках, а ты вынес идола. И кто был этот третий?

Пролаза тяжело вздохнул.

— Конан, да разве это важно? Мой тебе совет, не суйся ты в это дело, с ним морока одна. У меня день-деньской башка раскалывается, хоть в петлю лезь. И постоянно кто-то

бубнит: «Ах, мое тело, мое прекрасное каменное тело, верните мое драгоценное тело!» Мука мученическая, если б не вино, помер бы, наверное. Ты лучше держись от нас подальше, здоровее будешь.

— Где Саба? — перебил Конан.

— Саба? — Пролаза насторожился. — А с чего ты взял, что я знаю?

— Ну, если ты не знаешь, то Пузо раньше меня ее найдет. А уж она тебя выгораживать не станет. Ей своя жизнь дороже.

— Хорошо, хорошо, не сердись только, — зачастил Пролаза. — Я подскажу, где ее искать.

— Вместе пойдем.

Пролаза раскрыл было рот, но, встретив ледяной взгляд киммерийца, понял, что спорить бесполезно.

Конан вышел из таверны и, время от времени подталкивая Пролазу в спину, зашагал по мостовой. Они пробирались узкими переулками, стараясь обходить людные места и площади. Путь был неблизок, вдобавок уже почти стемнело.

Правую руку Конан не снимал с меча, при каждом подозрительном шорохе до середины выдвигал клинок из ножен, но об опасности не думал. Он с младых лет привык доверяться своим инстинктам.

Наконец Пролаза подвел его к обветшалому каменному строению под черепичной крышей. Главный вход был освещен, дверь отворена нараспашку, на улицу прорывалась музыка. Конан сразу узнал храм секты кадуцеев — малочисленных и, по слухам, безобидных почитателей змей. Пролаза не рискнул войти через парадную дверь; забежал в переулок и велев Конану заслонить его от прохожих, о: вынул из-за пазухи связку отмычек и вскоре отворил маленькую дверцу в глухой стене.

Они переступили порог и оказались в просторном зале. Посередине, на подковообразной арене, огороженной барьером, подобно цирковой, происходило священнодействие Вокруг арены кольцами поднимались скамейки для прихожан. Храм был не очень щедро освещен, зато шума хватало с избытком — звенели бубны, тренькали струны, и жрецы в белых сутанах на арене не в лад играли на страшил изогнутых флейтах; самый рослый и плечистый из них истязал большой барабан.

Под эту «музыку» в центре арены по-змеиному извивалась полуголая старуха с распущенными до пояса седыми волосами. Два живых питона обвивали ее туловище руки и качали головами в такт движениям. Лицо старух пряталось под зеленой маской, изображавшей голову кобры. На песке арены несколько самых настоящих змей упитанных гадюк, тоже «танцевали», поднимаясь на хвостах. Казалось, женщина нисколько не боится их — слой еще младенцем играла не с куклами, а с живыми ядовитыми гадами. А питоны-то не теряются, ухмыльнулся Конан, глядя, как змеи скользят по телу старухи. От такого сильного, тугого тела не отказалась бы любая молодица.

Наконец музыка стихла, питоны точно по команде сползли на песок, и в освещенный свечами круг жрецы ввели двух девушек. Совершенно нагие, они сразу приковали к себе внимание Конана. Раскатилась барабанная дробь, взвизгнули флейты, грянули бубны — начало было многообещающим. Но тут Пролаза толкнул Конана под нижнее ребро.

— Не зевай. Она уходит.

Женщина-змея незаметно отступила в темноту.

— Ничего, я знаю, где ее комната, — шепнул Пролаза и попел Конана узким темным

коридором вдоль каменной стены.

— Так эта старуха — Саба? — недоверчиво спросил Конан.

Пролаза не ответил. Они шли ощупью. Время от времени совсем рядом раздавалось подозрительное шипение.

— Впрочем, мне еще тогда показалось, в ней есть что-то змеиное, — рассудительно произнес киммериец. — Очень уж она хладнокровная.

Они вошли в тесную комнатку. Женщина-змея в шелковом красном халате сидела перед большим, во всю стену, зеркалом, влажной тряпицей снимала грим со щек. По плечам рассыпались пышные светлые локоны, в сиянии свечей они отливали золотом. Рядом на подлокотнике кресла висел седой парик.

— Пошли вон, кобели проклятые, — зло сказала она, не поворачиваясь. — Стоило ли рясы надевать, чтобы потом за юбками бегать? Оставьте меня в покое, и так голова трещит, без ваших елейных речей.

— Саба, это же я, — сладенько пропел Пролаза. — Твой друг.

Саба со стоном потерла лоб и вдруг, вспомнив, что друзей у нее нет, резко обернулась. Гримаса боли на лице сменилась тревогой.

— Конан? Какими судьбами? — Похоже, боль отпустила. Саба улыбнулась. — Здравствуй, котеночек. Рада, что ты жив-здоров. А я тут, видишь, подрабатываю. Платят мало, зато кормят сносно. Если б еще жрецы не приставали…

— С твоими-то способностями работать за харчи? — Конан рассмеялся.

— Видишь ли, Конан, — серьезным тоном проговорили Саба, — я теперь совсем другая. Порядочная, хочешь верь, хочешь не верь. Пускай мой путь не устлан розами, зато я добываю хлеб честным трудом. И пусть он нелегок и неблагодарен, я его не стыжусь. — Она гордо вскинула голову. — Любой труд заслуживает уважения, и я не понимаю, что тут…

Пролаза не дал ей договорить.

— Саба, — пискнул он, — я ему все рассказал про идола.

Отреагировала она мгновенно, — седой парик попал Пролазе в лицо, а от кувшина, полетевшего следом, немедиец увернулся.

— Тощий придурок! — Она кипела от злости. — Да я тебя питону живьем скормлю!

— А ты знаешь, радость моя, что тебя повсюду ищут? — осадил ее Конан. Саба перевела на него возмущенный взгляд.

— Знаю ли! Он еще спрашивает! Да я это логово месяц готовила. Никто бы до скончания века не додумался мен и здесь искать. И не нашел бы, если б не этот. — Она люто сверкнула глазами в сторону Пролазы и повернула голову к Конану. — Ты что же думаешь, я извращенка, чтобы тут с гадюками целоваться? А от жрецов по сто раз на дню отпихиваться — это, по-твоему, сплошное удовольствие? Да я всех этих гадов ползучих и ходячих с детства ненавижу. — Неожиданно она смолкла и прижала ладони к глазам. — О-о-о! Опять!

— И у тебя? — с сочувствием спросил Пролаза. — «Прекрасное тело, мое драгоценное тело, вы разбили мое тело…»

— Заткнись! — крикнула Саба. — Мало мне этого нытья внутри головы, теперь еще и снаружи!

— Выходит, я не один такой, — эгоистично обрадовался Пролаза. — Прекрасная новость, мне даже полегчало чуток.

— Ах ты, тля никчемушная! — вспылила Саба. — Еще рот разевать смеешь! Если б не

твои корявые руки, все было бы в порядке!

— Руки мои тут ни при чем. Если б не твои цыплячьи мозги, мы бы вообще не сунулись к Пузу. Добыча грошовая, а неприятностей полон короб.

— Ребята, знаете что, — проговорил Конан, усаживаясь верхом на скамью, — чем ссориться, вы бы лучше подумали, как теперь быть. Сдается мне, на этот раз вам не сносить голов. Пузо шутить не любит, да и Ониксовый, похоже, крепко на вас осерчал.

— Что ты о нем знаешь? — тотчас спросила Саба.

— Только то, что вы его украли и разбили и что он теперь в большой обиде не только на вас, но и на Пузо, который не сберег его драгоценное тело.

— А ты тут при чем? — не отставала Саба.

— Да, в самом деле, — присоединился к ней Пролаза.

— Пузо мне велел разобраться с идолом, — честно ответил Конан.

Пролаза даже присел от страха.

— Значит, он тебя нанял, — срывающимся голосом произнес вор.

— Можно и так сказать.

Саба вскочила с кресла, в ее руке блеснул неизвестно откуда появившийся тонкий клинок.

— Только подойди! — прошипела она. — Кишки выпущу!

— Да вы не волнуйтесь, — улыбнулся Конан. — Я друзей не предаю. К тому же Пузо поручил мне найти идола, а не вас. Просто я подумал, раз этот идол — наша общая проблема, то решать ее лучше сообща. Но если эта идея вам не нравится, — пожал он плечами, — я поищу другой способ. — Он встал и направился к выходу.

Первой взяла себя в руки Саба.

— Конан, не обижайся, — промурлыкала она. — В наше суровое время порядочной девушке нельзя расставаться с оружием. — Саба откинула полу халата, обнажив стройную ногу. На кожаном ремешке, обвивавшем бедра, висели изящные ножны.

Конан смягчился.

— Ладно. Значит, мы вместе?

— Для начала попробуем найти идола, а там будет видно, — сказала Саба. — С такой болью в голове белый свет не мил. Уж лучше самой к Пузу пойти, чем так мучиться.

— Уж лучше все-таки помучиться, — возразил Пролаза.

— Где осколки? — спросил Конан. — Один у Пуза, это я точно знаю. А где остальные? Они могут навести нас на след.

— Я свои уже продал, — Пролаза сокрушенно вздохнул. — При первой же возможности. Есть в моем квартале одна лавчонка, хозяин — мой друг детства. Камешки ему приглянулись, заплатил он за них по-королевски. На полжизни хватит.

— Еще бы, — усмехнулась Саба. — Жить-то тебе недолго осталось. Неделю, и это если очень повезет. А моя доля в целости и сохранности, я ее на черный день приберегла. А может, оставлю насовсем, отдам ювелиру, пускай бус наделает. — Она подошла к платяному шкафу, достала внушительной величины узел, развязала и из вороха дамского белья вынула бледно-желтую голову идола.

— А где же ваш третий? — поинтересовался Конан.

— Дорида? — беззаботно сказала Саба. — Кто ж ее знает.

Так это была Дорида!

— Ага. У Дориды силища бычья, без нее мы бы не справились. Трудно было ее

уговорить, ни за что не хотела с Пузом связываться. Это Пролаза придумал, чтобы она переоделась мужчиной, — тогда только и согласилась. Ушла потом от нас, а куда — не сказала.

— Надо ее найти, — сказал Конан. — Я вот что предлагаю: для начала попробуем собрать идола по кускам. Может, тогда Ониксовый согласится вернуться в тело.

— А если не согласится? — приуныл Пролаза. — Да и где их искать, обломки-то? Пока будем разыскивать, спятим от боли и его нытья. Или Пузо нас прикончит.

— Кажется, я знаю, что делать. — Саба загадочно улыбнулась, сверкнув ровными белыми зубами. — Где вы, по-вашему, сейчас находитесь?

— В святилище кадуцеев, — озадаченно ответил Пролаза.

— А что за дом стоит через улицу?

— Храм Деркэто, богини страсти.

Точно А в храме Деркэто жриц — хоть пруд пруди, и кое с кем из них я знакома. Может, они подскажут, где искать Ониксового. Слышала я, такие божки не могут подолгу обходиться без тела, кровавых жертв и поклонения. Может, новое вместилище себе подыскал? Мои девчонки поколдуют чуток и узнают.

— Так что же мы сидим? — Конан встал. — Веди к девчонкам.

— Да, пожалуй, сейчас самое время. Служба в храме только что кончилась. — Саба надела седой парик, запахнула халат. — Идите за мной.

Они вышли из святилища через черный ход, подошли к длинному, приземистому строению, больше похожему на казарму или постоялый двор, чем на храм. На стук Сабы щуплая девочка-подросток отворила дверь и застыла на пороге, разглядывая Сабу и незнакомых мужчин.

— Это я, Туса, танцовщица, — бархатным голосом сказала Саба и протянула девочке серебряную монету. — Мне надо Мелинду повидать.

Девочка молча уступила дорогу. Саба безошибочно нашла путь в полумраке и остановилась возле алькова, отгороженного занавеской из плотной ткани. Подергав занавеску, она позвала:

— Мелинда? Душа моя, ты одна?

— А, Туса. Входи, милочка.

Томный голос доносился с ложа посреди алькова и принадлежал пышнотелой жрице с роскошными золотисто-каштановыми волосами, раскинувшейся на несвежих простынях в чем мать родила. Рядом с ней сидел по-восточному невысокий узкоплечий юноша в набедренной повязке, глуповато улыбался и смотрел в пустоту. При виде гостей он не шевельнулся, зато жрица довольно заурчала.

— Вот этот может возлечь со мною рядом. — Пальцем с рубиновом перстнем она указала на Пролазу. — А к тебе, каланча, я сначала присмотрюсь, — бросила она Конану.

Пролаза не замедлил воспользоваться приглашением, юноша в набедренной повязке не возразил ни словом, ни жестом. Казалось, он пребывает в ступоре или трансе.

— Он был стоек до конца, — пояснила Мелинда, с насмешкой поглядев на него, — но теперь это выжитый лимон. Ну, все, малыш, пора освобождать место. Иди домой.

Видя, что юноша не реагирует, она с силой толкнула его в плечо, и он, точно чурбан, с шумом повалился на пол.

— Ступай, ступай. Жрица вытянула ногу и пнула его розовой пяткой.

Изнуренный любовник замычал и на четвереньках пополз в коридор. Туда же через занавеску полетела его одежда. Конан укоризненно покачал головой — надо же было довести человека до такого состояния.

Ласково погладив Пролазу по бедру, Мелинда произнесла:

— Туса, давай начнем парами, без затей, а уж там…

— Послушай, Мелинда, мы ведь к тебе по делу, — не без раздражения произнесла Саба.

Мелинда перевела на нее карие с поволокой глаза и разочарованно протянула:

— Жа-аль. А я думала, это паломники.

— Они со мной.

— По-моему, они и со мной не откажутся. — Она ущипнула Пролазу за колено, которое торчало из большой прорехи в штанине. Тот захихикал.

— Помнишь, ты мне обещала погадать? — спросила Саба.

— Пожалуйста, в любое время. — Холеная женская ладонь уверенно заползла в прореху и двинулась вверх по бедру Пролазы. Он осклабился и вытаращил от удовольствия глаза.

— Да пожалей ты его, — проворчала Саба. — У него и так голова болит.

— Ерунда, — ухмыльнулась Мелинда. — Лучшего лекарства от мигрени, чем это дело, еще не придумано. Голову я ему вылечу, а вот насчет всего остального…

— Мелинда! Мне срочно нужна твоя помощь. А потом можешь делать с ним все, что захочешь.

С недовольным вздохом жрица отпустила Пролазу, встала и подошла к круглому столику красного дерева, заставленному всевозможными шкатулками и склянками.

— Мы ищем божка, который обитал в ониксовой статуе. Статуя разбилась, божок взъелся на нас, и сейчас его голос звучит у нас в головах. Он грозится нас убить. Ты можешь его найти?

Мелинда повернулась к ней и горделиво подбоченилась.

— Нет ничего невозможного для жрицы, которая однажды нашла молодого красивого любовника для старой, хромой, одноглазой и горбатой нищенки.

«Хочется верить», — Конан усмехнулся. Мелинда ненадолго призадумалась.

— Без колдовства тут не обойтись. Для ритуала не помешала бы пара-тройка девственниц, но в Шадизаре их днем с огнем не сыщешь, а сейчас уже за полночь. Придется обойтись подручными средствами. Туса, иди-ка сюда.

Саба приблизилась к любвеобильной жрице и села на кровать, Мелинда положила руки ей на голову, лицо ее стало торжественно-серьезным. Не отрывая рук от Сабы, она начала переступать с ноги на ногу, задвигала коленями и задом, затрясла грудью. Это был танец — дикарский, примитивный до неприличия, но жрица отдавалась ему со всей страстью, хотя при этом не сходила с места и не произносила ни звука.

Кожа ее покрылась потом, глаза закатились, язык то и дело высовывался изо рта и снова прятался, облизав губы. Конан вдруг ощутил сильный зуд внизу живота; покосившись на Пролазу, он обнаружил, что тот зачарованно тянется к заду Мелинды и неуклюже повторяет ее движения. Конан посмотрел на столик. Над позолоченной чашей, стоявшей на нем, вился парок. Он подошел ближе, наклонился. На вид — самая обыкновенная вода. Внезапно ее гладь заиграла красками, на ней замелькали человеческие силуэты.

— Это же храм Иштар! — удивленно воскликнул Пролаза, когда Конан схватил его за руку и подтащил к столику. — Бывал я там, доводилось.

Они рассмотрели огромную, во всю стену, бронзовую статую Иштар. Грозная богиня сидела верхом на чудовище с острыми кривыми рогами, клыкастой пастью и раскинутыми крыльями. Морда чудовища появилась в чаше крупным планом. Взгляд выпученных глаз зверя казался осмысленным, чудилось, из глотки вот-вот вырвется свирепый рык. «Ну, этих двоих я уже знаю, а ты кто такой? — зазвучал в голове Конана чужой голос- А-а, наемник Ахамура! Глупец! Ты хоть понимаешь, с кем связался? На что ты надеешься, недолговечный?»

Киммериец настолько опешил, что не успел ответить. Изображение растаяло, зазвучал стон. Конан обернулся к Мелинде, Она стояла, прижимая ладони к потной груди, и часто, шумно дышала.

— Кто это был? — глухо спросила Саба.

Измученная жрица рухнула на кровать. Теперь она выглядела ничуть не лучше только что выгнанного ею любовника.

— Урук, — хрипло ответила Мелинда, как только слегка перевела дух. — Небесный бык богини Иштар. Мне не доводилось слышать о чудесах в ее храме, но из этого вовсе не следует, что богиня его не посещает. Ваш приятель вселился в первого попавшегося идола — им оказался Урук. Это форменное посягательство на чужие права. — Мелинда показала пальцем вверх. — У них за такие дела по головке не гладят.

— Ониксовый мог вселиться в статую богини, — рассудительно произнес Конан, — но, очевидно, не рискнул.

— Скорее всего, так и было, — подтвердила Мелинда. — Урук — божество третьей руки, возможно, того же ранга, что и ваш приятель. А Иштар — богиня известная и очень могущественная. У нее много статуй в разных городах, и у быка их хватает, но боги никогда по своей воле не делятся престижем. Держу пари на ночь восторгов с любым из вас, да хоть со всеми тремя, — добавила неукротимая жрица, — что очень скоро Ониксового выгонят в шею из чужого тела, и ему придется подыскивать себе новое пристанище.

Глава V
«Бык, гладиатор, василиск»

Конан шел впереди, на шаг от него отставала Саба, за ними семенил Пролаза. — Эй, да что вы так торопитесь? — спросил он громким шепотом. — Тут на цыпочках идти надо, до логова Пуза рукой подать. Лезем на рожон…

— Знаешь, что я думаю, — сказала Конану Саба, пропустив мимо ушей слова Пролазы. — Идола мы разбили совсем недалеко от храма Иштар. Видно, потеряв тело, он с перепугу залез в первую попавшуюся статую, и теперь ему там очень неспокойно, потому что она принадлежит не ему. Сдается мне, не так уж и силен наш общий друг. Угрожать мастак, а как дойдет до дела…

— Если так оно и есть, можно считать, нам повезло, — произнес Конан. — Мы с ним без труда договоримся.

На небольшой площади перед храмом сидело и лежало десятка полтора нищих. Конан поднял одного из них за шиворот, легонько встряхнул для острастки.

— По какому поводу сборище, достопочтенный?

Нищий испуганно заморгал.

— Ждем открытия храма. Тут подлинные чудеса творятся, неужто вы еще не слышали? Урук человеческим голосом заговорил. Я своими ушами слыхал, как он обещал бедных сделать богатыми, увечных здоровыми, тверезых пьяными…

— Понятно. — Конан разжал пальцы, и нищий мешком осел на мостовую. — Ониксовый набирает паству. Рисковый парень. Ох, чует мое сердце, возьмется за него Иштар….Дураков хитрыми, — бубнил нищий, — трусливых наглыми…

На рассвете сюда народ валом повалит, — уверенно сказал Пролаза, кивком указывая на попрошаек. — Милостыни будет вволю. Прячься! — воскликнул он вдруг.

С противоположного конца площади к ним вразвалку направлялись пятеро или шестеро оборванцев дюжего телосложения, каждый при мече или дубине. Конан взялся за рукоять меча, но благоразумная Саба потянула его за рукав — стычка с ночными грабителями рядом с домом Пуза была чревата осложнениями. Их быстрое отступление в ближайший переулок лишь ободрило бандитов, которые с глухими возгласами пустились в погоню.

— Надо от них избавиться по-тихому, — торопливо прошептал Конан. — Придется нам разойтись. Встречаемся у двери в храм.

Пролаза было запротестовал, но Саба заставила его умолкнуть, двинув кулаком в бок. Бандиты уже приблизились и перешли на шаг. Только рослый и широкоплечий Конан с длинным мечом на бедре внушал им опасения; у е-спутников они не заметили оружия.

Саба и Пролаза одновременно бросились вправо и влево от Конана и скрылись в закоулках. Киммериец повернуло и бросился бежать. За его спиной звучал частый топот Оглянувшись, он увидел, что шайка разделилась, но большая ее часть — трое самых крепких бандитов — преследует его. Он мог без труда убежать от них, но это не входил в его план. За ближайшим поворотом он остановился вынул меч.

Бандиты, преследовавшие его, ожидали схватки, но не резни. Стремительный и свирепый, как пантера, северянин застиг их врасплох, никому не дал шанса скрестит с ним оружие. Он обрушился на них беззвучным ура таном, трижды молниеносно повернулся

кругом, держа меч в вытянутых руках, а затем хладнокровно опустил на корточки возле ближайшего мертвеца и вытер клинок о его одежду. И, не глядя на убитых, пошел обратно к площади.

Он задержался на том месте, где расстался со своими шутниками. Огляделся по сторонам и негромко свистнул. Ответом ему было молчание. Решив, что Пролаза и Саба, гели остались живы, сразу направились к храму Иштар, он «прятал меч в ножны и пошел на площадь.

Они ждали его у входа. Саба ухмылялась, Пролаза нервно посмеивался. У светловолосой женщины край подола был в темных пятнах, тщедушный вор зажимал тряпкой неглубокую рану на левом предплечье.

Конан с облегчением вздохнул.

— Теперь можно и в храм, — сказала Саба. — Грехи замаливать.

— Без стенобитной машины? — Конан указал на тяжелую, обитую медью стрельчатую дверь. Наверняка она была заперта изнутри на несколько засовов.

— Не беспокойся. — В полумраке блеснули зубы Пролазы. — Пока я на задворках с тем оборванцем в прятки играл, кое-что заприметил. Пошли.

Поплутав на захламленном заднем дворе, они отыскали труп бандита с умело перерезанным горлом — Пролазе он служил ориентиром. Одна из клетей справа от покойника находилась как раз под чердачным окном. Конану не составило труда забраться на крышу клети, оттуда он протянул руку Сабе, а затем помог забраться Пролазе.

— Саба, становись ему на плечи, — скомандовал немедиец, — А я залезу на тебя.

— Ты? — возмутилась молодая женщина. — Залезешь на меня? Только в розовых мечтах!

— Тьфу ты! — осерчал Пролаза. — Я же не в этом смысле. Успокойся, в моих розовых мечтах нынче только Мелинда.

Стоя на плечах кряхтящей от натуги и ругающейся Сабы, он ковырял ножом оконную раму. Ожерелье из отмычек, с которым Пролаза никогда не расставался, на этот раз ему не понадобилось. Затем, извиваясь ужом, он полез в окошко и надолго скрылся с глаз. Когда Саба заявила, что терпение у нее лопнуло, сейчас она на все плюнет и пойдет домой, сверху ой на голову свалилась толстая пыльная веревка.

С чердака они по крутой узкой лестнице спустились на хоры. Конан поминал вполголоса Крома, то и дело увязая в паутине, спотыкаясь о вещи, которые, на, его взгляд, не могли иметь никакого отношения к храму. Наконец они увидели медное изваяние — Иштар, сидящую верхом на крылатом чудовище с бычьей головой. Бросались в глаза огромные гениталии быка и столь же непомерной величины груди и живот Иштар — они символизировали плодородие.

— А, явился, — прозвучал в голове Конана сварливый голос- Ты уже знаешь, что эта парочка сделала с моим любимым телом? Сколько себя помню, я обитал в благородном медовом ониксе, а теперь по их вине вынужден ютиться в этой кастрюле. Знаешь, почему они до сих пор живы? Я еще не придумал казни, которой они достойны. Головная боль — это цветочки, клянусь рогами этого чудища. Да ты хоть представляешь себе, недолговечный, что значит не иметь собственного тела? Жалкий человечишко, тебе не вообразить даже крошечной толики моего смятения. Верни мни мое тело! — заорал он вдруг, и Конану показалось, будто храм наполнился медным гулом. Саба и Пролаза одновременно вскрикнули и скорчились от боли.

— Я был таким счастливым, — пожаловался Урук. — Жизнь казалась волшебной сказкой, я никому не желал зла. Пузо меня слушался беспрекословно, исполнял любое мое желание. Но он меня предал! — снова перешел на крик Ониксовый. — И скоро поплатится за это! И эти два червяка, которых ты привел с собой, и та глупая усатая шемитка! Что это у меня внизу?

Конан сообразил, что Ониксовый имеет в виду громадный детородный орган быка.

— Такая же штука болтается между ног у Пуза, он гордится ею больше, чем своими куриными мозгами. Зачем это нужно богу, ответь, человечишка! — Это был крик души. — Верните мне мое тело!

— Послушай, Ониксовый, — сказал Конан, — если я возвращу тебе тело или раздобуду точно такое же, ты оставишь в покое Пузо и моих друзей?

— Шемитка и маленький вор твои друзья? — спросил Ониксовый после недолгих раздумий. — И девка тоже?

— Да, — ответил Конан.

— Девку я в покое не оставлю, — сказал Ониксовый. — Она мне нужна.

— Для чего, — удивился Конан.

— Я хочу, чтобы ее принесли мне в жертву. Она меня ненавидит, я это чувствую. Да, пусть будет так. Верни мне ониксовое тело, убей предателя Пузо и намажь мой лоб кровью белокурой танцовщицы. Если выполнишь эти три задания, останешься жив. На рассвете в храме соберется много верующих. Они хотят чуда и получат его — я буду говорить с ними. Пообещаю все, что ни захотят, а взамен потребую, чтобы они расправились с моими врагами. Понимаешь, к чему я клоню, киммериец? У тебя и так земля горит под ногами, как тебе нравится мысль, что, кроме бандитов Пуза и слуг ростовщика, за тобой будут охотиться сотни религиозных фанатиков? Учти, от Пуза и Губара спрятаться можно, но тот меня — нигде.

«Кажется, на этот раз я влип», — обреченно подумал Конан.

Он потянул к лестнице стенающих спутников.

— Пошли на свежий воздух. Здесь нам больше делать нечего.

— А кстати, как Урук отнесся к твоему вселению? — обернулся Конан к медному быку уже на хорах.

— Какой еще Урук? — мрачно отозвался Ониксовый. — Не знаю я никакого Урука.

Они вернулись на чердак и по веревке спустились в грязный двор.

— Ну, я пошла. — Саба шагнула в сторону.

— Эй, куда это ты собралась? — Конан поймал ее за рукав.

— Домой. К питонам, барабанам и кадуцеям.

— Бесполезно. От Ониксового под старушечьей личиной не спрячешься. Нет, мы поступим по-другому. Надо собрать по кускам его тело, лишь тогда у нас появится шанс.

— Ага, и принести меня в жертву этой медной кастрюле, — добавила Саба, — и сразиться с тысячью головорезов Пуза и фанатиков Иштар.

— Если мы восстановим его тело, — увещевающе произнес Конан, — и покажем его Ониксовому, и пригрозим снова разбить, если не согласится на наши условия, он наверняка дрогнет. — Киммериец повернулся к Пролазе. — Сейчас же дуй в лавчонку, где продал свою часть идола. Хоть выкупи, хоть укради, хоть глотку хозяину перережь, но чтобы утром камни были у Сабы. Там и встретимся.

— Я иду с тобой, — сказал он Сабе. — Мне надо выспаться, чует мое сердце, завтра

будет трудный день.

— Ну, ты шустрый! — с притворным недовольством протянула Саба, но видно было, что в ее голове созрел какой-то план. — А ты чего зенки вылупил? — набросилась она на Пролазу, который все еще стоял рядом. — Сказано тебе — дуй, вот и дуй.

— Я тоже с вами, — заныл Пролаза. — Меня Мелинда ждет.

— Ничего, подождет, — усмехнулся Конан. — Небось не соскучится. Гляди, Пролаза, если утром не увижу твоих камешков, к Мелинде наведаться ты уже никогда не захочешь.

Пролаза испуганно ойкнул и скрылся в темноте.

Обратный путь прошел без приключений. Но в храме кадуцеев, в каморке Сабы, их обоих ждал сюрприз — на кровати лежал покрытый страшными синяками, но улыбающийся во сне молодой циркач.

— Фефим! — изумился Конан. — Как ты здесь оказался?

Жонглер открыл глаза, обескровленные губы растянулись шире. Конан вопросительно посмотрел на Сабу.

— Он сам мне эту нору подыскал по старой дружбе, — объяснила девушка. — Кадуцеи — бабники, каких свет но видывал, но язык за зубами держать умеют.

— К тому же они мои друзья и прекрасные лекари, — добавил Фефим. — Я ведь сюда на карачках еле приполз, не верил, что выживу. Маагр, подонок, ножом прямо в сердце бил, да я успел чуток повернуться, лезвие о ребро задело и вкось прошло. Потом меня ногами попинали да разок-другой дубинкой по ребрам стукнули. Ничего, кадуцеи говорят, заживет, как на собаке. У них во всех лекарствах змеиный яд содержится, хочешь верь, хочешь…

— Придется втроем тут спать, — перебила Саба. — Впрочем, если кто хочет заглянуть в храм Деркэто…

Намек повис в воздухе — усталый Конан и полуживой Фефим охотней разделили бы ложе с огнедышащим драконом, чем с неистовыми жрицами страсти. Во сне Саба стонала и ворочалась — ей досаждал Ониксовый. Иго голос звучал и в голове у Конана, хоть и не сопровождался болью. «Они разбили мое тело, — ныло сверхъестественное существо, — мое прекрасное драгоценное тело. Верни мне мое тело, киммериец. Выполни три условия и останешься жив. И даже займешь место Пуза, если согласишься во всем меня слушаться. О, мое тело, мое любимое тело…»

Когда они проснулись, солнце сияло вовсю. Конан отменно выспался и прекрасно себя чувствовал. У Сабы кожа приобрела нездоровый цвет, но все-таки выглядела гораздо лучше, чем лицо Фефима, которое казалось одним сплошным кровоподтеком.

— А что, Фефим, — сказал Конан, — не заглянуть ли мне сегодня в твой цирк?

Жонглер сокрушенно вздохнул.

— Маагр снова превратил его в скотобойню. Кадуцеи рассказывали, вчера вечером по всему городу глашатаи вопили, что нынче состоится представление, как в «старые добрые времена». Снова будут поединки с медведями, бои гладиаторов и ставки на победителя.

— Я вчера ничего такого не слышал, — сказал Конан. — Слишком занят был. Надо же, совсем отстал от жизни. Ну ничего, сегодня догоню.

— Что тебе там делать? — удивился Фефим.

— Хочу поискать Дориду, нашу старую знакомую. Ночью, когда мы сюда возвращались, Саба кое-что про нее рассказала. Дорида — баба храбрая и сильная, но не шибко умная, и очень любит биться об заклад. Обычно она с хлеба на воду перебивается, но если удается сорвать куш, быстро его проигрывает.

— Это точно, — кивнул Фефим. — Когда до меня в цирке Маагр хозяйничал, я ее там часто видел. Случалось ей и на арене подраться.

— Если Дорида еще не сбыла свою часть оникса, — продолжал Конан, — я ее уговорю, чтобы отдала.

Фефим уже знал со слов Сабы и Конана, что в его несчастьях косвенно виноват каменный идол с одного из вилайетских островов. Он дотронулся до саднящей раны, поморщился и сказал:

— Саба, ты оставайся здесь, жди Пролазу. А я пойду с Конаном. Потолкую со своими ребятами, как бы заплатить Маагру должок.

Если он тебя узнает, — предупредила Саба, — на этот раз живым не уйдешь.

Фефим хмыкнул и подсел к зеркалу.

— Где тут твоя косметика?

На глазах у Конана и Сабы произошло чудо — циркач превратился в деревенского парня с жидкой бороденкой, прической под горшок и глупейшим выражением на лицо. Саба ненадолго отлучилась и принесла ему маскарадный костюм — рваные холщовые штаны, не очень чистую домотканую рубаху и старые деревянные башмаки. Судя по остаткам красного лака, их трудный и долгий жизненный путь начинался с сельской ярмарки.

— У Мелинды много шмотья скопилось, — пояснила Саба, — Приходят к ней в штанах, а уходят…

Фефим переоделся. Башмаки оказались впору, зато штаны и рубаха чересчур коротки, но кто на улице будет приглядываться к какому-то простолюдину? Саба переводила пристальный взгляд с Конана на Фефима и обратно. Она напряженно думала, время от времени хватаясь за виски.

— Мы пошли, — сказал Фефим. — Пожелай нам удачи.

— Удачи, — с натянутой улыбкой отозвалась Саба.

Путь был неблизок, но Конан и Фефим не боялись опоздать на дневное представление. На улицах Шадизара кипела жизнь, и чуть ли не на всех перекрестках зазывалы Маагра надрывали глотки. «Спешите в знаменитый цирк Маагра! Сегодня — после долгого перерыва — незабываемое зрелище! Кто любит острые ощущения, получит их с лихвой! Человек в смертельном поединке с диким зверем! Только у нас! Спешите, спешите! Принимаются любые ставки! За один день цирк сделает вас богачом!»

В этот день цирк манил уже не мам с детишками, а дюжих молодцов, искателей приключений. Кому-то сегодня повезет, и он выиграет целое состояние, другой может запросто потерять накопленное за годы, а кто-то, наверное, распрощается с жизнью.

Конан не слишком задумывался о переменчивости фортуны. Его вела вполне определенная цель. Во-первых, он хотел поквитаться с мерзавцем, который отделал его, когда он был в шкуре медведя. Во-вторых, у Фефима отобрали цирк, принадлежавший ему по праву. В трудную минуту Фефим выручил его — долг платежом красен. И, в-третьих, надо найти Дориду. То и дело им попадались бандиты Пуза, и Конан радовался, что рядом с ним нет Пролазы или Сабы. У него на глазах двое крепышей заломили руки рыжеволосой долговязой женщине, которая вполне годилась Сабе в матери, и в один миг затащили ее в переулок, — только корзина со снедью, которую выронила бедняжка, осталась на мостовой. Фефима бандиты не узнавали, а Конана провожали колючими взорами, но не приближались. Несомненно, Пузо запретил его трогать до особого распоряжения.

Народ валом валил в цирк, зазывалы у входа едва успевали продавать и отбирать билеты.

Конан пробился к порогу, по мере возможности защищая Фефима от напористых шадизарцев, которые награждали друг друга тумаками, орали и протягивали серебряные монеты — стоимость билета в цирк с возвращением Маагра поднялась в несколько раз. Конан тоже расплатился и наконец оказался в душном полумраке. Не оглядываясь на Фефима, даже виду не подавая, что знаком с ним, он спустился к арене и занял место в четвертом ряду. Фефим сел в пятом за его спиной, чуть сбоку.

Вскоре громкая музыка возвестила о начале представления, с бессвязной приветственной речью к зрителям обратился Маагр, а затем на арену выпустили двух огромных диких кабанов. Вместе со шквалом аплодисментов на них обрушился полуголый гандерландец по имени Сагранапил, специально, по словам Маагра, покинувший свою суровую родину, «чтобы принять участие в нашем изысканном представлении». Гандерландец, внешне очень похожий на своих щетинистых противников, виртуозно владел секирой, и «изысканное представление» очень быстро свелось к обычному забою скота. Чтобы не разочаровывать публику, Сагранапил артистически вошел в раж и с помощью все той же секиры играючи освежевал кабанов, а затем ловко разделал туши.

С ног до головы перепачканный кровью, он под оглушительный туш удалился с арены, а Маагр занял его место, чтобы объявить следующий номер.

— Кровь на арене! — вопил он. — Смерть на арене!

С настоящим бурым медведем вышел сразиться один из телохранителей Пуза, жестокий и алчный. Конан сразу его узнал.

— Делайте ставки! — визгливо кричал Маагр. — Звериная сила против человеческого ума! Первобытная хитрость против современного боевого искусства!

На человеке были кожаные доспехи, оружием ему служил короткий кинжал; медведю перед схваткой на передние лапы надели тяжелые стальные рукавицы с прямыми трехгранными когтями. К тому же зверь был в полтора раза выше своего противника, и, похоже, его давно не кормили.

Телохранитель Пуза ловко уворачивался и умело работал кинжалом, но не так-то просто убить громадного разъяренного зверя. Истекая кровью, медведь махнул лапой, зацепил когтями голову своего врага, и бородатая щека превратилась в страшные лохмотья. Человек с воем отпрянул, медведь кинулся следом, упав на четвереньки, и получил сокрушительный удар кинжалом под левую лопатку. Но его громадные клыки уже сомкнулись на обнаженной лодыжке гладиатора; зрители на нижних рядах услышали треск разгрызаемой кости. За ним последовал истошный вопль. Околевающий зверь всей своей тяжестью придавил к песку арены изувеченного противника. В последний раз поднялась и опустилась могучая лапа в стальной рукавице, и вопль оборвался — у человека был раскроен череп.

Публика недовольно загомонила — впрочем, без особого возмущения. На этот раз все, кто делал ставки, остались с носом, выиграло только заведение, но зрелище того стоило. Конан перевел взгляд на Маагра, тот трясся от смеха и возбужденно потирал ладони. Он был в родной стихии.

Конан обернулся к Фефиму и шепнул:

— Демон с ним, с Маагром, он свое еще получит. Ищи Дориду.

Он снова и снова окидывал взглядом зрительный зал, но нигде не замечал рослой шемитки. В конце концов он смирился с мыслью, что только зря потерял время. Бой с медведем пробудил неприятные воспоминания, и Конан сомневался, что досидит до конца представления. Между тем Маагр вышел на арену, уже прибранную и посыпанную свежим

песком, чтобы объявить следующий поединок. Публика притихла.

— А сейчас, — закричал старик, — гвоздь нашей программы. — Непобедимый и беспощадный Якфик, лучший охотник своего свирепого и дикого племени, гладиатор по призванию, покоритель наших кровожадных сердец! Вчера в смертельном поединке он получил серьезную рану, но это не укротило отчаянного смельчака! Он рвется в бой, он вожделеет сырого мяса, он рычит от нетерпения и злобы! Тот из вас, кто рискнет сразиться с ним и выйдет из боя победителем, получит двадцать золотых монет!

Музыка грянула с удвоенной силой — на арене появился Якфик, вчерашний противник Конана. Выглядел он не лучшим образом. Короткая толстая шея пряталась под грязным окровавленным тряпичным жгутом, отчего казалось, будто голова растет прямо из плеч. Маленькие тусклые глазки неподвижно смотрели под ноги, на лице застыла унылая гримаса. Он едва переставлял ноги, и в его облике не было и сотой доли той свирепости, которую ему приписывал Маагр. Конан без труда разгадал нехитрый трюк. Рана Якфика не так уж и серьезна, он нарочно прикидывается полуживым, соблазняя драчливых, но не слишком уверенных в себе зрителей попытать счастья. Скорее всего, своим болезненным обликом Якфик обязан не столько удару Конана, сколько умелым рукам циркового гримера. Сейчас рисковые зрители будут выходить на арену один за другим, рассчитывая на легкую победу, — и умирать. И с каждой победой Якфика все выше будут подниматься ставки. До тех пор, предположил Конан, пока не исчезнут желающие ставить на его противника. И тогда на него поставит хитрец Маагр, у которого наверняка припасен боец — не чета Якфику. Он выйдет на арену свежий, полный сил и без труда расправится с измотанным фаворитом. И Якфик так и не узнает, что его гибель была предопределена и что он, польстившись на пригоршню золота, подарил Маагру целое состояние. Конан неторопливо встал.

— Конан, не смей, — взмолился Фефим. — Сейчас не время. Вдруг он тебя прикончит? Ты не смотри, что оп такой квелый, они с Маагром нарочно…

— Я знаю, — не оборачиваясь, буркнул киммериец. Конан спустился к арене и одним высоким прыжком одолел решетчатый барьер.

— Ну, здравствуй, охотничек, — произнес он с усмешкой.

Якфик сдул черную прядь волос, упавшую на лоб, глухо выругался и потянул меч из ножен.

— Конан?! — тихо воскликнул за его спиной растерявшийся Маагр. — Что ты здесь делаешь?

— Хочу маленько подзаработать, — невинным тоном ответил киммериец.

Как он и предполагал, гибель Якфика в первом же поединке никоим образом не входила в планы алчного старика.

— Сейчас не время. — Сам о том не подозревая, Маагр слово в слово повторил предостережение Фефима. — А вдруг он тебя прикончит? Или забыл, что у тебя сейчас важная работа? Я все Пузу расскажу…

— Маагр, — с упреком в голосе произнес Конан, — не томи народ.

Публика и впрямь уже начала волноваться. Обведя ряды растерянным взором, Маагр понял, что положение у него безвыходное, и с фальшивой бодростью в голосе объявил:

— Против Якфика — непобедимый Конан из Киммерии.

Переждав гром аплодисментов, Конан посмотрел Якфику в глаза и криво улыбнулся.

— Вчера ты назвал меня косматым чучелом, — холодно произнес он. — По-моему, ты это сделал напрасно.

Публика ликовала. Большинство зрителей, впечатленные уверенностью и силой, которые сквозили в каждом движении Конана, поставили на него. И не прогадали.

Служители схватили мертвеца за ноги и уволокли с арены, Конан направился к барьеру, но тут Маагр закричал во всю силу легких:

— Представление продолжается! Кто сразится с Конаном, лучшим гладиатором Шадизара? Победителю — тридцать золотых!

— Драться больше не буду, — громко заявил Конан.

— Смотрите, Конан испугался! — завопил Маагр. — Он еще не видел противника, но уже сомневается в себе! Кто же так напугал грозного Конана! Скорее выйди к нам, незнакомец! Мы ждем тебя, затаив дыхание!

Конан выругался про себя. Из зала доносились язвительные возгласы и смешки.

— Маагр, — зло бросил он старику, — ты что, умом тронулся? Забыл, что у меня важное дело? Если я погибну по твоей вине, Пузо с тебя живого шкуру сдерет.

Но предостережение не образумило старика. Видимо, ненависть и алчность помрачили его рассудок.

— Конан испугался женщины! — заверещал Маагр.

Из-за кулис на арену неторопливо вышла хмурая женщина богатырского сложения. При виде нее Конан чуть не застонал от отчаяния. Маагр захохотал. — Не правда ли, она настоящая красавица? Услышав этот комплимент, угловатая тяжелорукая шемитка раздраженно сплюнула. Одежду ей заменяли доспехи из кожи и стали, голова была непокрыта, волосы стянуты в «конский хвост» на затылке. Редкие усы над маленькими, всегда поджатыми губами придавали мрачности ее облику. Она слегка кивнула Конану, давая понять, что узнала его, но не произнесла ни слова.

— Ее зовут Дорида, — сообщил Маагр, — и те из вас, кто бывал в моем цирке в старые добрые времена, помнят славные поединки, из которых она всегда выходила победительницей. Южанка Дорида — превосходный боец на мечах, стоит ли удивляться, что бывалые воины трепещут, когда слышат ее имя?

— Я не буду драться, — твердо повторил Конан. Маагр зашелся хохотом.

— Смотрите-ка, наш победитель дрожит за свою шкуру! Конан приблизился к Дориде и тихо произнес:

— Мы не должны драться.

— Почему? — равнодушно спросила Дорида.

— Я пришел сюда, потому что искал тебя. Мне нужна твоя помощь. Я все знаю про Ониксового.

Дорида несколько мгновений думала, потом проворчала:

— Маагр тоже знает, что я участвовала в краже идола. Пронюхал, когда я пыталась сбыть добычу. Я у него в руках, если откажусь драться на этой арене, он меня выдаст Пузу.

— Почтеннейшая публика, глядите! — надрывал голосовые связки Маагр. — Могучий Конан из Киммерии струсил впервые в жизни! Он испугался женщины, и это случилось в моем цирке! Сегодня об этом узнает весь Шадизар, а завтра — вся Замора!

Видишь? — спросила Дорида Конана. — У нас нет выхода.

— Ошибаешься, — уверенно возразил Конан. — Подожди, я все улажу.

Он направился к Маагру.

— Ну так что, киммериец, — спросил, ухмыляясь, старик, — все-таки надумал

сразиться с моим бойцом?

— Ладно, Маагр, твоя взяла, — с притворной покорностью сказал Конан. — Я буду обесчещен, если откажусь сражаться. Поэтому мне сейчас придется убить Дориду.

— Или сдохнуть самому! — Маагр захихикал.

— Не думаю, что у меня меньше шансов на победу, чем у нее. Но в любом случае, кто-нибудь из нас умрет. Вот только интересно, как на это посмотрит Пузо?

— А при чем тут Пузо? — Маагр насторожился. — Когда я тебя отговаривал от поединка с Якфиком; разве ты думал о том, что скажет Пузо?

— А сейчас думаю. — Конан ухмыльнулся. — Пузо поручил мне важную работу, и теперь, выходит, я ее не выполню. Как ты думаешь, с кого он за это спросит? А если погибнет Дорида, он тоже не придет в восторг.

— Это почему же? — Маагр спрашивал беззаботным тоном, но в глазах мелькнула опаска.

— Не прикидывайся, будто не знаешь. Дорида украла то, что принадлежит Пузу. Он поручил мне разыскать ее и доставить к нему целой и невредимой. Потому-то я и пришел в твой цирк — мне шепнули, что ты прячешь воровку. Так оно и вышло. Как видишь, с Якфиком я сразился не только для того, чтобы отдать должок. Надо было выманить Дориду. Я обвел тебя вокруг пальца, как последнего олуха.

Маагр позеленел от страха, челюсть отвисла, зрачки расширились.

— Не надейся спрятать концы в воду, старый прохвост, — добивал его Конан. — Кто бы из нас ни погиб в этом поединке, Пузо сразу узнает всю правду и тупым ножом разрежет тебя на кусочки. Я все предусмотрел и, прежде чем идти сюда, объяснил помощникам, что делать в случае моей смерти.

От страха и бессильной злобы Маагр покрылся холодным потом. Конан выжидающе смотрел на старика, а того била крупная дрожь. Наконец Маагр грязно выругался и отвернулся.

— А сейчас — наш прославленный номер! Битва зверей!

Под градом возмущенных воплей Конан подошел к Дориде, решительно взял за руку и увел с арены.

Возле выхода из цирка Конан резко свернул в коридор и жестом поманил за собой спутников. Они остановились в полумраке, прислушались. Никто не шел за ними следом. Представление было в самом разгаре.

— Веди в зверинец, — сказал Конан Фефиму.

Звери встретили их рычанием и шипением. Обиталище рогохвостого василиска располагалось между клетками хорайских гепардов и кешанских человекообразных обезьян — очень шумных и беспокойных тварей с огромными клыками, налитыми кровью глазами и густой черной шерстью по всему телу. Василиск с подозрением уставился на непрошеных гостей, раскрыл змеиную пасть с ядовитыми зубами и выпустил раздвоенный язык; его чешуйчатый хвост нервно ерзал по полу.

— И как ты ухитрилась спрятать камни в его клетке? — Конан с уважением посмотрел на Дориду.

— Мне сказали, что он любит зеленых гусениц, — коротко ответила шемитка.

Большинство зверей мы покупаем детенышами, — пояснил Фефим, — и стараемся найти подход к каждому. Внимательно наблюдаем за ними, изучаем повадки, привычки. Если

бросить в клетку василиска горсть зеленых гусениц, он позабудет обо всем на свете, пока не съест последнюю. — Фефим подошел к клетке с кешанскими гориллами. — Проще всего поладить с обезьянами, иногда бывает достаточно вежливого обращения. Друзья, я вас умоляю, ведите себя потише, — без тени насмешки сказал он косматым монстрам. Обезьяны притихли, словно и впрямь поняли просьбу жонглера.

Конан с интересом разглядывал василиска. Помимо хвоста с гроздью острых когтей на конце и ядовитых зубов в пасти ящер имел сильные лапы и небольшие кожистые крылья. Вряд ли они позволяли летать, но, возможно, смягчали падение с большой высоты. От Фефима Конан узнал, что этот маленький дракон попал в Замору из далекого таинственного Кхитая; даже там василиски считаются редкостью. В неволе они не размножаются, самки откладывают яйца только под сенью густых и влажных тропических лесов, на развалинах древних городов. По слухам, когда-то предки этих рептилий были разумны и служили властителям тех городов верными и послушными стражниками.

— Если бы не безумная любовь к зеленым гусеницам, — сказал Фефим, — василиски и сейчас были бы лучшими сторожами на свете. Кому придет в голову лезть в клетку к такой твари?

— Значит, дело только за гусеницами. — Конан огляделся по сторонам. — Что-то я ни одной тут не вижу.

Дорида молча сняла с пояса кошелек, развязала его и вытряхнула на ладонь дюжину упитанных волосатых гусениц.

— Решила на всякий случай при себе запас держать, — хмуро объяснила она. — Они дохнут быстро, пришлось нанять мальчишку из цирковых, чтобы каждый день новых добывал.

Гусеницы полетели в клетку. Знакомый взмах человеческой руки привлек внимание рептилии. Чудовищная тварь бросилась в угол и застыла как вкопанная, склонив чешуйчатую голову к полу. Коричневый раздвоенный язык выныривал и снова исчезал, одну за другой унося гусениц в пасть.

В движениях шемитки не было ничего лишнего. Она беззвучно отворила дверцу клетки, на цыпочках перебежала к противоположной стенке, упала на колени и разгребла землю руками. И, прижимая к груди объемистый узелок, выскочила из клетки.

— Готово! — Дорида вытерла ладонью вспотевший лоб.

Ты уверена? — Конан с невеселой улыбкой глядел в клетку. Посреди нее на полу валялся обломок ониксовой статуэтки — маленькая желтая кисть с растопыренными пальцами. — Проклятье! — Дорида слегка тряхнула узелок, и еще два-три обломка Ониксового вывалились из прорехи. — Дура криворукая! — обругала она себя.

— Гусеницы остались? — деловито спросил Фефим. Шемитка торопливо вывернула наизнанку кошелек.

— Ни одной.

Конан неохотно взялся за меч.

— Кажется, нашему зеленому другу сегодня не повезло. Фефим удержал его за предплечье.

— Погоди. У меня есть идея получше.

Он распахнул дверцу и спокойно вошел в клетку. Василиск резко изогнул шею и зашипел. Фефим громко зацокал языком.

Конан не заметил, как его меч выскользнул из ножен. Он схватился за дверцу и потянул

на себя, но Фефим протестующе замахал на него рукой.

— Не вмешивайся. Я знаю, что делаю.

Василиск прыгнул к нему и застыл на задних лапах. Успокаивающе цокая, Фефим позволил липкому языку коснуться его руки; в следующее мгновение дракон утратил к нему всякий интерес. Жонглер подобрал с пола обломок Ониксового и неспешно вышел из клетки.

— Я каждый день приносил ему гусениц, — ухмыляясь, произнес Фефим. — Он меня считает кем-то вроде родной мамаши.

— Мог бы сразу предупредить, — проворчала Дорида.

— Ты почти не рисковала. Он совсем старый и очень плохо видит, к тому же у него давным-давно вырваны ядовитые зубы. Разве мальчишка, которого ты наняла, не сказал об этом? — Глядя в изумленное лицо Дориды, жонглер расхохотался. — На то и цирк, чтобы разыгрывать слишком доверчивых.

Глава VI
«Вор, горбунья, пленник»

В тот день Пролаза проснулся поздно — сказалась трудная ночь и беспробудное пьянство последних дней, а главное, впервые с тех пор, как он разбил мстительного идола, головная боль оставила его в покое. При свете дня убогая комнатенка своим видом вызывала тошноту. Пролаза попытался восстановить в уме события минувшей ночи, но тут в его голове зазвучал голос Ониксового.

— Недолговечный, я дал тебе выспаться. Оценил? Тебе предстоит важное дело, к тому же я сегодня добр. — Действительно, в «голосе» божка не было обычного раздражения и злости. — Мне принесли в жертву упитанного барашка, — поделился радостью Ониксовый. — Я испытываю прилив сил. Приятно, когда тебя любят и уважают. И все-таки я жду не дождусь, когда почувствую на своем лбу кровь наглой девки. И когда возвращусь в мое любимое тело. А теперь… — зловеще добавил он и умолк.

Пролаза схватился за голову и рухнул на кровать.

— О, Бел! — запричитал немедиец. — Да это пострашнее любого похмелья!

— Это тебе за то, что разбил мое драгоценное тело, — сказало жестокое божество. — А сейчас принимайся за работу.

Боль утихла, и Пролаза вспомнил поручение, которое дал ему Конан. Надо выкупить обломки идола. Выкупить? Немедиец мрачно усмехнулся. Да где это видано, чтобы он, Пролаза, что-то покупал? Для тех, кто молится богу воров Белу, это смертный грех. Пролаза просто берет, что ему нравится, и делает ноги.

Он пораскинул мозгами. Леивон, лавочник, которому он продал свою часть Ониксового, имеет привычку заглядывать по утрам в таверну «Все радости рая», чтобы пропустить кружку-другую дешевого вина и поболтать с хозяином.

В этот час лавка обычно пустует. Вроде бы и неудобно красть у друга детства, который вдобавок щедро заплатил за оникс, но… впервой, что ли? Да и кому, как не Пролазе, знать, что на самом деле эти камни стоят в десять раз дороже? «Нажиться на мне хотел, кровосос! Я тут из-за пригоршни монет такие пытки терплю, а он сидит и в ус не дует! Ни тебе риска, ни бессонных ночей, — знай греби денежки лопатой!» Распалив таким образом праведный гнев в душе, Пролаза вышел на задний двор.

Решив на всякий случай прихватить с собой деньги, он нашел за грудой отбросов крысиную нору и запустил в нее руку. Тяжелый сверток с золотыми монетами лежал на месте.

Как он и ожидал, лавка оказалась на запоре. Но он знал, что на задний двор выходит крошечное оконце. Тому, кого по заслугам зовут Пролазой, оно вполне способно послужить дверью. Никем не замеченный, вор обогнул дом, с кошачьей ловкостью залез на старую колючую сливу и по сухой скрипучей ветке добрался до окна.

В лавке было душно и пыльно, и пахло ветхостью. Наспех пошарив по полкам, немедиец нырнул под прилавок, где, как он знал, хранились сундуки, запиравшиеся на ключ. Сняв с шеи ожерелье из отмычек, Пролаза одолел замок выбранного наугад сундука и нашел большой кожаный кошелек с обломками идола. Когда он опускал крышку, на лестнице раздались тяжелые шаги, и в лавку спустилась Хафранида — жена Леивона. Ее появление

застигло Пролазу врасплох — совсем недавно Леивон хвастал при нем, что выгнал из дому «эту подлую свинью с осиным жалом на вонючем языке». Неужели «любящие супруги» успели помириться?

Хафранида и в девичестве не считалась первой красавицей Шадизара, а замужем за Леивоном раздалась вширь настолько, что тело ее теперь походило на грушу. Она непрестанно пыхтела, будто любое движение давалось ей ценой огромного труда.

— Проклятый греховодник, — раздраженно бубнила Хафранида, — и куда только додумался запрятать кубышку? Уж я-то знаю, что денег у него куры не клюют. Пусть я жирная уродина, пусть от меня всегда воняет, пусть мое место в канаве, но это мои деньги, моими потом и кровью нажитые! Кто вел хозяйство, пока этот пьяница и прелюбодей шлялся по кабакам и домам терпимости? — Хафранида заглядывала во все горшки подряд, рылась в ларях, простукивала стены и половицы. Похоже, она нисколько не опасалась, что в любой момент в лавку может вернуться хозяин и задать ей трепку. Напрасно Пролаза, затаивший дыхание под прилавком, ждал, когда она уйдет. Хафранида то и дело наклонялась самым неграциозным образом, показывая Пролазе грязные дряблые ляжки. Наконец она опустилась на четвереньки, залезла под стойку и столкнулась с немедийцем нос к носу.

— Помнишь, Хафранида, как мы вдвоем любовались закатом? — проникновенно осведомился вор. — Как ласкали друг друга под сенью дерев в ночной прохладе? Я узнал, что ты больше не жена Леивону, и пришел за тобой, как обещал.

Хафранида ойкнула от неожиданности.

— Но это было двенадцать лет назад! — воскликнула она.

— Но я же поклялся любить тебя вечно, — не растерялся Пролаза.

— Да, поклялся — чтобы затащить под сень дерев, — прошипела Хафранида. — А потом только тебя и видели. Сдается мне, ты не за мной пришел, а за моими деньгами.

— Ну что ты, милая. — Пролаза укоризненно покачал головой. — Неужто забыла, как хорошо нам было вместе? Клянусь милостью Бела, я люблю тебя и обещаю любить еще много раз. Только не кричи.

Взор Хафраниды затуманился, в ней боролись два чувства — похоть и жадность. Очень скоро жадность одержала чистую победу.

— Караул! — завопила она. — Помогите! Грабят, обдирают как липку, отнимают последний грош! Держи вора!

Пролаза вскочил на ноги, ушибив голову о прилавок, и кинулся к двери. Тяжеловесная Хафранида топала сзади и оглашала лавку истошными воплями. Рывком отодвинув засов, немедиец распахнул дверь, занес ногу над крыльцом, но в этот момент короткопалая пятерня сгребла его ворот. ~ Помогите! — заверещала Хафранида, словно не она поймала вора, а он ее. — Убивают!

Пролаза не заметил, как оказался на коленях. Хафранида крякнула, припечатывая жирный кулак к уху бывшего любовника. Тот, пискнув от страха и боли, наугад ударил кошельком с камнями, рванулся изо всех сил и кубарем скатился по крыльцу, оставив в руках разъяренной жены лавочника почти треть рубахи. Задний двор Пролаза пересек на четвереньках — Хафранида буквально наступала ему на пятки и любую попытку встать беспощадно пресекала могучими пинками.

Только за хлипкой калиткой щуплый немедиец получил простор для маневра. «Надо же было так влипнуть! — клял он на бегу свое невезение. — Теперь толстуха растрезвонит обо мне по всей округе. Так и с Леивоном поссориться недолго». Последняя мысль вызвала у

него улыбку. Помириться с Леивоном будет нетрудно — он все простит бывшему другу детства, когда тот опять явится к нему сбывать краденое. Дело превыше всего. Но это случится еще не скоро, а сейчас Леивон будет рвать и метать. Обязательно кого-нибудь наймет, чтобы вытряс душу из Пролазы. Так что в таверну «Все радости рая» пока лучше не возвращаться. Какой он все-таки умница, что прихватил с собой деньги! Теперь придется искать другое логово, отсиживаться… А может, бросить все и податься куда глаза глядят? Оставить воровской промысел, зажить честно. Нет, подумал он печально. Чему не бывать, тому не бывать. Для праведной жизни он недостаточно богат. Вдобавок, идол не отпустит. Да, этот изверг на краю света достанет.

«Пожалуй, — решил он, — сейчас лучше не мудрить, а отнести камешки Конану. И побыть у него на подхвате до поры до времени. Рядом с ним как-то спокойнее. Да, так и сделаю. А там жизнь что-нибудь присоветует».

Он шел самой короткой дорогой к храму кадуцеев. Близился полдень, скоро должна была начаться молитва, так что Пролаза надеялся застать Сабу у себя. При мысли о Сабе взор его мечтательно затуманился, поэтому он едва не наскочил на Леивона, который изрядно навеселе возвращался в лавку из таверны.

— Привет, Леивон, — бросил ему Пролаза, не укорачивая шага. — Прощай и прости.

Леивон икнул и проводил его озадаченным взглядом.

Погруженная в тоскливые раздумья, Саба сидела перед зеркалом. «Да, я красива, — говорила она себе. — Но красота гораздо чаще приносит беду, чем благополучие. В этом я уже тысячу раз убедилась на собственном горьком опыте. И сейчас… эти огромные зеленые глаза и чудесные золотые волосы разве спасут меня от заклания на алтаре проклятого медного рогоносца? Конану и Пролазе наверняка своя шкура дороже, Фефим еле жив от ран и побоев, а больше надеяться не на кого».

— Не на кого, красавица, не на кого, — эхом откликнулся в ее голове Ониксовый. — С твоим прекрасным телом поступят подобно тому, как ты поступила с моим, ибо такова моя воля.

— Все меня бросили, — пожаловалась Саба вслух, — только ты, злой бездушный истукан, не даешь покоя.

— Барашек был хорош, красавица, но я жду тебя. И дня не пройдет, как тебя погубят те, кого ты считаешь своими друзьями. Со мной тоже так было. Ахамур уверял, что любит меня. Клялся пуще собственного глаза беречь мое тело. И где оно теперь? — Вспомнив о своем теле, Ониксовый, как всегда, тотчас пришел в неистовство и обрушил на Сабу волну головной боли. — Верните мое тело! Прекрасное ониксовое тело!

— Заткнись! — Саба ударила себя по голове черепаховым гребнем, но от этого ей ничуть не полегчало.

— На мужчин надеяться не стоит, — подумала Саба, когда боль отпустила. — Только на собственные силы. Помнится, жрицы Деркэто рассказывали про одного известного мага, который изгоняет злых демонов. Возможно, этот могучий волшебник за хорошую плату избавит меня от Ониксового. Мне все равно, что он сделает с этим противным божком, лишь бы остаться живой. Пускай он заточит Ониксового в какой-нибудь сосуд или… — Ее взгляд скользнул по полкам и остановился на статуэтке Бела, бога воров. — …Или в эту фигурку. Избавиться от нее будет гораздо проще, чем от огромного медного Урука. Зарою его поглубже в землю, или брошу в морскую пучину, или найму бродягу, чтобы унес статуэтку подальше от

Шадизара, туда, где Ониксовому будет не до меня. Короче говоря, что-нибудь придумаю, или колдун даст дельный совет. И для этого вовсе незачем ждать, когда будет восстановлен ониксовый идол. Вот только хватит ли у меня денег, чтобы расплатиться с магом?

— Ничего, — решила она. — Красота — тоже товар. Правда, я его берегу на черный день, но похоже, этот день уже настал».

Она почувствовала, как за спиной шелохнулась занавеска, и обернулась.

— А, Пролаза, — рассеянно сказала она. — Ну, что тебе?

— Как это — что тебе? — опешил Пролаза. — Мы же договорились. Я принес свою часть идола.

— Выкупил у лавочника? — равнодушно поинтересовалась Саба, поворачиваясь к зеркалу и принимаясь гребнем пушить золотистую челку.

— Выкупил? Ты шутишь? — Пролаза гордо выпятил грудь. — Может, и не такой удалец, как Конан, но свое ремесло знаю.

— Что верно, то верно, ты вор, каких поискать, — подтвердила Саба, и Пролаза гордо расправил грудь — он обожал похвалу. — Стало быть, и камешки добыл, и денежки сберег. Кстати, ты их, случайно, с собой не прихватил?

— А что? — Пролаза насторожился, но рука, непроизвольно скользнувшая за пазуху, выдала его.

Саба снова отвернулась к зеркалу.

— Да ничего, какое мне дело. — Она широко улыбнулась, глядя на отражение Пролазы. — Может, ты есть хочешь?

Пролаза неопределенно пожал плечами и вдруг почувствовал волчий аппетит. Несколько дней кряду он почти ничего не ел — вино притупляло голод. За минувшую ночь он полностью протрезвел, однако подкрепиться так и не удосужился.

— Мне просто интересно, зачем нужны деньги человеку с твоим подходом к жизни, — сказала Саба, вставая и накрывая на стол. — Все, что понравится, можно украсть. Правда, на что тебе деньги?

— Пускай лежат, целее будут, — уклончиво ответил Пролаза.

— Скучный ты человек. — Из сундука Саба достала копченый окорок, черствые лепешки и блюдо с фруктами; кувшин вина и горшочек янтарного меда уже стояли на столе. Водрузив рядом с ними два оловянных кубка, она вкрадчиво произнесла: — Я-то думала, все воры мечтают стать такими, как Пузо. Иметь породистых лошадей, дворецкого, садовника. Жить в роскоши, требовать, чтобы тебя называли «твоя светлость», повелевать судьбами. — Саба мечтательно улыбнулась и подняла очи горе. — Все-таки как это здорово, когда для тебя не существует несбыточных желаний.

Она обняла за плечи Пролазу и усадила на скамью.

— На кой демон мне все это надо? — неуверенно сказал немедиец, намазывая лепешку медом и сглатывая слюнки. — Держать полный дом дармоедов, решать за всех. Нет уж, пусть у них самих головы болят. — Случайное упоминание о головной боли заставило его поморщиться. — Мне и так скучать не приходится.

Саба разлила вино по кубкам и присела рядом, соблазнительно закинув ногу на ногу. — Выпьем за удачу, — предложила она. — И чтоб голова не болела.

Не сводя глаз с длинных ног Сабы, Пролаза выпил до дна. Саба лишь пригубила вино. Затем она одним движением скинула с себя халат, подняла его поясок и взяла с постели

небольшую подушку. Пролаза следил за ее действиями, раскрыв от изумления рот.

— Привяжи-ка мне ее к спине.

— Это еще зачем?

— Потому что я так хочу — Саба раздраженно топнула ногой. — Ну же, быстрее! Пока я не передумала.

— А-а, понял! — Щуплый немедиец просиял и подмигнул обнаженной блондинке. — Ты, наверное, хочешь показать мне новый способ любви. Тебя жрицы Деркэто научили?

Саба прыснула.

— Нет, кадуцеи. Они чему хочешь научат.

Пояском халата Пролаза притянул к ее спине подушку. Затем его ладони решительно соскользнули на ее бедра, но Саба рывком высвободилась.

— Дурак! С чего ты возомнил, что я хочу быть твоей?

— Но ты же… — Пролаза раскрыл рот от удивления.

Саба напялила поверх подушки черное платье-балахон, приладила огромный горбатый нос, под ним приклеила небольшие усы, надела всклокоченный седой парик. На глазах у немедийца она превратилась в отвратительную старуху-горбунью.

Ты, голубшик, пошпи пока, — прошамкала она, — а я по делам шбегаю.

— Поспать? — Пролаза зевнул. — Но я совсем не хочу спать. — И тут он понял, что проваливается в сон, глаза неудержимо слипались. — Проклятая ведьма! Чем ты меня отравила!

— Не бойша, голубшик, не помрешь, — пообещала Саба.

«Да я и впрямь дурак, — подумал Пролаза, растягиваясь на полу. — Эх, плакали мои денежки!»

Саба сняла с него обрывки грязной рубахи. К телу вора был привязан довольно тяжелый сверток. Золото! Саба улыбнулась. Теперь ей вполне хватит денег, чтобы расплатиться с колдуном. Перед тем как уйти, она окинула презрительным взглядом распластанного на полу Пролазу.

— Вот и Пузо точно так же валялся у моих ног, — произнесла она вслух. — Два сапога пара, всего-то и разницы между вами, что один вор, а другой бандит. — Прихватив статуэтку Бела, она заковыляла к выходу.

Глаза старика метали молнии, обрюзгшее красное лицо то и дело кривилось от ярости. Но, как только двое гориллоподобных бандитов втолкнули в комнату Фефима и встали обочь двери, гримаса бешенства сменилась зловещей ухмылкой.

— Попался, жонглеришка! — процедил он сквозь зубы. — Вчера тебе посчастливилось остаться в живых, зачем же ты, глупец, снова пришел сюда? Неужели надеялся, что я, старый циркач, не узнаю тебя под личиной деревенского дурня? Но теперь ты мне кровью заплатишь за срыв представления.

— Тебе? — изобразил недоумение Фефим. — А я полагал, это мой цирк.

— Со вчерашнего дня он не твой. Ты не оправдал моих надежд, жонглер. Я тебе доверил процветающее заведение, а ты его превратил в нищую богадельню. Считай, что я выкупил у тебя цирк.

Фефим отрицательно покачал головой.

— Тебе это не по карману, Маагр. И не надейся, что я подпишу купчую, испугавшись твоих угроз. Ты нарушаешь закон, и я подам жалобу…

Маагр расхохотался.

— Кому? Всесильному Митре? У него полно дел и без тебя. А с властями я договорюсь без труда. В Шадизаре только один настоящий властитель — его сиятельство Деньги. Заруби это на своем носу, фигляр. В этом городе у меня полно влиятельных друзей, и они не допустят, чтобы в таком доходном заведении, как мой цирк, глупые мамаши утирали сопли плаксивым детям.

— У меня тоже есть друзья.

— Это кто же? — Маагр презрительно выпятил нижнюю губу. — Конан? Всех остальных твоих друзей я в шею выгнал из цирка, сейчас, наверное, они клянчат милостыню возле храмов. Кстати, объясни, что тебя свело с Конаном? Еще вчера я охотился за этим варваром, с большим трудом поймал его и доставил к Пузу, а сегодня он как ни в чем не бывало расхаживает по городу в твоей компании! И что ему понадобилось в клетке василиска?

Маагр выжидающе смотрел Фефиму в глаза. Тот молчал.

— Мои люди следили за вами, пока ты не расстался с Конаном и Доридой. Куда они пошли? Где вы договорились встретиться? Ответь, Фефим, — вкрадчиво проговорил Маагр. — Хотя бы из уважения к моим сединам.

Не дождавшись ответа, он кивнул одному из бандитов.

— Ильяз, попробуй его убедить, что старших надо слушаться.

Смуглолицый телохранитель Маагра осклабился и шагнул к Фефиму.

— Слышал, что сказал дедушка? — весело спросил он, и у Фефима свет померк в глазах от сокрушительного удара. Из расквашенных губ потекла кровь.

— Что тебя связывает с Конаном? — спросил Маагр, с ненавистью глядя на жонглера. — Зачем ему понадобилась Дорида? Что было спрятано в клетке василиска?

Смуглый здоровяк отвел ногу и пнул Фефима носком сапога под колено. А затем всадил кулак в живот. Маагр захихикал.

— Ильяз любит свою работу. Он никогда не торопится прикончить жертву. Обязательно растягивает удовольствие.

Впрочем, довольно скоро Маагр понял, что даже Ильяз, при всей его любви к своему жестокому ремеслу, не всемогущ. Пленник явно вознамерился умереть, но не выдать своих тайн ни под какими пытками. Глядя, как он содрогается под шквалом ударов, Маагр вдруг поймал себя на том, что не испытывает душевного подъема. Нет, ему мало видеть, как испустит дух этот жонглеришка. Сначала надо сломить его волю, вырвать у него тайну. Добиться, чтобы он предал своих друзей.

Внезапно у старика родилась идея.

«Отведу-ка я его к Губару, — решил он. — У ростовщика гораздо больше опыта в таких делах. Фефим его старый должник, и Губар, наверняка, обрадуется встрече. К тому же, чует мое сердце, Конан только на словах служит Пузу, а на самом деле ведет двойную игру. Если мы с Губаром получим доказательства и представим их Пузу, дерзкому киммерийцу не сносить головы».

Те же здоровяки, что избили Фефима до полусмерти, принесли таз с водой, умыли и перевязали жонглера. Затем схватили его под руки и выволокли из цирка. Позади семенил Маагр. При виде покрытого синяками пленника в изорванной и окровавленной одежде прохожие неодобрительно качали головами, но не слишком удивлялись — в Шадизаре такое

зрелище никому не было в диковинку. Многие из них узнавали Фефима, но немногие верили, что он выйдет живым из этой переделки.

Маагр остановил первую попавшуюся повозку. Ею оказалась боевая колесница городской стражи, совершавшая регулярный объезд центральных кварталов. За серебряную монету трое блюстителей порядка, в недалеком прошлом заурядные уличные бандиты, охотно попрыгали на мостовую и уже в пешем порядке решительно атаковали ближайшую таверну. На колеснице остался только ездовой. Дожидаясь, пока Маагр и его присные погрузят бесчувственное тело Фефима и усядутся сами, он проводил соратников завистливым взглядом и хлестнул рысаков вожжами.

Обитые медью широкие колеса оглушительно гремели на булыжной мостовой. Этим же путем Маагр тащился пешком более суток назад. Брел, шатаясь от похмелья и не имея за душой ничего, кроме смутных надежд. А теперь он снова хозяин цирка, и отборные костоломы из личной стражи Губара подчиняются ему беспрекословно. «С ростовщиком надо быть повежливее», — напомнил себе Маагр, опасливо косясь на своих подручных.

Губар был в загородном особняке, играл сам с собой в старинную настольную игру под названием шахматы. По слухам, она родилась где-то на востоке еще во времена Кулла, царя атлантов. Шахматы считались игрой мудрецов и аристократов, в некоторых странах людям из низших сословий было запрещено прикасаться к ним под страхом смерти. Губар с самого утра сидел над доской, настроение у него было премерзкое; хитроумные комбинации ходов рассыпались, едва успев сложиться. Почему-то на месте короля Губар то и дело представлял Пузо, а сам себе казался даже не фигурой, а всего лишь пешкой, которой позволено ходить только вперед и только на одну клетку. Ему, едва ли не самому богатому ростовщику Шадизара!

«Ничего, — мрачно сказал себе Паквид Губар. — Пешка становится ферзем, когда добирается до противоположного края доски. А ферзя король боится, как чумы».

Паквид поднял глаза. В гостиную вошел бритоголовый слуга.

— Господин, пришел старик, который был здесь вчера.

Говорит, у него для тебя приятный сюрприз.

Губар недовольно пожевал губами и проворчал:

— Ненавижу сюрпризы. Больше всего на свете я люблю предсказуемость, Маагру пора давно намотать это на ус.

Веди сюда старого пьянчугу.

Широкая спина слуги на миг застыла в дверном проеме и исчезла. Через некоторое время худосочный неопрятный старик втолкнул в гостиную пленника со связанными за спиной руками. Следом вошли двое верзил.

Губар окинул Фефима недоумевающим взглядом.

— Значит, он еще жив? Зачем ты его привел, Маагр? Кажется, мы с тобой давно решили его судьбу. Ты что, старый клоун, из ума выжил, что повадился беспокоить меня по пустякам? Хочешь навсегда распрощаться с цирком?

Маагр втянул голову в плечи.

— Не сердись, Губар. Он, конечно, умрет, но сначала должен кое-что нам рассказать. Он замешан в каких-то темных делишках Конана, и я решил, что нам с тобой не мешает узнать о них. Они вместе побывали у меня в цирке, что-то искали в зверинце.

При упоминании о Конане Губар смягчился.

— Вот как? Пожалуй, это и впрямь любопытно. — Ростовщик внимательно посмотрел

на Фефима. — Похоже, ты уже пробовал выколотить из него правду. И что, не добился успеха?

Маагр кивнул, и Губар задумался. До сих пор он считал, что знает, для чего Пузу понадобился Конан. Чтобы найти божка, который чем-то прогневал злопамятного главаря шадизарского преступного клана. Возможно, тогда в беседке Пузо открыл ему далеко не всю правду. Губар давным-давно усвоил золотое правило, что о врагах надо знать как можно больше. Пузо не то что враг, но и другом его не назовешь. Кто знает, на что способен таинственный божок? А вдруг пешке с его помощью удастся попасть в ферзи?

Его размышления прервал неуверенный голос Маагра:

— Я подумал, может, ты сам захочешь потолковать со старым знакомым?

— Ладно, плут. Ступай. Можешь считать, что угодил.

Губар склонился над шахматной доской и решительно атаковал белой пешкой черную ладью, подставляя под удар коня.

— Гм… И это что же, вся благодарность? — Маагр не спешил уходить.

Губар нахмурился. По роду профессии ему часто приходилось расставаться с деньгами, но он никогда не приходил от этого в восторг. Однако ссориться с Маагром не резон. У старика настоящая деловая хватка, но ему остро необходимы подъемные, чтобы цирк в самом ближайшем будущем начал приносить прибыль.

— Пятьсот золотых монет на один месяц, — буркнул он. — Без процентов. Скажи моему казначею, он выдаст.

Губар отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Маагр неопределенно хмыкнул и направился к выходу. Впрочем, старик был доволен — на большее он и не рассчитывал.

Глава VII
«Маг, евнух, союзник»

Путь Сабы лежал через центр города. Тут и там на глаза попадались знакомые физиономии жуликов, сутенеров и убийц самого разного пошиба.

Вон сидит на углу, праздно жуя яблоко, знаменитый кулачный боец Пехас, напротив него шушукается о чем-то с приятелями непревзойденный карманник Цап, еще дальше по улице упитанная шлюха Богиня хмуро и хищно высматривает среди прохожих прилично одетых мужчин, а ее громадный, сильный и спокойный, как верблюд, сутенер по кличке Слепень разинул щербатый рот в могучем зевке.

Никого из них Саба не опасалась. Она всегда работала одна, стараясь держаться подальше от таких ненадежных компаний, как воровские и бандитские шайки, поэтому мало кто в городе знал ее в лицо. А сейчас, в обличье старой горбуньи, ей и вовсе ничто не грозило. Выдать ее могли только светлые волосы, потому что своим людям Пузо велел искать блондинку, но на голове Сабы сидел безобразный седой парик, который она предусмотрительно смазала жиром, чтобы космы казались грязными.

Прихрамывая, она подошла к Слепню и игриво подмигнула.

— Ну что, кабанчик, пошалим?

Цап окинул горбатую грязнулю взглядом, исполненным омерзения, и дал ей такого пинка, что Саба отлетела в сторону. — Не хочешь — не надо, — уступчиво произнесла Саба и заковыляла прочь, потирая ушибленное место и давая себе клятву впредь воздерживаться от рискованных шуток, тем более «в образе», как говорят артисты.

Месса, известный всей Заморе предсказатель, магистр черной магии и, по слухам, тайный жрец Сета, жил в самом богатом квартале Шадизара. Его двухэтажный дом из темно-серого камня, напоминающий древний замок, нагонял страх даже на отчаянных храбрецов. Высокая бронзовая решетка, покрытая черной патиной, огораживала двор, который зарос неухоженной зеленью. Поговаривали, что этот двор охраняют ядовитые разумные змеи, прячущиеся в высокой траве. Ворота никогда не запирались, напротив, днем и ночью были распахнуты настежь, словно приглашали всех желающих приобщиться к таинствам волшебства. Но желающих находилось немного. Об этом доме и о самом Мессе ходили самые жуткие слухи. Поговаривали, что его мана огромна, но использует ее он только во зло, только во имя Сета и только за очень большую плату. Поэтому клиентами Мессы были в основном влиятельные и беспринципные люди, богачи, желающие во что бы то ни стало насолить своим конкурентам и личным врагам. Как правило, после визита к Мессе клиент держал рот на замке и тайну общения с ним уносил в могилу.

Но на сей раз ворота оказались затворены. Саба толкнула створку, и петли жалобно скрипнули, наводя на мысль, что последний гость побывал в этом доме очень давно. Прихрамывая, Саба пошла по гравиевой дорожке, внимательно глядя под ноги, но так и не увидела ни одной змеи. Однако ее не оставляло ощущение, будто за ней наблюдают несколько пар глаз. Но напрасно она озиралась по сторонам. Запущенный сад выглядел совершенно пустым. Небольшой пруд возле тропинки зарос тиной, несколько крупных желтых кувшинок едва оживляли пейзаж. Саба подошла к дому, который при ближайшем рассмотрении оказался очень ветхим, поднялась на каменное крыльцо и постучала в дверь.

Никто не отозвался. Тогда она взялась за дверную ручку. Снова раздался скрип петель. Она ступила в сумрачный коридор, из его глубины повеяло холодом, хотя на улице стояла нещадная летняя, жара. Саба увидела несколько дверей, которые вели в комнаты нижнего этажа. Она подергала двери за ручки, но они не поддавались — видимо, были заперты на ключ или засов.

— Есть тут кто-нибудь? — осведомилась Саба срывающимся голосом. И чуть было не добавила «живой» — коридор с его полумраком и холодом очень напоминал склеп. Эхо повторило ее вопрос, ответа же не последовало. Саба медленно двинулась вверх по широкой деревянной лестнице с высокими перилами. Она всегда считала себя смелой, но тут заметила, что у нее трясутся поджилки и пересохло во рту.

— Магистр Месса! — позвала она. — Где вы?

Отворив ближайшую дверь, Саба шагнула в проем и оказалась в просторном полутемном зале. И оцепенела от неожиданности и страха. На фоне зашторенного окна выделялся зловещий силуэт. Высокий человек в черном плаще до пят стоял к ней спиной, длинные черные с проседью волосы спадали на плечи. Но не облик его был грозен, а некая невидимая сила, исходившая из него и заполнявшая зал. Мана, догадалась Саба. Значит, правду говорят, что мана настоящих волшебников, целиком отдавших себя постижению законов магии, в буквальном смысле осязаема.

Маг не шевелился, даже, казалось, не дышал, погруженный в абсолютный покой, который не имел ничего общего с покоем статуи или бездействующего автомата. Гораздо больше это напоминало летаргический сон смертоносной рептилии, пережидающей зиму в своей норе. Или покой айсберга, веками дрейфующего в северных морях, терпеливо ждущего своего часа, чтобы проломить днище купеческой галеры или пиратского дракара.

Целыми днями он стоит вот так у окна и глядит в щель между занавесками на прохожих. Разум его отдыхает, тело впитывает и накапливает энергию, нисходящую с небес, а память запечатлевает все увиденное. И никому из проходящих случайно под этим окном невдомек, что его облик, поведение, а может быть, и мысли уже утонули в глубине безбрежного и безмятежного сознания черного мага, и когда-нибудь, возможно, они всплывут на поверхность и послужат целям, которые, скорее всего, не будут иметь ничего общего с целями этого случайного прохожего».

Конечно, это была всего лишь догадка, но из-за нее по груди Сабы побежала струйка холодного пота.

— Ты не та, за кого себя выдаешь, — глухим голосом произнес Месса. — Что за дурацкий маскарад? Как ты по смела явиться ко мне в таком виде?

Колдун повернулся к Сабе и вперил в нее грозный взгляд.

— Прости, великий магистр, — подобострастно сказала она. — К тебе это не имеет никакого отношения. У меня много врагов, и они меня ищут; чтобы добраться до твоего дома, я была вынуждена переодеться нищенкой.

— Все, что происходит в моем доме, имеет ко мне отношение, — раздраженно проговорил Месса. — Мой тебе совет, женщина: никогда не шути с магами. Если кто-нибудь из них захочет в ответ пошутить с тобой, результат может оказаться плачевным. Признаюсь, я сейчас едва одолел соблазн превратить тебя в старую горбатую каргу.

Саба почувствовала, что подушка у нее на спине намокла от пота. Магистр величавым жестом указал ей на кресло с высокой спинкой и уселся в точно такое же кресло напротив.

— Насколько я понимаю, ты пришла по важному делу и не с пустыми руками.

Саба нерешительно опустилась в кресло в двух шагах от Мессы. Лицо его по-прежнему оставалось в тени, но желтоватые глаза светились, и Саба почти физически ощущала угрозу и холод, исходящие от них.

— Ты очень волнуешься, — сказал Месса. — А ну-ка, сними маскарадный костюм, я хочу видеть, какова ты на самом деле.

Саба нехотя сняла парик, отклеила усы, стянула через голову черный балахон. С пояском от халата пришлось повозиться, но наконец и подушка упала на пол. Месса бесстрастно смотрел на длинные золотистые волосы, рассыпавшиеся по нагим плечам. После долгого молчания он сказал:

— Я видел тебя у кадуцеев. Ты танцовщица, женщина-змея. — Поразмыслив несколько мгновений, он спросил: — Почему кадуцеи? Это слабая, малоизвестная и бедная секта. Они никудышные маги и посредственные лекари. Ты красивая и талантливая актриса, и заслуживаешь лучшей участи. Со змеями можно танцевать и в храме Сета.

Сабу передернуло — каких только ужасов не рассказывали о шадизарском храме Сета. Видимо, иной реакции Месса не ожидал, поскольку спросил гораздо миролюбивее:

— Какова твоя просьба?

Саба вновь уселась в кресло.

Один злобный идол по кличке Ониксовый замыслил сжить меня со свету. Мы с друзьями случайно разбили его, и он поклялся отомстить. Сейчас его душа забралась в медного быка богини Иштар. Я хочу, чтобы ты его пересадил в эту статуэтку. — Она нагнулась за своим балахоном и достала из кармана изваяние Бела.

— Бел? — Голос мага вновь понизился до злого шепота. — Ты осмелилась принести Бела в дом, где не почитают никаких богов, кроме Сета?

— Я не поклоняюсь Белу, — испуганно пролепетала Саба. — Иначе разве бы попросила, чтобы в его статуэтку загоняли какого-то жалкого божка? Кого я должна была принести? Сета? Да за такую дерзость ты бы меня превратил в мокрицу и растер по полу каблуком.

Видимо, доводы Сабы убедили магистра — он неопределенно хмыкнул.

— У меня лишь одно желание — избавиться от проклятого идола. Мне все равно, куда ты его посадишь, в статую Бела или глиняный горшок. Спаси меня, и я щедро заплачу.

Месса согласно кивнул, видимо, он ничего не имел против денег. Саба достала из балахона два тяжелых кошелька с золотыми монетами — свой и Пролазин. Бледная рука с длинными нервными пальцами дважды протянулась к Сабе, и кошельки спрятались в складках мантии.

— Хорошо, я совершу ритуал, — сказал он. — Но клянись молчать до гроба обо всем, что здесь видишь. Если проговоришься, я позабочусь о том, чтобы ты плясала в храме Сета, и никакие кадуцеи тебя не спасут.

Ритуал выглядел совершенно невинно — никаких жертвоприношений, сложных заклинаний и манипуляций с амулетами, талисманами, фетишами и колдовскими снадобьями. Месса молча бродил по залу, иногда останавливался и делал неторопливые пассы. О статуэтке Бела он, казалось, начисто забыл. Потом он надолго устроился в кресле и как будто задремал.

Довольно скоро Саба предположила, что ее просто-напросто дурачат. «Почему он боится, что я проговорюсь? — недоумевала она. — О чем тут можно проговориться?» Ей случалось бывать у магов и гадалок, и те визиты были по меньшей мере впечатляющими… «Вот именно — впечатляющими, — сообразила она вдруг. — Маги и гадалки лезли из кожи

вон, чтобы я не приняла их за шарлатанов. Чего только не вытворяли, каких только фокусов не показывали. А Месса незаметно делает свое дело и при этом не старается пустить пыль в глаза. Считает это ниже своего достоинства. Но все-таки он заботится о своей репутации, а она, как известно, складывается не только из того, что о себе думает маг, но и из того, что о нем говорят клиенты. А ведь они тоже ходят к шарлатанам — им есть с чем сравнивать. И они тоже разевают рты от изумления, когда Месса за огромные деньги бьет, как им кажется, баклуши. Вот об этом-то им и запрещено рассказывать под страхом жуткого наказания. О результате рассказывать можно, о процессе — ни-ни».

— Ты не только красива и талантлива, но еще и сообразительна, — произнес Месса, заставив Сабу вздрогнуть от неожиданности.

— Ты… прочел мои мысли? — спросила она, как только оправилась от растерянности.

— Я их читаю с того момента, когда ты надумала пойти ко мне. Это было правильное решение, такая сложная задача в этом городе по плечу только магистру Мессе. Но прежде чем Ониксовый перейдет в твою статуэтку, я должен тебя кое о чем предупредить. Больше всего на свете он дорожит двумя вещами: своим телом и поклонением людей. Сейчас у него есть тело, к которому он мало-мальски привык, и есть многочисленная фанатичная паства, о которой раньше он даже мечтать не смел. Вряд ли стоит придавать значение его жалобам — боги, как известно, создания чрезвычайно капризные. Понимаешь, к чему я клоню, женщина? Новое тело может не понравиться Ониксовому. А если и понравится, это вовсе не значит, что он решит оставить тебя в покое. Кроме того, мои заклятия будут действенны, пока статуэтка цела и невредима. Твой зловредный божок обладает огромным могуществом, об истинных размерах которого, возможно, он и сам не подозревает. И пусть он сам никогда не решится разрушить собственное тело, каким бы плохим оно ему ни казалось, он способен в слепом гневе сокрушить все вокруг. И если при этом статуэтка Бела пострадает, Ониксовый снова окажется на свободе.

— Надеюсь, — хрипло промолвила Саба, — к этому времени я уже успею от него избавиться.

— Я тебя предупредил. Слуги Сета уже разбужены, и сейчас Ониксовый будет здесь.

Статуэтка Бела стояла рядом с Сабой на низком столике резного эбенового дерева. Внезапно стены задрожали, в окно, не потревожив занавесок, ворвался голубоватый смерч и заметался по комнате. Все кругом расплылось, потеряло нормальные очертания, Сабу снова объял липкий страх, в голове вспыхнула привычная уже боль. Глаза неподвижно сидящего в кресле мага засветились алым, голубой смерч добрался до статуэтки, та подпрыгнула на столике, и Саба вдруг пришла в себя. По ее щекам струился ледяной пот. Месса сидел, уронив голову на грудь. Обряд экзорцизма отнял у него все силы.

— Я пойду? — спросила Саба, вставая.

Месса молчал. Саба шагнула вперед, склонилась над ним и поняла, что он жив, просто очень устал. В глубине ее души шевельнулось сочувствие.

— Иди, — ответил он наконец, — только не забывай мое предостережение. Раньше Ониксовый лишь ненавидел тебя, теперь же, когда ты стала хозяйкой его нового тела, он вдобавок тебя боится. Возможно, новое тело изменило его характер, возможно, ты сумеешь договориться с божком, найдешь к нему подход, и он будет о тебе заботиться, как о своем прежнем хозяине. Но лучше все-таки от него избавиться. — Силы возвращались к магу, он приподнял голову; глаза снова сияли желтым. — Почитай Сета, и он, возможно, защитит тебя. И помни: в любую минуту Бел может заявить о своих правах на эту статуэтку, и я не

берусь предсказать, что тогда произойдет.

Статуэтка мирно стояла на столе. Ониксовый не подавал признаков жизни. Как будто ничего и не случилось. Саба торопливо надела балахон, нахлобучила парик; возиться с липовым горбом и усами не было времени. Торопливо сунув в карман статуэтку, она вышли из дома.

Понемногу ее отпустил страх, вернулось ощущение реальности. Домой возвращаться не хотелось, возможно, там ее поджидал разгневанный Пролаза, а к разговору с ним она еще не была готова. Ноги сами собой несли ее по шумной людной улице к базару. Все чаще по пути встречались попрошайки всех мастей — слепые, безногие, безумные, покрытые жуткими язвами. Уличные музыканты играли на самых диковинных инструментах, фокусники превращали медные монеты в разноцветных жуков, которые тут же разбегались, крупный попугай лупоглазой разряженной гадалки предсказывал судьбу, чередуя пророчества с площадной бранью, длинноволосый худощавый бретер с болезненной бледностью на лице прямо на мостовой давал урок фехтования толстому и неуклюжему купчику, трясущаяся от старости немедийка заговором лечила чирей на ноге бедному странствующему дворянину. В Шадизаре всегда хватало желающих заработать нетрадиционным способом.

Саба, предусмотрительно сберегшая пригоршню монет из кошелька Пролазы, вспомнила, что страшно голодна и хочет пить — с утра маковой росинки во рту не было. На базаре, поторговавшись для приличия, она купила горячую пшеничную лепешку с шафраном, жареную гусиную грудку и кувшинчик слабого пива и отошла в тень раскидистого дерева, где уже сидели прямо на земле несколько мужчин и женщин и подкреплялись кто купленной, а кто украденной снедью. Никто из них не обратил внимания на седую нищенку, лишь молодому крепышу в неброской одежде ее лицо показалось знакомым. Может, и впрямь только показалось? Следя за старухой краем глаза, крепыш сдвинул на глаза соломенную шляпу и почесал бритый затылок. «Где же я ее видел?»

Губар наслаждался покоем. В последние дни навалилась уйма хлопот, вдобавок ко всему прочему приходилось гоняться за Конаном и пресмыкаться перед Пузом. Он считал, что заслужил отдых. В целом дела шли неплохо, у Губара даже возникла мысль отправить на запад, в богатую Аквилонию, караван с шадизарскими товарами. Как всегда и везде, деньги делали деньги, но чем быстрее росло богатство Губара, тем беспокойнее было у него на душе. Увы, даже деньги не могли решить все проблемы на свете.

Все чаще он мечтал снискать уважение бандитов Шадизара. Но мечта эта даже ему самому казалась несбыточной. Для таких заправил преступного мира, как Пузо, он был всего лишь мальчишкой на побегушках. Но ведь Губар давно уже не мальчик, у него борода с проседью, лицо как печеное яблоко. И ростовщик из кожи вон лез, чтобы в высших кругах шадизарской знати его считали своим. Дабы не ударить перед аристократами лицом в грязь, он тратил огромные суммы. Построил и с роскошью обставил великолепный загородный особняк, обзавелся породистыми лошадьми и шикарной каретой. Последним его приобретением был… гарем. Да, ему по карману содержать четырех красавиц, и пусть лопнут глаза у завистников! Другое дело, что жены ему не нужны, он вообще не питает интереса к женщинам, но об этом никто и никогда не узнает. Пускай все думают, что он греховодник под стать Пузу. В Шадизаре каждый мало-мальски уважающий себя аристократ имеет наложниц.

Пузо покачивался в гамаке под сенью высоких кустов жасмина. Кругом благоухали яркие

цветы, а в небольшом пруду прямо перед ним плескались, точно русалки, четыре обнаженные женщины. Все они были молоды и красивы, и все принадлежали к разным народам. Жен для Губара подыскивал евнух Хаггари, не жалея денег на выкуп и в точности исполняя все указания хозяина, и в загородном особняке ростовщика поселилась смуглая крутобедрая вендийка, похожая на желтую кувшинку дочь Кхитая, черная как ночная мгла кушитка и некогда гордая рыжеволосая британийка. Они были обречены провести остаток своих дней (в лучшем случае — остаток дней Губара) в этом столь же негостеприимном, сколь и богатом поместье; единственной их обязанностью было вызывать черную зависть у редких гостей, На ночь их запирали в павильоне, а днем выпускали в сад.

Прислуживал им евнух Хаггари — неописуемо жестокий, рано обрюзгший и женоподобный. В детстве его украла и тайно увезла в чужую страну жрица из некой изуверской секты. Эта жрица и ее сподвижницы видели свою святую миссию в том, чтобы оскопить всех мужчин на свете. Впоследствии жриц переловили поодиночке и безжалостно умертвили, но перед тем они успели изувечить несколько десятков взрослых мужчин и без малого тысячу мальчиков. С тех пор к женщинам Хаггари относился, по словам Губара, «с некоторым закономерным предубеждением», а попросту говоря, боялся их, презирал и ненавидел и никогда не упускал случая отомстить им за свои давние страдания. Когда его мучительница, сделав свое черное дело, бросила маленького Хаггари на произвол судьбы, он едва не умер от голода, затем прибился к шайке малолетних грабителей и убийц и сразу проявил такую лютую жестокость, что устрашил даже своих товарищей. Шайка рассеялась, Хаггари снова остался один и мыкался на шадизарских улицах, пока Губар не застал его за невиннейшим из любимых занятий — Хаггари распарывал живой кошке живот, чтобы зашить в нее живую мышь. Примечательно, что и кошка, и мышь были самками.

Узнав о беде мальчика, Губар решил, что такой человек в его гареме просто незаменим. Юному Хаггари было запрещено покидать владения Губара, да он и сам к этому не стремился, — на улицах Шадизара его ждали только насмешки. За верную службу ростовщик раз в месяц отдавал ему одну из своих жен на целую ночь. Хаггари мог делать с ней все, что захочет, не поощрялись только физические увечья. По меньшей мере четырежды в месяц из его каморки всю ночь напролет доносились истошные женские вопли. Но утром жизнь шла своим чередом, на теле жертвы не оставалось никаких следов пыток — Хаггари дорожил своим местом.

Губар считал, что безумный страх его жен перед злобным евнухом — лучшая гарантия их повиновения. За любой проступок бедняжек карали внеочередной ночью в сторожке Хаггари. Когда к ростовщику наведывался с визитом знатный гость, красавиц наряжали в дорогие одежды и драгоценности; сразу после ухода гостя богатое убранство отправлялось в сундук до нового приема.

Убежать от Губара было практически невозможно, дом и сад были буквально напичканы смертоносными ловушками. Их было великое множество, и чуть ли не каждый день появлялись новые, еще более опасные и хитроумные; в памяти Губара уже не умещались местонахождение и принцип действия их всех. В последние дни он то и дело ловил себя на боязни посещать некоторые участки дома и сада. Что уж тут говорить о слугах! Каждому из них дозволялось знать только свой маршрут, малейшее отклонение от него (из любопытства или по расхлябанности) заканчивалось плачевно. Если бы ростовщик не заставлял своих слуг брить головы, у них бы, наверное, все время стояли дыбом волосы.

И все-таки Губару чего-то не хватало.

— Что означает в Шадизаре мое имя? — размышлял он, покачиваясь в гамаке. — У одних оно вызывает зависть, у других — страх, у третьих — любопытство. Но для влиятельных людей города я как был, так и остался мрачным уродливым кровососом, разбогатевшим до неприличия простолюдином. Когда же удача постучится в мои двери и вдобавок к деньгам подарит власть и достоинство?»

Встретившись взглядом с бритунийкой, Губар указательными пальцами изобразил в воздухе полуовал. Женщина знала, что это означает. Выбравшись из воды, она наполнила чашу охлажденным белым вином и семенящей раболепной походкой приблизилась к своему господину. И униженно опустилась перед ним на колени. Разглядывая бледное, почти не тронутое загаром лицо бритунийки, Губар самодовольно улыбнулся. «Ну, и где же твои хваленые смелость и непреклонность, бритунийская гордячка? — вопрошала его улыбка. — Должно быть, навсегда остались в сторожке Хаггари».

Он взял кубок и буркнул, не шевеля губами:

— Прочь.

«Предположим, я и в самом деле кровосос, урод и простолюдин, — подумал он, вмиг забыв о бритунийке. — Но я ничем не хуже Пуза, сына шлюхи, воровского герцога. По крайней мере, я не настолько глуп, чтобы заводить себе врагов среди обитателей потустороннего мира. У меня и на земле хватает недругов. Хотелось бы знать, есть ли у Конана шанс выполнить поручение Пуза. А что, если, — Мысль была настолько страшна, что Губар покрылся потом, несмотря на жару. — А что, если все-таки рискнуть? Подружиться с идолом? Заручиться его покровительством? Но для этого по меньшей мере надо знать об идоле все, что знает Конан. Конан! Ему поручено расправиться с божком, значит, я окажу божку услугу, если остановлю киммерийца. По словам Маагра, варвару помогал Фефим. Проклятый жонглер! Надо любой ценой вырвать у него правду. Может, поручить это евнуху? Будь на месте жонглера женщина, я бы не колебался, — подумал ростовщик. — Но с мужчинами Хаггари обращаться не умеет. Как и любой изверг, он черпает свои силы в слабости жертвы. Хладнокровие и стойкость Фефима могут вывести кастрата из себя, и тогда он запросто убьет пленника, не добившись от него признания. Нет, лучше воспользоваться проверенными методами. Не так уж много времени нужно, чтобы упрямец запел соловьем».

В этот момент дверь дома медленно отворилась, и в сад бесшумно выскользнул Хаггари. Сильно сутулясь, он направился прямиком к Губару.

— Ну, что тебе? — недовольно спросил Губар.

— На базаре поймана воровка Саба. Она здесь. — Хаггари застыл, дожидаясь распоряжений.

Губара разморило на жаре, заниматься делами не хотелось.

— Вознагради тех, кто поймал воровку, и давай ее сюда. Проведем с ней нравоучительную беседу.

Хаггари просиял — он обожал «нравоучительные беседы» с женщинами. Со всех ног евнух припустил к двери. Вскоре он привел в сад Сабу. Ее руки были связаны за спиной.

— Сопротивлялась, — пояснил Хаггари. — Пырнула ножом какого-то олуха с базара, когда он помогал нашему человеку ее скрутить.

— Здравствуй, Саба, — сказал Губар. — Как жалко ты выглядишь в этом рубище. Должно быть, украденное у меня золото не пошло впрок. Впрочем, я сам виноват, не сказал тебе еще при первой нашей встрече, что на чужом горе счастья не построишь. Правда,

Хаггари? — обратился он к евнуху.

— Воровать грешно, — совершенно серьезно отозвался Хаггари. — Так учила меня приемная мать. И наказывала, когда я не слушался. Наказать ее, хозяин?

— Да, пожалуй, только отведи куда-нибудь подальше. А потом возвращайтесь, нам предстоит важный разговор.

Улыбаясь до ушей, Хаггари схватил дрожащую от страха Сабу и как паук муху потащил к своему жилищу, но по пути не выдержал соблазна изо всех сил дернуть ее за волосы. Поскольку это произошло на самом краю пруда, он и глазом моргнуть не успел, как оказался в воде, среди визжащих с перепугу женщин. В руке он сжимал грязный седой парик. Саба тряхнула светлыми волосами и расхохоталась, а на лице Губара появилась улыбка. Отплевываясь, евнух полез на сушу.

— Постой, Хаггари, — сказал Губар, когда евнух с перекошенным от злости лицом снова вцепился в Сабу. — Остынь. — Он вопросительно посмотрел на Сабу. — Скажи-ка, красавица, почему тебя ищет Пузо?

— Пузо? — переспросила Саба излишне беззаботным тоном. — Да он просто влюбился в меня.

По лицу Губара расползалась ухмылка.

— И чем же тебя не устраивает такой прекрасный кавалер?

— Я еще слишком молода, чтобы полюбить по-настоящему, — не задумываясь, ответила Саба. — Я дорожу свободой.

— Хозяин, подари мне эту суку, — с жаром произнес евнух.

— Нет, Хаггари, — рассмеялся Губар. — Возлюбленная самого Пуза — слишком важная персона. Я займусь ею сам. Для начала устрою ей встречу со старым знакомым, симпатичным молодым жонглером, он, наверное, уже затосковал в одиночестве. А ну-ка, обыщи нашу гостью, вдруг она что-нибудь украла на базаре.

Евнух коршуном бросился на Сабу. И мига не прошло, как он торжествующе поднял в руке статуэтку Бела.

— Деревяшка какая-то. — Он снова ощупал Сабу и ничего не нашел.

— Подай-ка. — Губар с интересом повертел деревянную статуэтку в руке. — Дешевая поделка. Зачем она тебе? — спросил он Сабу.

Та слегка растерялась. Может, рассказать Губару про идола? Нет, пожалуй не стоит.

— Как сорока, — упрекнул ее Губар. — Тащишь все, что плохо лежит. И не стыдно?

— Хозяин, — канючил евнух, — позволь, я ее воспитаю.

Это мой талисман, — сказала Саба. — Я его всюду ношу с собой. Вел — бог воров, разве не знаешь?

С лицом Губара вдруг произошла перемена — улыбка исчезла, глаза округлились, челюсть слегка отвисла. Но вскоре выражение полной растерянности сменилось мрачной радостью. Губар победоносно глянул на Сабу.

— Да что ты говоришь? А по-моему, это не Бел, а кто-то другой. Ты знаешь, Саба, мне чем-то нравится эта статуэтка. Надеюсь, ты не будешь в обиде, если она украсит мой домашний алтарь. — Он перевел задумчивый взгляд на евнуха. — Хаггари, отведи нашу гостью к жонглеру.

Кто-то безжалостно тряс Пролазу за плечо.

— Эй, плут! А ну, вставай. Что это ты разоспался средь бела дня, размозжи тебя Кром?

Пролаза с трудом приоткрыл один глаз и спросил заплетающимся языком:

— Конан? Где это я?

— В храме кадуцеев. У меня тоже вопрос имеется. Где твоя часть идола?

Пролаза испуганно огляделся по сторонам. Мешочек с ониксом нетронутым лежал на туалетном столике. Немедиец с облегчением вздохнул, дотронулся до груди, и тут его глаза едва не вылезли из орбит.

— Саба! — воскликнул он, вскакивая на ноги. — Она удрала вместе с моими деньгами!

Конан невесело усмехнулся.

— А перед этим попотчевала тебя винцом?

— Точно. — Вор сокрушенно потупился. — Наверное, Бел отвернулся от меня.

— Похоже, у нас изрядно прибавилось забот, — сказал Конан. — Красотка решила уладить дельце с Ониксовым по своему разумению. Думаю, ничем хорошим это для нее не кончится. Надо ее найти.

С этим Пролаза был вполне согласен. Найти плутовку и отобрать украденные деньги!

— Ладно, давай займемся делом. — Конан развязал узел с бельем и вынул голову Ониксового. Затем с помощью Пролазы он соединил все обломки, и со стола на них глянуло желтое одноглазое чудовище.

А, Кром! — выругался Конан. — Как же это я не додумался забрать у Пуза глаз?

— Да, верно, в спешке мы его потеряли, — сказал Пролаза, с любопытством разглядывая идола. — К тому же темно было. А знаешь, Конан, этот божок уже не ноет в моей голове. Может, почуял, что мы его собрали?

— Возможно. Но не думаю, что ему понравится быть одноглазым.

— Не беда. — Пролаза порылся среди побрякушек Сабы, выудил огромную красную бусину и приставил на место глаза.

Конан нахмурился. Отчего-то идол выглядел теперь еще более зловещим.

— Не пойдет, — решил киммериец. — Нет смысла рисковать, лучше еще разок наведаться к Пузу. Заодно узнаю, не его ли ребята схватили Фефима. — Увидев недоумение и страх в глазах Пролазы, Конан пояснил: — Это случилось, как только мы расстались возле цирка. Похоже, его опознали. Меня потом знакомый цирковой мальчишка догнал, рассказал, что нашего приятеля скрутили какие-то здоровенные дядьки. Не желаешь прогуляться со мной? Бояться нечего, ведь Пузо тебя в лицо не знает.

— Ну уж нет! — Пролаза отрицательно замотал головой. — Я к его дому и на полет стрелы не подойду. Лучше я здесь тебя дождусь, заодно попробую склеить это чудище.

С деревянной статуэткой в руке Губар приблизился к алтарю. С узкой резной полочки на него равнодушно взирала добрая дюжина древних языческих идолов Заморы. Когда в жизни Губара возникала сложная ситуация, он приходил к ним, чтобы просить о защите и покровительстве. В свое время он приобрел этих идолов за бесценок — в Шадизаре они давно были не в чести, веру людскую успешно поделили между собой более могучие божества Митра, Иштар, Сет, Бел и другие. Но у этих великих богов, рассуждал Губар, слишком много дел, пустяковой подачки от них приходится ждать годами. К тому же любое посещение храма — это болезненный удар по кошельку, что-что, а подаяния из богатых прихожан жрецы выжимать умеют.

У языческих божков есть кое-какая сила, зато почти не осталось приверженцев; тем выше они должны ценить поклонение такого выдающегося человека, как шадизарский

ростовщик Паквид Губар. И они действительно иногда помогали, но чаще Губара выручали его природная хитрость и сила характера.

«Быть может, с твоей помощью я наконец добьюсь успеха?» — подумал он, протирая статуэтку Бела полой шелкового халата.

«Почему бы и нет?» — зазвучало голове. Губар был готов к этому, но все-таки содрогнулся. С полки на него ревниво смотрели деревянные, каменные и металлические истуканы. По спине ростовщика бежали мурашки.

— Не очень красивое тело, — сказал он вслух. — Впрочем, ничего удивительного, ведь его для тебя выбирала воровка. У нее дурной вкус.

— Девчонка просто схватила первую статуэтку, которая под руку подвернулась. Мне она тоже не нравится. Я хочу прежнее тело, на худой конец, вырезанное из целого изумруда величиной с тыкву.

У Губара глаза полезли на лоб.

— Жадина, — правильно расценил его реакцию Ониксовый. — Все вы, люди, из одного камня тесаны. Пузо тоже скупился, а чем это для него кончилось?

— Пузо? — тупо переспросил Губар. — По-моему, он все еще жив и здоров.

— Смею тебя уверить, его дни сочтены. А также этих дерзких воров, которые меня разбили. Пусть они сколько угодно перекидывают меня из тела в тело, это их не спасет. Как не спасет любого, кто осмелится бросить вызов гордому богу с острова Каменных Истуканов, который беспощаден к врагам, зато милостив к верным и послушным друзьям, и глупцу Ахамуру не следовало забывать, кому он обязан своим…

«Так вот оно что! — Губар больше не слушал распалившегося божка. — Вот кто сделал Пузо Пузом! А ведь я подозревал, чувствовал! Не мог, никак не мог этот грязный ублюдок своим куцым умишком достигнуть всего, что он достиг. Теперь его местечко свободно, и я, быть может…»

— А знаешь, ростовщик Губар, ты мне нравишься, — сказала деревянная статуэтка. — Я заглянул в темные глубины твоего существа и вижу там мысли и чувства, которые вполне способен разделить с тобой. Если хочешь, я помогу добиться того, о чем ты мечтаешь. Подчиняйся мне во всем, и удача не заставит себя долго ждать. Потому что удача — это всего лишь следствие правильных поступков. Конечно, я небескорыстен, но просьбы мои вряд ли покажутся тебе слишком обременительными. Возможно, когда-нибудь тебе захочется сделать даже больше, чем я попрошу. Согласен?

— Согласен! — Губар ликовал, — Наконец-то у него появится могущественный союзник. А какая прекрасная возможность насолить Пузу!

— С этим я тебе обязательно помогу, — обещал прочитавший его мысли идол. — А сейчас слушай, чем ты можешь мне угодить. Во-первых, я обожаю прогулки, и слуги Пуза выносили меня в крытом паланкине. Еще на острове я привык любоваться оргиями, и здесь Пузо нередко устраивал их в мою честь, и через дырочку в ширме я видел, как он развлекается с женщинами…

— О, за этим дело не станет, — любезно пообещал Губар. — Я покажу тебе, как это делает Хаггари, Пузу такое и не снилось.

— В-третьих, нужны жертвы, лучше всего человеческие, от них у меня прибавляется сил. Для начала можешь зарезать на моем алтаре дерзкую воровку Сабу. Правда, она, сама того не желая, оказала мне услугу, пересадив из медной кастрюли в это тело и познакомив с тобой, но раз уж я обещал, что ее убьют в мою честь, пусть так и будет. И в-четвертых, я тебе

все-таки советую подумать о приличном теле для меня. На худой конец, проследи за тем, чтобы Конан починил и вернул мне ониксовое. Кстати, Губар, где ты собираешься держать меня? Неужели среди этих дешевых и никчемных кукол? Мое место только в сокровищнице.

Губар бережно прижал к груди статуэтку Бела и, ступая по толстому мягкому ковру, направился к выходу. Языческие кумиры на полке проводили его мрачными взорами.

Глава VIII
«Кумир, павлин, друг»

Жара отхлынула, покрасневшее солнце стремительно опускалось к горизонту. Конан спешил к дому Пуза, стараясь лишний раз не попадаться на глаза бандитам. На его пути стоял храм Иштар, площадь была запружена народом и гудела, как растревоженный улей. Заинтересованный, Конан решил заглянуть в храм, для этого пришлось пустить в ход локти. Здание было набито битком, прихожане буквально сидели друг на друге и говорили только о сегодняшнем знамении.

— Представляешь, почтенный Банк, — говорил один седой старец другому, — из головы Урука выскочила огромная голубая звездища и заметалась по всему храму, словно искала праведную голову, чтобы опуститься на нее. Потом замерла на миг и вылетела в двери. Видимо, мы недостаточно праведны, если божество не снизошло до того, чтобы остаться с нами.

— Может, десяти жертвенных баранов ему показалось мало? — предположил Банк.

— Двадцать баранов! — сердито поправил сосед. — Двадцать жирных баранов закололи жрецы на его алтаре, а он…

— Да какие там двадцать! — вскричал пылкий юноша в небольшом отдалении. — Тридцать баранов! Я сам считал!

— Я тоже считал! Их было не меньше полусотни! — загалдели рядом.

— Ну, ты загнул! Какие там полсотни! Правильно было сказано, тридцать, но не баранов, а огромных породистых коров! Я пожертвовал на них последнюю горсть золота и теперь остался ни с чем!

— И я!

— И я!

— Жрецы! Верните наши деньги! Где вы прячетесь, нечестивые мошенники! А ну, выходите, а то мы весь храм по камешку разнесем!

В храме Иштар назревала буря. Конан посмотрел на Урука. В глазах медного идола больше не теплилась жизнь. «Похоже, я снова опоздал», — с этой мыслью Конан двинулся к выходу.

— Вернись, Урук! — вопили разъяренные прихожане, швыряя в идола всем, что попадалось под руку. — Ты обещал сделать нищих богатыми. Ты не должен бросать нас, это непорядочно!

— Во всем виноваты жрецы! — крикнул кто-то. — Это они не удержали Урука! Он насмотрелся на этих воров, обжор и прелюбодеев и решил, что каков поп, таков и приход.

— Бей жрецов!

Когда Конан вырвался на площадь, в храме уже бушевал праведный гнев толпы, которому позавидовал бы любой ураган.

Вот и дом Пуза. Конан остановился у высокой каменной ограды. Как теперь быть? Войти открыто? Почти без утайки рассказать о своих скромных успехах и попросить глаз идола? А вдруг успехи покажутся Пузу настолько скромными, что он придет в бешенство и прикажет слугам умертвить Конана на месте? Вдруг он уже пронюхал, что Конан вступил в

сговор с ворами, которые разбили Ониксового? Вдруг толстый бандит считает, что вреда от киммерийца больше, чем пользы?

А что, если незаметно перелезть через ограду, разыскать Пузо, залечь неподалеку и последить за ним, послушать, о чем он говорит с холуями? Выяснить, в каком он настроении. Вечер погожий, хозяин дома, наверное, отдыхает в саду. Понадеявшись на это, Конан больше не раздумывал. Ограду он преодолел беспрепятственно, но потом пришлось затаиться в кустах — подождать, пока мимо пройдут двое стражников с длинными ножами на поясах. Конан много раз бывал в этом саду и хорошо запомнил маршруты караула. Бесшумно, как летучая мышь, киммериец скользнул под соседний куст, потом ползком между клумбами двинулся к большой беседке, обсаженной розами. В беседке горел свет и виднелись человеческие силуэты. Осторожно раздвинув стебли, Конан втиснулся между розовыми кустами и дощатой стенкой. Розовые колючки вмиг покрыли его лицо и руки мелкими царапинами," но стоило пойти на такую жертву ради уверенности, что никто из охранников не заглянет сюда. И в самом деле, кому придет в голову, что человек в здравом уме способен забраться в розовые кусты?

Конан напряг слух и прежде всего услышал сосредоточенное чавканье и хруст разгрызаемых костей. Из беседки умопомрачительно пахло копченым кроликом. У Конана потекли слюнки, он вспомнил, что с утра ничего не ел. В животе забурчало так громко, что он встревожился: вдруг услышат? За дощатой стенкой раздалось аппетитное бульканье, затем трапезничающий блаженно рыгнул и со стуком опустил посудину. Конана охватила черная зависть.

— Хозяин, — послышался вдруг подобострастный голос, — есть новости.

Ответом было молчание. Конан предположил, что Пузо жестом велел слуге излагать.

Губар схватил воровку Дану.

— Дану? Эту подлую суку? Попалась наконец! — Судя по голосу, Пузо несказанно обрадовался. — Ну, так в чем дело? Почему она еще не здесь?

— Твоя светлость, дело в том, что Губар ее прячет. Наш человек из его охраны шепнул…

— Прячет? Он что, умом тронулся? Да я его в бараний рог!

— Это еще не все, хозяин. Циркач Маагр укрывал у себя другую воровку, Дориду. Ту, которая наших парней оглушила, когда идола твоего умыкнули.

— Маагр? Старый пьяница? Да как он посмел! Ну, теперь ему не сносить красноносой башки!

— И это еще не все, твоя светлость. Северянин Конан, которому ты дельце поручил, Дориду из цирка увел и где-то спрятал.

— И Конан? То-то он как в воду канул. Предал меня, значит. Что ж они, сговорились? А? Почуяли слабину, да и решили втроем навалиться? Неужто… — В голосе Пуза зазвучала растерянность. — Неужто их Ониксовый переманил?

— Ониксовый, хозяин? — тупо переспросил слуга.

— Проклятье! — кипятился Пузо. — Никому верить нельзя. Пока ты силен, все тебе пятки лижут, а как… Ну, что стоишь? — заорал он на слугу. — Конана найти! Маагра за шкирку и сюда! Сам поезжай к Губару, скажи, с огнем он играет! Чтобы живо Дану ко мне доставил, иначе пусть пеняет на себя!

Раздался частый топот — слуга побежал исполнять поручения.

— Эх, натура людская, подлая, — сокрушенно произнес Пузо. — Никому верить нельзя.

Ты о них как о родных детях заботишься, а они…

Он машинально потянулся к блюду, оторвал кусок кроличьего мяса и вонзил в него зубы. Да так и замер от неожиданности.

— Ты хотел меня видеть? — Конан быстро и бесшумно приблизился к главарю шадизарских преступников.

Пузо смотрел на него вытаращенными глазами. Нижняя челюсть отпала, крольчатина вывалилась изо рта. Руки Конана потянулись к его горлу, и Пузо, сипя от ужаса, заслонился жирными руками.

Пальцы киммерийца коснулись его груди, сомкнулись на большой бледно-желтой бусине, рванули. Золотая цепочка лопнула почти беззвучно.

— Стража! — пискнул Пузо. — Грабят.

— Для тебя же стараюсь, — с укором произнес Конан. Глаз Ониксового отправился к нему за пазуху. Киммериец заботливо поднял с колен Пуза кусок крольчатины и воткнул перепуганному бандиту в рот. — Ты кушай, кушай. Все будет хорошо.

С этими словами он перемахнул через стенку беседки и метнулся к каменной ограде.

Путь от особняка Пуза до храма кадуцеев Конан одолел бегом и, чуть пошатываясь от усталости, ворвался в келью Сабы.

— Пролаза! Ты здесь?

Кромешная мгла не ответила. Конан ощупью приблизился к туалетному столику и нашел канделябр. Пришлось повозиться с кресалом, чтобы затеплить огарок свечи. Комната была пуста. Вместе с Пролазой сгинул и идол — в этом киммериец убедился, перевернув все вверх дном.

— Распотроши меня Кром! Вот и верь после этого людям.

Исчезновение Пролазы не столько разозлило, сколько огорчило Конана — он-то считал немедийца человеком по-своему порядочным. Он вспомнил, что утром у Пролазы не болела голова. Должно быть, воришка решил, что его беды позади и счел за лучшее просто-напросто смыться с дорогими камнями. И теперь ищи его, свищи.

В отчаянии Конан топнул ногой и выругался. Но досадовать было некогда. В эти самые мгновения к загородному дому Губара на коне или в наемной повозке ехал посланник Пуза. Надо было его опередить.

Второпях сунув за пазуху несколько черствых лепешек, Конан бросился к выходу.

— Я приготовил тебе подарок, — сообщила статуэтка Бела, — Завтра губернатор дает ужин в честь совершеннолетия своей единственной дочери. Там будут присутствовать только избранные. Утром получишь приглашение.

— Как тебе это удалось? — Губар поймал себя на том, что его рот расползается в счастливой улыбке.

— Это было несложно. Губернатор имеет обыкновение дремать после обеда. Сегодня я явился к нему во сне и объяснил, как важно человеку на его должности иметь друзей среди состоятельных и добропорядочных горожан. А заодно внушил, что якшаться с преступниками наподобие Пуза — дурной тон.

Ростовщик расхохотался. Если так пойдет и дальше, Пузо очень скоро останется ни с чем. Он еще в ногах у Губара валяться будет, клянчить крохи со стола.

— Спасибо, Ониксовый! Я твой должник.

— Долг платежом красен, — без обиняков заявил божок. — Я жажду человеческой крови.

— Завтра, — твердо пообещал Губар. — Завтра ты получишь свою жертву.

— Пусть это будет девушка из твоего пруда, пепельная блондинка с большими синими глазами. Она мне понравилась.

— Лиз?! — воскликнул Губар. — Но мы же договаривались о Сабе!

— Саба может подождать. Сейчас я хочу крови Лиз.

— Проклятье! Нет, Ониксовый, я не согласен. Кого хочешь бери, только не Лиз. Она самая красивая из моих жен, настоящая бритунийка благородных кровей. Половина шадизарской знати мне завидует. Вдобавок, она обошлась в целое состояние. Возьми лучше Сабу, какая тебе разница.

— Сначала будет Лиз, — непреклонно заявил Ониксовый. — Потом чернокожая женщина. У меня еще не было чернокожих.

— Кушитка? О, тысяча демонов! Этак ты меня совсем без жен оставишь. Помилуй, где это видано, чтобы в жертву богам приносили членов собственной семьи? Ты хоть представляешь, какие ужасные слухи поползут по городу?

— Обязательно поползут, — зловеще подтвердил Ониксовый, — если ты меня рассердишь. Ужасные слухи о том, что я с тобой сделал. А чтобы не казаться голословным…

Паквид Губар взвыл и схватился за горло. Глаза его выпучились, язык вывалился и вмиг посинел. Через несколько мгновений, которые показались ростовщику вечностью, удушье отпустило, зато в животе вспыхнула невыносимая боль. Она перекочевала в колено — казалось, в него вцепился клыками громадный сторожевой пес. Затем боль ударила в пах. Придя в себя, Губар обнаружил, что сидит на полу, истерически всхлипывает и размазывает по щекам слезы.

— А теперь согласен? — холодно поинтересовался божок.

— Нет, — дрожащим голосом произнес Губар.

Дом затрясся, пол под ногами ростовщика заходил ходуном. Статуэтка Бела упала на пол. Губар взвыл, когда с полки свалилась и разбилась вдребезги драгоценная фарфоровая ваза из далекой Вендии. Ее звон подействовал на него сильнее любой физической боли. Из глаз Бела вырвалось красное пламя, заметалось по комнате, ударилось в стену. Раздался грохот, по стене разбежалась паутина трещин.

— Согласен! — вскричал Губар. — Согласен! Прекрати! Будет тебе Лиз, завтра же!

Разбуженное лихо улеглось не сразу. Наконец пламя вернулось в статуэтку. Мокрый от пота и слез, Губар попятился к двери, нажал на нее задом, споткнулся о порог и повалился в коридор. Вскочил и бросился в спальню, чтобы залезть с головой под одеяло и там, выбивая зубами барабанную дробь, дать себе клятву никогда и ни в чем не отказывать идолу.

Бритоголовый охранник четырежды стукнул в ворота деревянным кольцом. Два раза громко, на третий — тише, и снова громко. Скрипнули петли, в воротах открылось окошко.

— К хозяину от Пуза, — отрывисто сообщил патрульный.

Окошко закрылось, вероятно, один из привратников отправился с докладом к Губару. Спустя довольно много времени оконце открылось вновь. Человек за воротами что-то сказал. Патрульный без звука повернулся, прошел по мосту к повозке и сказал посланнику:

— Подойди к воротам. Хозяин с тобой поговорит.

Конан не опасался, что его узнают. Было за полночь, к тому же его лицо пряталось под

соломенной шляпой с вислыми полями, а приметная фигура — под длинным плащом. Чтобы изменить голос, он положил в рот глаз Ониксового. Настоящий гонец Пуза, а также возница, надежно связанные по рукам и ногам, лежали под придорожным кустом в добрых двух полетах стрелы от особняка Губара.

Неторопливой уверенной поступью Конан приблизился к воротам. Телохранитель ростовщика с опаской следовал на почтительном отдалении. Когда повозка остановилась за мостом, он попробовал тайком подкрасться к гостю, приставить к горлу кинжал и отобрать оружие. Но сокрушительный удар в челюсть и острие меча, упершееся в живот, убедили его отказаться от этого намерения.

— Что надо от меня Пузу среди ночи? — недовольно спросил Губар из-за ворот.

— Его шветлошть ужнал, што ты пряшешь воровку, — прошепелявил Конан.

— Кого? — изобразил удивление ростовщик.

— Девку, которая шперла у хожаина одну штучку. Шаба ее жовут.

— Ша-аба? — протянул Губар — Впервые слышу. С чего он взял, что она у меня?

Посланник хмыкнул.

— Пужо предупредил, что ты будешь отпираться. Он не велел тебя упрашивать. Он велел шжечь к шобачьим демонам твое поганое гнеждо. А тебя к нему доштавить, и вовше не обяжательно живым.

Паквид Губар в ужасе отшатнулся от ворот. У Пуза слово с делом не расходится, когда он угрожает, жди беды. Как теперь быть? Бежать к идолу, молить о защите? Он-то, может, и защитит, а вдруг нет? Что, если головорезы Пуза оцепили особняк и ждут только сигнала? Что, если его лучники, не знающие промаха, уже перебрались через стену, залегли в саду или на крыше и целятся Губару в спину? Рано, рано ссориться с могущественным бандитом. Надо отдать ему Сабу. Ониксовый, конечно, рассвирепеет, но это сейчас меньшее из двух зол.

— Ежели тебе не терпитша штать покойником, — спокойно произнес посланник, — так и шкажи, чего время тянуть?

— Шаба, Шаба… — растерянно проговорил Губар. — Как она выглядит? Золотистые волосы, длинные ноги, наглый взгляд?

— Она шамая.

— А! Так это ж не Шаба, а Саба, — с притворным облегчением сказал ростовщик. — Просто я тебя неправильно понял. Все верно, у меня эта лисица. Долго я за ней охотился, а уж как обрадовался, когда поймал… Большие у меня к ней претензии. Но уж коли и Пузу она понадобилась, буду счастлив оказать ему услугу. Передай его светлости, что Губар с искренним удовольствием…

— Хватит болтать! — грубо перебил посланник. — Веди шуда девку.

Когда Конан, решивший побывать у Пуза, исчез за дверью кельи, Пролаза занялся реставрацией статуэтки. Но вскоре пришлось покинуть храм кадуцеев, чтобы заглянуть в ближайшую гончарную мастерскую, узнать у хозяина, чем лучше всего склеить разбитую каменную статуэтку, и тут же украсть пригоршню вязкой серой массы. Сразу после этого он вернулся в комнату Сабы, и вскоре перед ним стоял починенный идол с вилайетского острова. Обломки были состыкованы вкривь и вкось, вместо правого глаза блестела красная бусина, на туловище засыхали потеки клея. Но Пролаза был вполне доволен делом рук своих. Он никогда не замечал у себя задатков скульптора.

— Ну что, добился своего? — обратился Пролаза к изваянию. — Теперь дело за

малым. — Вор прислушался к себе, но голос Ониксового в голове не звучал. — Интересно, чего ты ждешь? Так долго ныл, упрашивал, чтобы мы тебе вернули распрекрасное тело. Вот оно, полезай!

Ответом было молчание.

«А что, если он вообще про меня забыл? — подумал Пролаза. — Или даже подох? Интересно, может ли бог умереть?»

— Эй, ты, пугало каменное! Тишина.

— Куда подевался, урод?

«Похоже, ему и впрямь не до меня, — сделал утешительный вывод Пролаза. — А раз ему не до меня, то и мне не до него».

Немедиец воспрянул духом — впервые за несколько дней случилось что-то хорошее. Его взгляд рассеянно скользнул по комнате и остановился на ониксовой фигурке. «А ведь за нее можно выручить неплохие деньги. Если всего за треть идола Леивон меня озолотил, то за целого…»

У Пролазы глаза зажглись алчностью. «Конечно, есть небольшое «но» — статуэтка не совсем моя. Но если хорошенько спрятаться… Да и вообще с такими деньжищами запросто можно перебраться в другой город. В Аренджун, например. Зажить по-честному, лавку открыть…» Впервые идея оставить воровской промысел не показалась Пролазе абсурдной.

«О, Бел! Что это со мной? Никак, старею? А может, просто устал прятаться и дрожать за свою шкуру? Кто позаботится о воре, если не он сам? Конану хорошо, у него вон какая силища, женщины, точно мухи липнут, удача — как мать родная, да и на что ему этот идол? Скоро он о нем забудет, другие дела появятся».

Так успокаивал себя Пролаза, но в глубине души испытывал стыд, не говоря уже о боязни быть пойманным. Но в конце концов соблазн победил, и немедиец начал собираться в дорогу. Бережно завернул статуэтку в юбку Сабы, положил в холщовый мешок, туда же сунул немного еды, кое-что заботливо оставив для Конана. Уже без зазрения совести побросал в мешок Сабины побрякушки. Поделом ей, будет знать, как друзей обворовывать! Помнится, где-то здесь стояла деревянная фигурка бога воров Бела. Пролаза давно положил на нее глаз, и сейчас она бы вполне пригодилась — как талисман. Но Бел точно в воду канул. «Ну и ладно, — махнул рукой Пролаза. — Налегке приятней путешествовать». Глянув напоследок в зеркало и показав язык своему узкому лицу с острым маленьким носом и бегающими глазами, Пролаза поспешил к выходу.

Полночь застала его в нищем юго-восточном квартале, где жилые постройки перемежались со старыми и новыми кладбищами для бедняков. Пролаза ни за что бы сюда не сунулся с полным мешком сокровищ за плечами, если бы через этот квартал не проходила дорога на Аренджун. О трущобах на юго-восточной окраине ходили самые невероятные слухи, кумушки на базаре, боязливо озираясь, рассказывали всякие ужасы о людоедах, оживших мертвецах, оборотнях и прочей нечисти, якобы обитающей там и выползающей по ночам из могил, чтобы терроризировать добропорядочных граждан. Пролаза лишь посмеивался, слыша такие разговоры, — к числу добропорядочных граждан он себя не относил.

Пролаза взглянул на небо — как раз вовремя, чтобы заметить вынырнувшую из облаков громадную полную луну. С пронзительным мяуканьем впереди через дорогу метнулась черная тень. Трижды каркнула невидимая ворона на верхушке кривобокой осины. Как и все, кто живет воровским ремеслом. Пролаза был суеверен, но он прошел почти до конца

квартала — что ж теперь, возвращаться и огибать его по бездорожью? Бел с ними, с приметами, сейчас не время. Впереди пустырь, за ним последнее кладбище, а дальше чистое поле, до него уже недалеко, и там бояться некого. Краем глаза немедиец уловил движение на обочине, ойкнул и присел от страха. Но тут же слегка успокоился. Это всего лишь нищий, немой и безногий, протягивает шляпу. Вот тебе медный грошик, нищий, побалуйся винцом за мое здоровье. Пролаза двинулся дальше, перейдя на всякий случай на другую кромку дороги, и с этого момента его не покидало ощущение, что за ним следят. Он то и дело озирался и в освещенных окнах домов за пустырем замечал человеческие силуэты; всякий раз они спешили исчезнуть, словно чувствовали его взгляд. Нищий сгинул в темноте, и Пролаза, оборачиваясь, больше не видел позади ничего подозрительного, лишь один раз ему показалось, что дорогу быстро пересек кто-то высокий и темный. И тут он обнаружил, что у него трясутся поджилки. Неведомая угроза витала в воздухе, обволакивала липким страхом.

«Глупости, — тщетно успокаивал себя Пролаза. — Мне просто мерещится. Никто не знает, что я несу в мешке, никому до меня нет дела». Он так часто оглядывался назад, что едва не столкнулся с прохожим в черном балахоне. Немедиец отпрянул в сторону; встречный остановился и повернулся к нему лицом. Удаляясь от него почти бегом, Пролаза миновал заросли кустов и за ними увидел костерок; вокруг него неподвижно стояло несколько человек в черных балахонах, лица их прятались под капюшонами.

«Нищие, — сказал себе Пролаза. — Самые обыкновенные бродяги. У них нет денег на ночлег в городе, вот они и греются у костра за околицей. Наверняка они здесь чужие, сами боятся. Если их не задирать, они меня не тронут».

Костер потрескивал. Двое в балахонах безмолвно двинулись наперерез немедийцу. У него мороз побежал по коже.

Он попытался обогнуть зловещих незнакомцев, но один из них совершил неуловимое движение, и Пролаза ощутил, как в предплечье ему, точно железные клещи, впиваются пальцы. Он вскрикнул, рванулся, ударил черного кулаком в лицо. Он промахнулся, но сбил капюшон, и тут же из горла Пролазы вырвался вопль ужаса. Лицо человека в черном было залито кровью и гноем, правый глаз отсутствовал, левый свисал на нерве.

Мертвец!

Второй упырь вцепился в него сзади, и тут же зашевелились остальные. Безмолвно обступили Пролазу со всех сторон. Немедиец снова рванулся, высвободил руку, изо всех сил лягнул мертвеца, который стоял позади, и ударом мешка по голове опрокинул еще одного, который бросился на колени, чтобы схватить его за ноги. Мешок лопнул по шву, на мостовую посыпались обломки ониксового идола. Пролаза кинулся наутек. Ноги предательски подкашивались, он не бежал, а семенил; его догнал бы и ребенок. Упыри густой цепью шествовали следом. Крича благим матом, Пролаза добежал до ближайшего дома, забарабанил кулаками в дверь. Послышались медленные шаги хозяина. Грозные силуэты преследователей приближались; подпрыгивая от страха, Пролаза уже не кричал, а визжал. Вот они в пяти шагах, поднимают руки, чтобы откинуть капюшоны… Но спасение рядом! Громыхнул засов, отворилась дверь… На пороге стоял упырь в черном балахоне. Пролаза всхлипнул и пустился дальше по улице. Столько домов, должен же в них кто-нибудь жить!

Ему только казалось, что он бежит. На самом деле он едва переставлял ноги, мягкие, как тряпичные жгуты. В конце концов ноги отказали, и он сел в дорожную пыль. Мертвецы снова окружили его, и одноглазый достал из-за пазухи что-то блестящее. Расправив златотканую шляпу со свалявшимися павлиньими перьями, нахлобучил ее на голову Пролазы.

В лунном свете зловеще замерцали павлиньи «глаза».

И тут в мозгу немедийца адским пламенем вспыхнули три слова. Каждое из них само по себе было вполне невинным, но вместе они олицетворяли угрозу, страшнее которой Пролаза не знал.

«Золотой… Павлин… Саббатеи…»

— В сторону! — Конан схватил Сабу за руку и увлек прочь с дороги. — Всадники!

Они залегли в кустах. В темноте нарастала дробь множества копыт, со стороны Шадизара приближался большой конный отряд. А затем луна осветила не меньше семи десятков седоков — самого что ни на есть зловещего вида лихих молодцов, с ног до головы увешанных оружием. В арьергарде карета, запряженная четверкой крепких коней, везла самого Пузо — даже в темноте лубочная канарейка на дверце сверкала золотом. Судя по злым возгласам и переругиванию всадников, они были подняты среди ночи и оттого настроены более чем агрессивно. Конан знал, что воровскому «герцогу» Ахамуру Вайсе Саламбену Давгалю Умбрие Лучимии подчиняются не меньше тысячи «вассалов», и по первому его зову с ближайших кварталов сбегаются несколько десятков опытных бойцов. Что же заставило его среди ночи поднять людей и отправиться в поход? И куда он держит путь?

Еще не успев задать себе эти вопросы, Конан понял, что знает ответы. Эта дорога ведет прямиком к особняку Паквида Губара. Бандитский главарь за что-то осерчал на ростовщика и решил его наказать. За то, что посланник Пуза не вернулся с Сабой? Вряд ли. Скорее всего, гонец и сейчас лежит в путах и с кляпом во рту. Если и освободился, добраться до своего господина за это время он никак не мог. Должно быть, что-то случилось, о чем Конан пока не знает. Он похвалил себя за предусмотрительность: правильно сделал, что обратно пошел пешком, оставив повозку гонца неподалеку от особняка. Пешему на ночной дороге легче укрыться от проезжих лиходеев. Когда эти всадники обнаружат повозку, они, скорее всего, задержатся и прочешут ближайшие окрестности.

— Конец Губару, — глухо прошептала Саба. — С Пузом шутки плохи.

— Может, отобьется? У него же не дом, а настоящая крепость. — Но Конан и сам не верил, что Губар победит в войне с всемогущим бандитом. В лучшем случае, он отразит первый штурм, но Пузо обязательно вернется с подкреплением. Он не успокоится, пока не выпустит кишки своему бывшему приятелю.

— Они там всех вырежут, — рассуждала вслух Саба. — Эх, не повезло Фефиму.

— Фефиму? — Конан ошеломленно повернулся к ней. — Разве он там?

— А что, я тебе не сказала? — небрежным тоном спросила Саба. — Ну, виновата, как-то из головы вылетело. Там он, в колодце. Помнишь арену-колодец, где Губар нас в прошлый раз чуть не утопил? Он и сейчас меня туда бросил, такая вот гадина. Это, говорит, чтобы освежить приятные воспоминания. А Фефима там еще раньше заперли.

— А, Кром! — Беспечность Сабы привела Конана в бешенство. — Безмозглая самодовольная курица! Его же убьют из-за тебя!

— При чем тут я? — ощерилась Саба. — У Губара в особняке полторы дюжины вооруженных телохранителей, где нам с тобою их одолеть?

— Я бы потребовал выдать и его, — сказал Конан. — Сказал бы, что Пузо…

— Тут бы тебе и конец, — перебила Саба. — Губар не такой дурак, чтобы дважды попасться на одну уловку. Да плюнь ты, Конан, твоей вины тут нет. Плетью обуха не перешибешь. Может, и спасется Фефим. Он ведь Пузу не враг, за что его убивать?

— В темноте, — глухо произнес Конан, — банда разбираться не будет, кто прав, а кто виноват. Вырежет всех до одного, а дом спалит. Пузу свидетели ни к чему. Я возвращаюсь.

— Зачем? — с искренним удивлением спросила Саба. — Тебя же обязательно убьют. Какая в этом выгода? Стоит ли рисковать ради какого-то ярмарочного артиста? Брось, Конан, это не твоя война. Проклятый идол оставил нас в покое. Наши враги сейчас будут резать друг другу глотки. Все великолепно складывается. Знаешь, о чем я думаю? Давай вернемся в Шадизар и поработаем вдвоем, а? Будем грабить толстосумов. Я, между прочим, такой шикарный налет задумала — самому Пузу не снился. От тебя сущие пустяки потребуются — треснуть сзади по башке кое-кого…

Фраза повисла в воздухе. Недоуменно пожав плечами, молодая женщина смотрела, как силуэт рослого, плечистого мужчины тает в ночном мраке. Потом она сдавленным голосом выругалась и вернулась на дорогу.

Кресло было обито черным бархатом, подлокотники и спинка украшены причудливой резьбой и позолотой. Это было любимое кресло Паквида Губара, оно всегда стояло в сокровищнице, и ростовщик имел привычку подолгу сидеть в нем, любуясь своими богатствами. Но сейчас Губар сидел напротив кресла прямо на каменном полу, всем своим видом демонстрируя смирение, даже подобострастие, а на черном бархате стояла деревянная статуэтка.

— Губар, я разочарован в тебе, — прозвучало в голове ростовщика.

Это Губар и сам уже понял. От статуэтки буквально веяло раздражением. Обратясь к Ониксовому с пустяковой просьбой — подсказать, кто из должников не намерен возвращать ссуду, а решил удариться в бега, — ростовщик не услышал в ответ ни слова. Он несколько раз повторил вопрос, а потом заподозрил, что божок затаил на него обиду.

— Но почему, господин мой? Разве я недостаточно почтителен?

— Да, недостаточно. Почтительность выражается только в голосе и взоре, но не в мыслях. Разве ты забыл, что я способен читать мысли? Я прочел их все до одной. Ты думаешь только о собственной выгоде. Когда же я о чем-нибудь тебя прошу, ты изворачиваешься, как змея на раскаленных угольях. Заметь, ты не выполнил еще ни одной моей просьбы. Пузо, при всех его недостатках, никогда не осмеливался так обращаться со мной. Любые мои желания для него были священны.

— Для меня они тоже священны, повелитель, — с напускной робостью произнес Губар.

— Ложь! Сколько раз я просил тебя принести мне жертву? Но ты под любым предлогом тянешь время. Ахамур никогда так не поступал.

«Заладил — Ахамур, Ахамур, — раздраженно подумал Губар. — Что же ты сбежал от своего драгоценного Ахамура?»

— Я не сбежал, меня украли, — ледяным тоном напомнил Ониксовый, и Губар густо покраснел. — Ты прав, мне нельзя грубить даже в мыслях, я этого не прощаю. Так вот, меня украли и разбили, и за это я очень рассердился на Ахамура. Ему следовало хранить мое тело пуще собственного ока. Но в последнее время мне кажется, что он не так уж и виноват. И к тому же он гораздо порядочней, чем один мой знакомый скряга. Сказать по правде, за все эти годы я успел привыкнуть к Ахамуру и теперь даже скучаю слегка. Пожалуй, я готов простить его, если он искренне покается.

— В этом нет необходимости, господин, — залебезил Губар. — Я все понял, полностью осознал свою вину! Впредь я буду сама почтительность, и завтра сразу же после визита к

губернатору принесу в жертву Лиз…

— Завтра для тебя не будет, Губар, — будничным тоном проговорил Ониксовый. — Пока ты приставал ко мне со своими дурацкими просьбами, я потолковал с Ахамуром. Все рассказал о тебе. О том, как ты строишь козни против него. Как ты надеешься, что я помогу сжить его со свету. Как ты выдал Сабу Конану, который пришел под видом его слуги…

— Конану?! — вскричал Губар. — Так это был он? Негодяй обманул меня! А ты знал — и молчал?

Идол надменно рассмеялся.

— Да, я знал, а теперь и Ахамур знает. Я же говорил, надо было принести Сабу в жертву. Ты совершил ошибку и за это поплатишься головой. Мы с Ахамуром решили помириться, и сейчас он во весь опор скачет сюда.

Губар вскочил на ноги. Стыдливый румянец успел исчезнуть с его щек, но теперь они снова покраснели — от гнева. Этот подлый истукан предал его! А он-то заботился о проклятой деревяшке, метал перед ней бисер, лез вон из кожи, чтобы понравиться! Губар вдруг поймал себя на том, что нисколько не боится — ни Ониксового, ни Пуза. «Пусть один из них бог, а другой демон во плоти, — мы еще посмотрим, чья возьмет!»

— Не вздумай ко мне прикасаться, недолговечный! — визгливо произнес божок, и Губар безошибочно узнал в его голосе страх. — Иначе твоя смерть будет воистину ужасна!

— Ничего ты мне не сделаешь. — Широко ухмыляясь, ростовщик подошел к стене и снял с нее горящий факел. — Если б мог, уже бы со мной покончил. Ты слишком слаб в чужом теле.

— Слаб? Ошибаешься, недолговечный!

Внезапно все кругом пришло в движение — распахнулись тяжелые сундуки, золото гейзерами ударило в потолок, широкий стол эбенового дерева встал на попа, сбрасывая драгоценную посуду и оружие. Ярко вспыхнул факел, сноп искр ударил Губару в лицо. Он зажмурился, заслонился свободной рукой, и тут затрещали доски пола, одна из них подскочила и саданула его по лодыжке. Ростовщик присел, шипя от боли, а затем выпрямился, воздел факел над головой и оглушительно расхохотался.

— Кажется, сейчас кому-то придется искать себе новое тело, — зловеще проговорил он.

— Не смей ко мне приближаться с огнем! Не смей! Ахамур! Мальчик мой, где ты! Спаси меня! Спаси!

— Это Конан, — узнал атаман шадизарских бандитов одного из окровавленных мужчин, появившихся впереди в дверном проеме. — А второй кто? А, жонглер. — Он повернулся к своим людям. — Ты, ты и вы двое. Вперед. Я хочу видеть их мертвыми.

Четверо бандитов молча бросились в атаку. Почти тотчас из-под ног у одного вырвались каменные плитки пола. Они сразу же сдвинулись, и на полу осталась только голова, а туловище улетело в подземелье. Затем раздался хруст, и второй разбойник опрокинулся навзничь, его правая лопатка была расколота стальной арбалетной стрелой, вылетевшей из отверстия в стене. Двое избежали ловушек и добрались до Конана и Фефима. Пока жонглер, еле живой от ран и ушибов, сползал по дверному косяку, Конан с обнаженным мечом шагнул навстречу нападающим и в мгновение ока расправился с первым. Второй обратился в бегство. Конан нагнулся, подобрал пику убитого, взвесил на руке, а затем неуловимым движением занес над головой и метнул в спину убегающему. Истошный вой, точно кнут, хлестнул по высоким сводам.

— Пузо, — крикнул Конан, — ведь ты не ради нас сюда явился. В этом доме полно смертельных ловушек. Стоит ли зря губить людей? Ты и так потерял уже больше поло вины. Гляди, останешься один, когда доберешься до Губара. Дай нам пройти, и я скажу, где его искать.

Пузо криво улыбнулся. — Губар уже мертв, киммериец, — спокойно произнес он. — Я хотел взять его живым, но не удалось. Когда мы добрались до сокровищницы, там лежал только скорченный труп. О ростовщике позаботился наш приятель, ты знаешь, о ком я говорю? Но Губар все-таки успел уничтожить его тело. Ониксовый звал меня, молил о помощи, а я не успел его спасти. И теперь я не найду слов, чтобы выразить свое горе. Надеюсь, твоя смерть послужит хоть каким-то утешением.

Он оглянулся на свою шайку. Телохранители Губара унесли с собой в могилу немало ночных татей, еще больше бандитов погибло в разнообразных капканах особняка. Но у Пуза оставалось еще почти три десятка человек. Конан — великолепный боец, но всех ему не одолеть.

— Что вы стоите? Прикончить его!

— Эй, погоди-ка!

Возглас Конана заставил Пузо обернуться. Киммериец протягивал в его сторону знакомую вещицу. Бледно-желтый шарик покачивался на золотой цепочке.

— Узнаешь?

Пузо кивнул.

— И что с того?

— Это все, что осталось от твоего друга, — пояснил Конан. — Старое тело разбито, из медного быка его выгнали, а деревянную статуэтку уничтожил Губар. Ростовщик владел магией и в поединке с Ониксовым здорово измотал его. У твоего бывшего покровителя не оставалось сил на поиски удобного нового вместилища. Их хватило лишь на то, чтобы втиснуться в обломок привычного ониксового тела, который случайно оказался поблизости.

— Что ты хочешь этим сказать? — хмуро спросил Пузо.

— Только то, что твой приятель — здесь. — Конан встряхнул бусину. — В этом кусочке своего любимого камня. Сейчас он очень слаб и мало на что пригоден, но если окружить его любовью и почитанием, если выполнять все его желания, короче говоря, если обращаться с ним, как с божеством, к нему вернутся силы. Он сам мне об этом сказал. А еще сказал, что прощает тебя и ни о чем так не мечтает, как о возвращении в твой дом. Наступило молчание. Три десятка головорезов оторопело глядели на Конана и своего главаря. Никто из них не понимал ровным счетом ничего. Судя по изумленным минам на всех без исключения физиономиях, бандитам казалось, что они внимают разговору двух умалишенных.

— Да, — неохотно признал наконец Пузо. — Сейчас я тоже слышу его голос. Отдай мне этот камень. Он тебе уже не понадобится.

— Отдать камень? — Конан расхохотался. — Если как следует ударить им об стенку, от него останется крошево. А что останется от твоего покровителя, а, Пузо? Что останется от твоей власти? Разве ты еще не успел почувствовать, как она, точно вода, убегает между пальцами? Этот камень — не только цена моей жизни, Пузо. Это и цена твоего могущества.

Он умолк и с вызовом посмотрел на толстяка. Было на что смотреть — впервые за многие годы грозный атаман выглядел таким растерянным, даже пришибленным. Плечи его поникли, глаза бегали. «Правило первое, — проговорил он в уме, — не уступай никому

никогда. Правило второе: никому никогда не уступай…»

«Ахамур, я умоляю! — раздался в мозгу слабый голос Ониксового, — Не губи нас! Вспомни, кем ты был, пока не встретил меня на острове».

И тут Пузо с содроганием вспомнил ехидный голос капитана «Воли ветров». «Ахамур, напомни в ближайшем порту, чтобы я отвел тебя на невольничий рынок. Попробуем продать тебя какому-нибудь нищему. С паршивой овцы, как говорится…»

«С тех пор, как я встретил Ониксового, никто не издевался надо мной», — подумал Пузо.

— Хорошо, — бесцветным голосом сказал он киммерийцу. — Договорились.

— Фефима ты тоже не тронешь, — потребовал Конан.

— Не трону, — пообещал Пузо. — Давай сюда камень.

— Сначала ты мне дашь клятву, — твердо заявил Конан.

Толстяк выразительно пожал плечами, мол, сколько можно приставать ко мне со всякой ерундой. Но решил не спорить.

— Слово герцога, — буркнул он, — век добычи не видать.

Конан помог Фефиму подняться. Когда они приблизились к Пузу, бледно-желтый шарик на золотой цепочке лег на подставленную жирную ладонь. И сразу исчез в кулаке. Сверля Конана ненавидящими взорами, бандиты уступили дорогу ему и его израненному спутнику.

— Он его проглотил, — сказал Фефим, когда они вышли в сад. — Ты видел? Он его проглотил.

Конан кивнул. Он тоже заметил, как толстый атаман оторвал цепочку от камешка и сунул его в рот на глазах у оторопевших приспешников.

— Но зачем? — недоумевал Фефим. — Боялся, что украдут?

— Подожди меня здесь. — Киммериец усадил спутника на скамью у пруда и с мечом в руке направился к павильону. Дверь оказалась заперта изнутри. Не раздумывая, Конан изо всех сил ударил ее ногой. Нижняя петля не выдержала. Еще несколько ударов, и дверь с грохотом полетела на пол.

Он шагнул в проем. И застыл как вкопанный.

— Еще шаг, — прошипел Хаггари, — и я перережу ей глотку.

Евнух стоял за спиной у красивой молодой северянки, левой рукой прижимал ее к себе, а правой держал у ее горла длинный и кривой, как серп, нож. Лицо Хаггари было перекошено страхом и ненавистью. Рядом, под толстым деревянным брусом, горизонтально выступающим из стены, на длинной скамейке стояли в ряд три женщины. У каждой на шее была затянута тонкая, как струна арфы, стальная проволока, верхним концом привязанная к брусу. Толстая кривая нога Хаггари упиралась в край скамейки. Конан мгновенно понял: если бритоголовый мерзавец выбьет скамейку из-под ног своих жертв, они погибнут почти мгновенно. Проволока — не веревка. Она не душит, а перерезает горло.

— Вам всем надо бежать, — спокойно произнес Конан. — В доме Пузо со своими головорезами. Они вот-вот спустятся в сад и всех вас прикончат.

— Хи-хи-хи! — пискляво рассмеялся Хаггари. — Придумал сказочку, чтобы отнять у меня девчонок? Я тебе не верю! Они мои! Даже Губар ни одну из них пальцем не тронул, потому что они мои! Я сам буду их убивать! По одной, долго-долго. По капле высосу из них кровь. Убирайся!

В глазах евнуха пылало безумие. Это от страха, догадался Конан. Пока бандиты

штурмовали замок, этот подлец отсиживался взаперти и под вопли своих умирающих приятелей сходил с ума от ужаса.

— Хи-хи-хи! Но если ты хочешь, чтобы они подохли сразу, сделай шаг вперед. Один-единственный шажок. — Длинный блестящий клинок сильнее прижался к горлу северянки.

— В сторону, — раздался за спиной Конана шепот Фефима.

Киммериец не колебался ни мгновения. Он прыгнул в сторону, и тотчас коридор огласился жутким ревом. Кривой нож со звоном упал на пол. Евнух отпрянул назад и схватился за рукоять короткого метательного кинжала, торчащую из его щеки. Всего шаг отделял Хаггари от скамейки, но страшная боль в щеке, языке и небе помешала ему опомниться и сократить это расстояние, прежде чем Конан своим телом заслонил его от трех полумертвых от страха жертв. А потом боль угасла, но вместе с ней угасла и жизнь.

— Где ты раздобыл кинжал? — спросил Конан у жонглера, когда они оказались за воротами.

— Забрал у одного бритоголового возле пруда. Наверное, при жизни он тоже увлекался метанием ножей. Все-таки, как ты думаешь, зачем Пузо проглотил камень? Для пущей сохранности?